

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1 (18)

2009

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

Общественно-политический
и научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный
университет

Издается с 1997 г.

Регистрационное свидетельство
№ С1388, выдано 31 мая 1996 г.

Поволжским

Региональным Управлением
регистрации и контроля

за соблюдением законодательства РФ
о средствах массовой информации
Комитета Российской Федерации
по печати

© Самарский государственный университет, 2009

© Издательство «Самарский университет»,
оформление, 2009

© «Самарский земский сборник», 2009

2009
№ 1 (18)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)

Н.Н. Кабытова

И.А. Носков

П.И. Савельев

Ю.Н. Смирнов

Ответственный секретарь -
Э.Л. Дубман

Художественный редактор -
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет -
О.А. Карасева

Подписано в печать 23.12.2009. Формат 70x100 /16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура "NewtonC". Тираж 300 экз. Заказ 218.

Издательство "Самарский университет".

443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1. Тел. 334-54-23.

Отпечатано в ООО "Издательство "Русское эхо"
443071, г. Самара, ул. Волжский пр-кт, д. 15А, оф. 33.
Тел. (846) 333-48-01.

П.С. Кабытов*

ПРОФЕССОР ЭДУАРД ЛЕЙБОВИЧ ДУБМАН
(к 60-летию доктора исторических наук,
профессора кафедры Российской истории СамГУ)

Первого апреля 2010 г. исполняется 60 лет Эдуарду Лейбовичу Дубману, научные труды которого получили широкую известность среди российских и зарубежных историков, изучающих историю России XVI-XVIII вв. Родился он в 1950 г. в рабочей семье, в предместье Самары (тогда г. Куйбышева) поселке Зубчаниновка. Его родители, жившие ранее в Белоруссии, в начале войны были эвакуированы в Поволжье.

Детские и юношеские годы Эдуарда стали важным этапом в процессе становления личности и формирования мировоззрения. Строгое воспитание в семье сочеталось с демократией зубчаниновской улицы (во многом напоминавшей российскую деревню). Эти и другие факторы способствовали складыванию у будущего историка таких черт характера, как стойкость, умение преодолевать невзгоды и трудности, трудолюбие, ответственность и скромность. Но самое важное – он осознал целесообразность не только слушать, но и слышать учителей, сверстников, старших и коллег; интуитивно понял, что овладение коммуникативными средствами является залогом успешной работы.

В Зубчаниновке Эдуард окончил восьмилетнюю школу. Отец рано умер, нужно было зарабатывать на жизнь и он решил получить рабочую профессию. Выбор пал на Куйбышевский металлургический техникум, который он окончил с отличием. За время учебы и производственных практик освоил профессии правильщика 4 разряда и такелажника на Куйбышевском металлургическом заводе.

Получив диплом, Дубман вполне мог продолжить работу на металлургическом заводе, поступить в политехнический или авиационный институты. Но специальность инженера оказалась для него не престижной. Уже в детские годы он увлекся историей. Среди учебников по металлургии на его столе всегда можно было найти исторические романы, документальные повести. Особенно Эдуарда интересовала средневековая история России. Выбор, куда идти учиться, был для него предопределен. В 1969 г. он поступает во вновь открытый Куйбышевский государственный университет на специ-

* д.и.н., профессор, первый проректор СамГУ.

альность «История». В первые годы становления университета здесь работали такие яркие преподаватели как профессора Е.И. Медведев, В.Н. Борисов, Н.Н. Яковлев; доценты А.Г. Каревская, Л.В. Храмков, Б.Д. Козенко, старший преподаватель Г.И. Матвеева. Их лекции и семинарские занятия открывали новые возможности для самореализации студентов, для выбора будущей специализации. Уже на втором курсе определились научные интересы студента Дубмана. Под руководством Л.В. Храмкова он начал изучать историю начального заселения и хозяйственного освоения Самарской Луки. Но помимо учебы и научной работы Дубмана не могла не увлечь романтика студенческой жизни. В 1970 г. он в составе студенческого строительного отряда занимается прокладкой телефонного кабеля в г. Куйбышеве. Летом 1971 г. участвовал в строительстве нефтяной насосно-перекачивающей станции в п. Стрежевом Томской области. В полной мере профессии землекопа, бетонщика, каменщика, плотника, монтажника были освоены Дубманом летом 1973 г. в столице Тувы г. Кызыле. Эта стройотрядовская эпопея была особенно богата разными приключениями.

Конечно, как и многие студенты-историки, Дубман не мог не переболеть увлечением археологией. Ему навсегда запомнилась археологическая практика, которую он проходил под руководством И.Б. Васильева в с. Ширяево осенью 1970 г. Но вот учеба в университете завершена. Получен диплом с отличием. Что же дальше? А дальше — работа учителем школы в районном центре Красный Яр. Здесь он 3 года преподавал самые разные гуманитарные предметы. Обширный набор учебных дисциплин для молодого учителя был неслучаен. Так или иначе, он хорошо знал историю, географию, обществоведение и литературу. Но карьера школьного учителя не привлекала его. К тому же в 1976 г. при встрече с Е.И. Медведевым он услышал совет сдавать экзамены кандидатского минимума и поступать в аспирантуру. Но для этого нужно было работать в университете. Во второй половине 70-х годов при кафедре дореволюционной отечественной истории была создана хозрасчетная археологическая научно-исследовательская группа, сотрудники которой вели изучение археологических памятников в зонах новостроек. Руководила ею Галина Ивановна Матвеева. Она хорошо помнила своего бывшего студента и решила пригласить его на работу. 17 ноября 1977 г. Эдуард был принят на должность младшего научного сотрудника. Вскоре оказалось, что он обладает организаторским талантом. Его назначают начальником группы (НИГ-7), руководителем археологической экспедиции. Фактически в конце 70-80-е гг. он выступал в качестве менеджера, вел переговоры с руководителями строительных организаций и заключал контракты на выполнение исследовательских работ. В этой связи можно утверждать, что Дубман внес весомый вклад в организацию и проведение археологических исследований. В 1977 г. он подал заявление о прикреплении к кафедре для сдачи экзаменов кандидатского минимума, а в 1980 г. поступил в заочную аспирантуру к Е.И. Медведеву. Тогда же определилась и тема будущей кандидатской диссертации: «Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII — начале XVIII вв.». При изучении этой проблеме огромное внимание было уделено выявлению документального материала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга,

Казани, Ульяновска, Саратова. Такой подход позволил определить основные тенденции в развитии церковно-монастырского хозяйства, показать роль церкви в хозяйственном освоении обширного края. После смерти Медведева научное руководство молодым аспирантом перешло к автору этих строк. Защита кандидатской диссертации состоялась в 1986 г. в диссертационном совете при Куйбышевском педагогическом университете. В отзывах ведущей организации и официальных оппонентов была дана высокая оценка вклада диссертанта в изучение средневековой истории Среднего Поволжья.

Важным этапом в становлении Дубмана как историка и ученого стала его работа на кафедре российской истории вначале как старшего преподавателя, затем — доцента и профессора. Его переход на преподавательскую деятельность был вызван негативными процессами в экономике страны в связи с системным кризисом, а затем и крахом советской государственности. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов строительство новых объектов замораживается, а в этой связи свертывались работы по спасению археологических памятников в зонах новостроек. Поэтому штат археологической лаборатории стал сокращаться. Мне, как заведующему кафедрой, пришлось убеждать ректора университета в целесообразности перевода части научных сотрудников в штат кафедры. Надо сказать, что уже во второй половине 80-х годов Дубман работал совместителем-почасовиком на кафедре и выполнял ежегодную учебную нагрузку в объеме 240 часов. В марте 1991 г. Дубман был избран ученым советом университета на должность старшего преподавателя.

Началась новая полоса в жизни и деятельности ученого. Девяностые годы XX в. — особый этап в биографии Дубмана. Это был весьма насыщенный период, связанный как с разработкой лекционных курсов по отечественной истории, так и с активной научной работой. Ее итогом стала подготовка докторской диссертации «Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI—XVII веков», которую он защитил в 2000 г. в диссертационном совете при Саратовском государственном университете. В качестве официальных оппонентов выступали ведущие историки Российской Федерации: И.Г. Истомина (Институт российской истории РАН), Г.А. Герасименко (Академия государственной службы при Президенте РФ), И.П. Ермолаев (Казанский государственный университет). Они отметили, что диссертант впервые детально прослеживает взаимодействие государства и народа в освоении Понизового Поволжья, показывает роль различных групп населения региона в развитии предпринимательства.

Несомненно, следует подчеркнуть значимость научной разработки Дубманом истории Самарского края XVI—XVII веков. Он является автором глав по этому периоду в монографиях «Земля Самарская», «Самарская летопись», «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», учебном пособии для учащихся школ «Самарская область: география, экономика, история и культура» (выдержавшем 3 издания). Городское общество Самары весьма позитивно оценило его книгу о воеводе Григории Засекине. Особо отметим его участие в подготовке и издании книги по самарской топонимике. Эта работа была выполнена совместно с Ю.Н. Смирновым и В.Ф. Барашковым. Нельзя пройти мимо его неустанной работы по изучению историко-

культурного наследия Самарской области. Укажем лишь наиболее важные проекты. Дубман участвовал в инвентаризации историко-культурного наследия Самарской области в 1991-1994 гг., в составлении и издании историко-культурной энциклопедии Самарской области (в 4 т.), издании 5-томной антологии «Классика Самарского краеведения», монографии «Очерки истории юго-востока европейской России», «Поволжье - «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.)». Им написана, выдержавшая два издания, монография «Новая Закамская линия: проект, судьба, строительство».

Говоря о научной деятельности Э.Л. Дубмана, нельзя не отметить его вклад в организацию и проведение Всероссийских Платоновских чтений, которые способствуют становлению новой генерации историков XXI века. Конечно же, я не могу не упомянуть об участии Дубмана в проекте по подготовке и изданию антологии «Американская русистика», его работу над «Энциклопедией Самарской области». Убежден, что педагогическая и общественная деятельность профессора Дубмана будет еще долгие годы служить самарскому народу, а его труды будут стимулировать разработку научных проблем по российской истории.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

М.И. Леонов*

ГЕОГРАФИЯ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (Урал, Сибирь, Кавказ, Туркестан, эмиграция. Summa summarum)**

На Урале первые организации эсеров появились в 1895 г. В июне 1901 г. Уфе прошел съезд, на котором был образован «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров». «Союз» вел агитацию рабочих, учащихся, а также крестьян; располагал неплохо оборудованными по тем временам типографиями, издал значительное количество прокламаций и брошюр. В его составе находились эсеровские группы и комитеты Алапаевска, Екатеринбургa, Кунгура, Нижнего Тагила, Перми, Уфы. В «Уральском союзе» эсеры преобладали. Об этом, в частности, свидетельствовало преобладание эсеровских прокламаций, брошюр, газет в общей массе изданий объединенной организации. Начиная с середины 1902 г. лидеры РСДРП повели кампанию по развалу «Союза», и в 1903 г. он прекратил свое существование¹.

Пермский кружок эсеров, возникший в середине 90-х гг. XIX в., с момента возникновения «Уральского союза» именовался группой, а с 1903 г. — комитетом. С мая 1903 г. он значился как комитет партии эсеров. Пермские эсеры пропагандировали, учащихся, рабочих, преимущественно Мотовилихинского завода, издавали прокламации, а также гектографированный «Уральский листок» (1903. №1-6)².

В г. Екатеринбурге Пермской губернии кружок эсеров сформировался в середине 90-х гг., с 1901 г. он назывался группой, с начала 1903 г. — комитетом «Уральского союза», с весны 1903 г. — комитетом партии эсеров. Его члены образовали несколько групп учащихся и рабочих промышленных предприятий. Агитацию деревни они заметно усилили со второй половины 1902 г., создав несколько крестьянских кружков в Екатеринбургском и Камышловском уездах³. Также они вели интенсивную, по тем временам, издательскую

* д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

** Заключительная статья. Предшествующие см.: Самарский земский сборник. - Самара. - Изд-во СамГУ. - 2005. - №3 (11), №4(12); 2007. - №2 (16).

деятельность. Регулярно выпускали листовки, «Уральский летучий листок» (1902-1903. №1-15); «Хронику» (1902-1903). Группа эсеров г. Алапаевска была сформирована в 1900 г. С 1901 г. и до весны 1903 г. она находилась в составе «Уральского союза», позднее считалась беспартийной. Алапаевские эсеры агитировали рабочих и крестьян⁴.

Кружок эсеров г. Кунгура Пермской губернии, организованный в конце 90-х гг., агитировал рабочих кожевенных предприятий и кустарей-ремесленников. С 1902 г. группа эсеров Кунгура входила в «Уральский союз», а с середины 1903 г. являлась непартийной. Эсеры г. Кунгура, рабочие-кожевники и ремесленники, учащиеся технического училища, сельские учителя, агитировали и крестьян уезда, издавали с 1902 г. гектографированную газету «Крестьянское дело»⁵. В кружок, организованный выпускником Мариинского земледельческого училища Саратовской губ. агрономом Ф.А. Мальцевым в с. Торговижском Красноуфимского у. Пермской губ. весной 1902 г., входило около 70 крестьян. Член кружка, учитель В.И. Чистяков, размножал на гектографе прокламации и брошюры⁶.

Начало эсеровской организации г. Вятки было положено в середине 90-х гг. Первые издания непартийной группы помечены 1902 г. О принадлежности к партии эсеров группа объявила в 1903 г., а в 1904 г. ее преобразовали в комитет. Вятские эсеры издавали прокламации, вели агитацию учащихся, рабочих, крестьян. В 1902-1904 гг. они учредили несколько крестьянских кружков и «братств»⁷. Отличался активной агитацией крестьян образованный в 1902 г. кружок эсеров Мензелинского земледельческого училища. Брошюры «Хитрая механика», «Вторая воля», «Воля царская и воля народная» нередко читались на сельских сходах⁸.

Эсеры Уфы во второй половине 90-х гг. создавали кружки рабочих, спорадически издавали прокламации. Костяк организации, оформившейся в начале XX в., составляли ссыльные. В составе «Уральского союза» она по началу именовалась группой, с 1903 г. — комитетом. Эсеры агитировали учащихся, рабочих; создали несколько кружков рабочих и молодежи⁹. Златоустовская группа эсеров проявила себя в 1902 г. После ликвидации «Уральского Союза» она значилась как группа, а с 1904 г. — комитет партии эсеров. Златоустовские эсеры пропагандировали учащихся и рабочих, создавали кружки¹⁰. Начало Оренбургской «группы социал-демократов и социалистов-революционеров», которая, впрочем, ничем себя не проявляла, было положено в декабре 1904 г.¹¹. Непартийная группа в Риге, единственная организация эсеров в Прибалтийских губерниях, оформилась в середине 1904 г.

Создателями, организаторами и руководителями эсеровских объединений Сибири были политические ссыльные, бывшие народники и народо-вольцы. В конце 1904 г. они основали «Сибирский союз партии социалистов-революционеров», располагавший «тремя хорошо оборудованными тайными типографиями»¹². Начало Томской организации положили в 1900-1901 гг. ссыльные народо-вольцы. На рубеже 1902-1903 гг. была создана группа эсеров, в начале 1904 г. преобразованная в комитет. Эсеры размножали на mimeографе прокламации «К студентам», «К обществу» (в 1903 г. — всего 1450 экз.), сборник «Отголоски борьбы». Наиболее интенсивно они агитировали учащихся; создали несколько кружков студентов. Пропаганда рабочих велась спорадически¹³.

Непартийная организация г. Читы вела начало с 1902 г. Прокламации, обращенные к читинским рабочим и молодежи, первоначально печатались на гектографе, затем в типографии. В 1904 г. эсеры создали кружки в частях охраны железной дороги¹⁴. Организация эсеров Иркутска была оформлена в 1902 г., со следующего года ее именовали группой¹⁵. Красноярская непартийная группа эсеров, основанная в 1903 г., во второй половине 1904 г. была преобразована в партийную. Организации Иркутска и Красноярска издавали прокламации, агитировали рабочих, солдат; создали кружки рабочих, «группу молодежи ПСР»¹⁶. Непартийная организация Читы, основанная в 1902 г., изредка распространяла листки и не очень активно агитировала части охраны железной дороги¹⁷. Омская организация эсеров начала складываться в конце 1904 г. и ничем существенным себя не проявляла¹⁸.

Обратимся к региону Кавказа. В Баку партийная группа эсеров оформилась в 1902 г., в комитет ее преобразовали в 1904 г. Эсеры Баку агитировали рабочих, солдат, основывали кружки, издавали прокламации на русском, армянском, татарском языках, участвовали в декабрьской забастовке 1904 г.¹⁹ В г. Батуми Кутаисской губернии организация эсеров оформилась в 1902 г. На рубеже 1902-1903 гг. ее преобразовали в партийную группу, а во второй половине 1904 г. — в комитет. Эсеры агитировали рабочих и учащихся, издавали прокламации²⁰. В Тифлисе в 1900 г. была основана организация эсеров, преобразованная в 1902 г. в партийную группу, которая вела агитацию учащихся и рабочих, преимущественно железнодорожных мастерских, создавала рабочие кружки, издавала и распространяла прокламации²¹.

В Туркестане первые партийные организации, которые объединяли и социал-демократов, и эсеров, и бундовцев, и либералов, появились на рубеже XIX-XX вв. Группа эсеров Асхабада оформилась в 1904 г., осенью того же года рядом прокламаций заявил о себе Асхабадский комитет партии. Эсеры агитировали почти исключительно великороссов-горожан: учащихся, рабочих, железнодорожников. Ни о группе, ни о комитете в центре партии эсеров не ведали²². Ташкентская непартийная организация эсеров в составе «Ташкентской группы социал-демократов и социалистов-революционеров» оформилась в сентябре 1903 г. Первоначально в ней были только ссыльные. В октябре 1904 г. она выделилась в самостоятельную партийную группу, которая приобрела «очень сильные связи» в железнодорожных мастерских и воинских частях, дислоцированных в городе, организовала несколько кружков рабочих и солдат, регулярно выпускала прокламации. Агитацией земледельческого населения она не занималась²³. Непартийная организация эсеров Самарканда появилась в 1904 г. Проявляла она себя лишь спорадической агитацией учащихся, железнодорожных служащих и рабочих²⁴. Партийный центр сведений о ней не имел.

Первая организация социалистов-революционеров появилась в эмиграции. Х.И. Житловский, М.А. Розенбаум, Х.Л. Раппопорт в 1893 г. основали в Берне «Группу молодых народовольцев». На рубеже 1893-1894 гг. «Группу» переименовали в «Союз русских социалистов-революционеров». Он представлял за границей «Союз» и «Партию» эсеров, опубликовал их программные воззвания, транспортировал нелегальные издания в Россию, издал 11 но-

меров газеты «Русский рабочий», четыре прокламации, три брошюры и одну книгу²⁵. В рядах «Союза» было, самое многое, восемь членов²⁶.

С.М. Степняк-Кравчинский, Л.Э. Шишко, Н.В. Чайковский, Ф.В. Волховский, М. Войнич в 1891 г. основали в Лондоне «Фонд вольной русской прессы»; его отделения были созданы в городах континентальной Европы и в США. До конца 1901 г. «Фонд» выпустил около ста брошюр и 44 номера «Летучих листков Фонда вольной русской прессы»²⁷. В начале XX в. наиболее авторитетные и активные его члены «Фонда», присоединились к партии эсеров, после чего «Фонд» незаметно ушел в небытие²⁸.

В феврале 1900 г. в Париже 15 человек, преимущественно бывших народников и народовольцев, по инициативе В.М. Чернова основали Аграрно-социалистическую Лигу для написания, издания и распространения «аграрно-социалистической» «народной литературы»²⁹. Летом 1900 в Лиге числилось 17 человек, в середине 1902 г. — 21, в середине 1903 г. — 18. Из них почти $\frac{2}{3}$ — представители народнической и народовольческой генераций³⁰. За 1900-1901 гг. Аграрно-социалистическая Лига выпустила программное воззвание и пять «народных брошюр» общим тиражом 10 тыс. экз.³¹ До начала 1905 г. эсеровские публицисты и литераторы написали около 100 пропагандистских брошюр, большинство которых издали тиражом 2-5 тыс. экз. (некоторые — тиражом 10-15 тыс. экз.)³².

В конце 1901 г. во время переговоров об объединении «Аграрно-социалистическая Лига» отказалась войти в состав партии эсеров. В принятом на первом съезде «Лиги» (июль 1902 г.) «Федеративном договоре» объявлялось о ее самостоятельности³³. Однако уже II съезд Аграрно-социалистической Лиги (август 1903 г.) констатировал полную ее зависимость от партии эсеров и обреченность попыток сохранить независимость³⁴.

После образования партии эсеровская эмиграция численно выросла, но была неорганизована. Центром ее была Женева. Значительное число эсеров находилось также и в Париже. По инициативе Е.К. Брешко-Брешковской, П.С. Поливанова и М.Ш. Розенблюма в Женеве с 5 по 10 августа 1903 г. был устроен съезд, на котором была создана Заграничная организация партии социалистов-революционеров, принят Устав и избран Заграничный Комитет (ЗК) в составе 10 человек³⁵. В работе съезда участвовали все желающие. Всего 61 человек³⁶. ЗК совместно с членами ЦК, утверждал редакции партийных изданий, ведал изданием и транспортом литературы, финансами, отправкой людей в Россию, перепиской с организациями в России и т.д. Члены ЦК, «временно пребывающие за границей», входили в ЗК. В случае полной гибели ЦК в России ЗК временно замещал его. В «Кратком отчете о деятельности П.С.Р.», представленном II съезду Заграничной организации констатировалось, что так как «Центральный комитет не был в силах выполнять постоянно и исправно роль центра технического, центра справочного», то эти функции фактически выполняли редакция «Революционной России» и ЗК³⁷. Во второй половине 1904 г. за границей находилось уже около 100 эсеров. Едва ли не половина из них — в Женеве³⁸. Оформленные группы, кроме Женевы, были в Берне, Цюрихе, Париже. Группы эсеров в Нью-Йорке и Филадельфии были заняты, преимущественно сбором средств, половина которых предназначалась Боевой организации³⁹.

Подведем итоги. Первые эсеровские организации датируются 1893 г (эмиграция) и 1895 г. (Россия). С середины 90-х гг. XIX в. и по конец 1901 г., до времени соглашения об образовании партии, в России выявлено 29 эсеровских организаций. Все они, за исключением Томской, располагались в городах Европейской России. В губернских городах находилось 25 организаций, в уездных — четыре. На момент образования партии в России насчитывалось 10 «партийных организаций» (остальные считались «непартийными») ⁴⁰. С 1902 и до конца 1904 гг. в России существовало 96 организаций: 54 (в их числе две областные) «партийных организаций», и 42 «непартийных». Также за рубежом находился Заграничный комитет, четыре оформленных группы в Европе и две в Америке.

В Европейской России располагалось 85 организаций (47 партийных и 38 непартийных), в Сибири — 5 (две партийные и 3 непартийные организации), в Кавказском крае — 3 партийные организации, в Средней Азии — 3 (2 партийные и 1 непартийная организация). В Сибири и Средней Азии первые оформленные эсеровские объединения заявили о себе в 1903 г. Были они малочисленны, состояли, за небольшим исключением, из интеллигентов, деятельность свою ограничивали спорадическим изданием листовок. Партийному центру была известна лишь томская организация, о других он не знал. Значительно более активны были три партийные организации Кавказского края. Впрочем, их воздействие не выходило за пределы городов, в которых они дислоцировались. В Царстве Польском и Финляндии эсеровских групп и комитетов не было. Российские организации регулярно арестовывались, порой в полном составе, но достаточно быстро восстанавливались. Смута конца XIX - начала XX вв. благоприятствовала постоянному притоку неофигов, созданию благоприятной среды, усилению материальной и идейной и поддержки либералов. В Европейской России находилось 81,6% общего числа организаций, в том числе, 83,9% партийных, и 78,7% непартийных. Здесь располагались все первоначально созданные и все наиболее многочисленные и значимые объединения эсеров. В губернских городах находилось 37 партийных и 10 непартийных, в уездных городах — 10 партийных и 28 непартийных групп и комитетов.

Абсолютное большинство организаций располагалось в районах сосредоточения интеллигенции. Организации первых мест партийного рейтинга: Петербургская, Московская, Бакинская, Виленская, Витебская, Волынская, Воронежская, Екатеринославская, Киевская, Кишиневская, Курская, Нижегородская, Одесская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Саратовская, Томская, Уфимская, Харьковская, Черниговская — возникли на основе народныхольческих организаций ⁴¹. Многие из остальных, и большинство появившихся до конца 1901 г., эсеровских групп и комитетов были основаны при активном участии бывших народников и народовольцев.

На первых порах они (представители генераций 40-х — 60-х гг. XIX в.) составляли заметную часть и играли ведущую роль в эсеровских группах и комитетах. В 1902-1904 гг. их доля в местных организациях заметно сокращается. На ведущие позиции вышла молодежь второй половины 70-х — 80-х гг. XIX в. рождения. Большую часть «образцового» Московского комитета в

1904 г. составляли интеллигенты, недавно закончившие высшие учебные заведения, меньшую — студенты. Самым возрастным членом комитета была М.С. Емельянова (1876 года рождения). В 1903-1904 гг. молодежь составляла большинство комитетов Киева, Екатеринослава, Смоленска, Белостока, Тулы, Казани, Пензы, Тамбова, Харькова. В целом, в партии молодежь решительно преобладала. Лидеры осознавали это обстоятельство. В июне 1904 г. Е.К. Брешко-Брешковская писала: «Мы вынуждены действовать, имея сто тысяч рублей в год (на все расходы), и при наличии нескольких сот молодых людей, по несколько раз в году арестуемых и пополняемых новыми сословиями неопытной молодежи»⁴². В партийном же руководстве и в Заграничной организации представители генерации 40-х - 60-х гг. XIX в. по-прежнему составляли значительную часть⁴³.

Основным объектом партийного воздействия было городское население. Все организации создавали группы учащихся (и студентов, там, где были средние специальные и высшие учебные заведения), рабочих и ремесленников. «Рабочие союзы» и группы рабочих и ремесленников имелись в городах 35 губерний. «Крестьянские союзы» при городских комитетах и группах были созданы в 17 губерниях, крестьянские организации — в 25 губерниях. Крестьянские организации находились только в Европейской России. Основной ареал сельских организаций эсеров - губернии русского черноземного клина. В Сибири и национальных окраинах Российской империи эсеровские сельские организации отсутствовали.

Социалистические оппоненты эсеров, социал-демократы, превосходили их по числу организаций: на 1898 г. социал-демократические организации зафиксированы в 71 населенном пункте, в 1903 г. — в 130, в 1904 г. — в 156⁴⁴. Разрыв в количестве городских организаций эсеров и социал-демократов сокращался, хотя и оставался существенным. Число сельских организации эсеров и социал-демократов, особенно после 1902 г., несопоставимо, по той причине, что таковых у социал-демократов, по существу, не было.

Эсеры на рубеже XIX-XX вв. были преимущественно городской организацией Европейской России. На первых порах эсеровские объединения имели явно выраженный интеллигентский кружковой заговорщический характер. К концу 1904 г. наиболее значимые из них становились более полифункциональными, усложняли инфраструктуру, вовлекали в свои ряды, в небольшом количестве, представителей простонародья, расширяли ареал и объект своего воздействия, усиливали агитацию масс. Лицо эсеровских объединений определяла интеллигенция. Простонародье было объектом воздействия и в редких случаях субъектом партии.

Примечания

¹ ГАРФ. - Ф.124. - Оп.43. - Д.621. - Л.32, 195-206; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.364; там же. - Д.365; там же - Д. 378; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за 1895-1896 гг. - СПб. - С.218; Революционная Россия. 1903. №18. С.15.; Капцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. - Пермь, 1975. - С.6-33; Суслов М.Г. Зарождение и борьба политических партий на Урале в конце XIX - начале XX вв. // Борьба классов и партий на Урале в период империализма. - Пермь, 1985. - С.8-15.

² ГАРФ. - Ф. 5805. - Оп.1. - Д.115. - Л.4; РГАСПИ. Ф.673. - Оп.1. - Д.393; там же. - Д.202; там же. - Д.403; там же. - Д.409; там же. - Д.587; Революционная Россия. 1903. №18. С.15;

³ ГАРФ. - Ф.124. - Оп.1903 г. - Д.578-579; там же. - Оп.1905 г. - Д.621. - Л.32, 194-206; там же. - РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.365; там же. - Д.367; там же. - Д.378; Обзор важнейших дознаний ... за 1895-1896 гг. - СПб., 1897. - С.218; Революционная Россия. - 1903. - №18. - С.15; Быков В. Из жизни Уральских организаций. Екатеринбург, 1923. - С.4-7.

⁴ ГАРФ. - Ф.124. - Оп. 43. - Д.621. - Л.22; Знамя Труда. Центральный орган партии социалистов - революционеров. - Париж, 1908. - №10-11. - С.23.

⁵ ГАРФ. - Ф.102. ДП ОО. - Оп.1907 г. - Д.9. - Ч.42. - Л.5.

⁶ ГАРФ. - Ф.102. - ДП. - 7-ое д-во. - Оп.1902 г. - Д.1666. Л.147-148; Обзор важнейших дознаний ... за 1902 год. - С.55.

⁷ ГАРФ. - Ф. 102. - ДП ОО. - Оп. 1905 г. - Д.1800. - Ч.30. - Л.13; там же. - Ф.124. - Оп. 1907 г. - Д.180. - Л.108-110; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.364; Спиридович, А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. - СПб., 1916. - С.20, 66; Записки А.А. Петрова. [К истории взрыва на Астраханской улице]. - Париж, 1910. - С.VII-X.

⁸ Революционная Россия. - 1904. - №49. - С.19.

⁹ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д. 363; там же. - Д.587; Революционная Россия. - 1903. - №21. - С.10; там же. - №24. С.19; Знамя труда. - №52. - С.2; Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russie au Congress Socialiste International d' Amsterdam. Paris. Aout 1904. (Далее: Rapport Amsterdam) P.35; Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russie au Congress Socialiste International de Stuttgart. (Août, 1907). (Далее: Rapport Stuttgart). - P.46; Hildermeier, M. Die Socialrevoluonäre Partei Russlands. Agrarsocialismus und Modernisierung im Zarenreich. Köln., Wien, 1978. - S.246.

¹⁰ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.441; Революционная Россия. - 1903. - №21. - С.10; Rapport Stuttgart. - P.146-147.

¹¹ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.417.

¹² РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.494; там же. - Д.495; там же - Д.587; Революционная Россия. - 1904. - №53. - С.23-24.

¹³ ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1905 г. - Д.1800. - Ч.24. - Л.5, 15-17; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп. 1. - Д.494; там же. - Д.498; Rapport Amsterdam. - P.35.; Швецов, С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. - 1928. - №8. - С.182; там же. - №11. - С.100-107.

¹⁴ Революционная Россия. - 1904. - №31. С.22; Фрейфельд, Л. Памяти старого друга и товарища // Каторга и ссылка. - 1927. - №2. - С.193; его же. Памяти П.Я.Иванова // Каторга и ссылка. - 1928. - №11. - С.141-143.

¹⁵ ГАРФ. - Ф.1699. - Оп.1. - Д.123. - Л.3; Тютчев С.Н. В ссылке и другие воспоминания. - М., 1925. - С.97.

¹⁶ ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1905 г. - Д.1800. - Ч.47. - Л.1, 5-7; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.494; там же. - Д.499; там же. - Д.587; Революционная Россия. - 1904. - №52. - С.11; там же. - №56. - С.16.

¹⁷ Революционная Россия. - 1904. - №31. - С.22; Фрейфельд, Л. - Памяти старого друга и товарища // Каторга и ссылка. - 1927. - №2. - С.193; его же. Памяти П.Я.Иванова // Каторга и ссылка. - 1928. - №11. - С.141-143.

¹⁸ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.497.

¹⁹ ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.255. - 1904 г. - Д.765. - Л.8; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.202; там же. - Д.587; ГАСар.О. Ф.1280. Д.334; Революционная Россия. - 1903. - №23. - С.18; там же. - 1904. - №42. - С.16; там же. 1905. - №59, - С.22; Партийные известия. - 1907. - №9; - Rapport Amsterdam. - P.34; Спиридович, А.И. Указ. соч. - С.156.

²⁰ ГАРФ. - Ф.5805. - Оп.2. - Д.115. - Л.4; там же. - Ф.1741. - Оп.1. - Д. 16845; там же. - Д.16846; РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.587; Революционная Россия. - 1905. - №67. С.12; Л.С.(Старр Л.) Анна Павловна Гервасий // Каторга и ссылка. - 1933. - №10. - С.129; Спиридович, А.И. Указ. соч. - С.153; Rapport Amsterdam. - P.35; Rapport Stuttgart. - P.181.

²¹ Революционная Россия. - 1903. - №36. - С.19; Rapport Amsterdam. - P.35; Спиридович, А.И. Указ. соч. - С.97; Мануйлова, Л. Памяти и радости моей жизни. М., 1922. - С.107.

²² ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1898 г. - Д.80. - Лит. Я; там же. - Оп.255. - Д.39. - Л.30; Партийные известия. Орган ЦК ПС-Р. - СПб., 1907. - №4. - С.12; Пяковский, А.В. Революция 1905-1907 годов в Туркестане / - М., 1958. - С. 86.

²³ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.495; - Д.587; ГАРФ. - Ф. - 124. - Оп.47. - Д.180. - Л.50; Искра. Российская социал-демократическая рабочая партия. - Лейпциг-Мюнхен-Лондон-Женева. - 1905. - №99; Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий. - Ч.1. - Ташкент, 1971. - С.35.

²⁴ Пяковский, А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. - М., 1969. - С.87-88.

²⁵ ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп. 1898 г. - Д.8. - Лит. Б. - Л.20; там же. - Ф. 1699. - Оп.1. - Д.127. - Л.8; Обзор важнейших дознаний ... за 1895-1896 гг. С.289; Обзор важнейших дознаний ... за 1898-1899 гг. - С.172; Обзор важнейших дознаний ... за 1900 г. - С.123; Письма Азефа: 1893-1917. - М., 1994. - С.31-32, 37. Союз русских социалистов-революционеров // РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.130. Книга «Социализм и борьба за политическую свободу» Х.И.Житловского, теоретика, мягко говоря, заурядного, временно оказалась в центре внимания со скандальным оттенком. «Рассуждения Житловского очень сбивчивы и построены на песке», – резюмировал Л.Э.Шишко // ГАРФ.- Ф.5805. - Оп. 1.- Д.234. - Л.52. Через полтора-два года об этом сочинении никто не вспоминал; ГАРФ.- Ф.102. - ДП ОО. - Оп. 1898 г. - Д.80. - Лит. Б. - Л.20; Обзор важнейших дознаний ... за 1901 г. - С.125-126, 156.

²⁶ Х.И.Житловский с супругой, Х.Л.(Ш.)Раппопорт, Ш.Левентис, М.А.Розенбаум, С.(И.)З. Дижур, Я.Л. Юделевский и В.М.Чернов // ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп. 1898 г. - Д.80. - Лит. Б. - Л.20; ГАРФ. - Ф. - 1699. - Оп.1. - Д.127. - Л.8; там же. - Д.128. - Л.32. А.Л.Теплов, одно время публиковался в «Русском рабочем», но не считал себя членом «Союза».

²⁷ 1894-1895. Революционное движение в России в докладах министра Муравьев. - С.28; Обзор важнейших дознаний ... за 1895 и 1896 годы. - С.286; ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1898 г. - Д.6 - Ч.137. - Л.72-73.

²⁸ Обзор важнейших дознаний ... за 1898 и 1899 годы. - С.165-166; ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1898 г. - Д.6. - Ч.137. - Л.73.

²⁹ ГАРФ. - Ф.5805. - Оп.1. - Д.134. - Л.97; Нечетный, С. Мартов о русском общественном движении. // Современник. - 1911. - №12. - С.299. Членами Лиги в это время были И.В. и Г.В.Бохановские, Ф.В.Волховский, Л.Б.Гольденберг, Е.Е.Лазарев, Б.Крум, Х.И.Житловский, Н.К.Паули, С.А.Раппопорт, М.А.Розенбаум, Э.Х.Роллау, И.А.Рубанович, Э.А.Серебряков, Н.В.Чайковский, В.М. и А.Н. Черновы, Л.Э. Шишко.

³⁰ ГАРФ. - Ф.5805. - Оп.1. - Д.134.- Л.148; РГАСПИ. - Ф.673.- Оп.1. - Д.131.

³¹ ОР РГБ. - Ф.358. - Карт.413. - Д.21. - Л.4.

³² ГАРФ. - Ф.5799. - Оп.1. - Д.29. - Л.59; там же. - Д.169. - Л.48

³³ ГАРФ. - Ф.5805. - Оп.1. - Д.129. - Л.3-4; там же. - Д.134. - Л.146, Л.179-180; РГАСПИ. - Ф.673.- Оп.1. - Д.131.

³⁴ Краткий отчет о втором съезде Аграрно-социалистической Лиги (с 12 по 14 августа 1903 г.) // Революционная Россия. - 1903. - №31. - С.22-24, Съезд А. С. Лиги // РГАСПИ. - Ф.673.- Оп.1. - Д.131; Второй съезд Аграрно-социалистической Лиги // ГАРФ. - Ф.5805. - Оп.1. - Д.129. - Л.5; ОР РГБ. - Ф.358. - Карт.413.- Д.21. - Л.5-6.

³⁵ Материалы I съезда З.О.П.С.Р. Август 1903 // РГАСПИ. - Ф. 673. - Оп.1. - Д.199; См. также: ГАРФ. - 5805. - Оп.2. - Д.113 - Л.3-10; ГАРФ. - Ф.102. - ДП. ОО. - Оп. 1903 г. - Д.1550. - Вложение 2б; Вложение 2в. (Деятельность партии); Вложение 2г. (Проект. Не подлежит оглашению).

³⁶ В донесениях Департамента полиции, документах судебно-следственной комиссии по делу Азефа, воспоминаниях приводились различные данные: от 30-35 до 50 участников. В списке участников съезда в приложениях к протоколам I съезда Заграничной организации перечисляется 61 человек // РГАСПИ. - Ф. 673. - Оп.1. - Д.199.

³⁷ Краткий отчет о деятельности П.С.Р. за 1903-1904 г. // РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.202.

³⁸ В заседании Женевской группы 28 октября 1904 г. участвовали 34 человека. Отсутствовали Черновы, Гоц и ряд других «женевцев» // РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.199.

³⁹ РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.162; Д.210.

⁴⁰ Партийная статистика в те годы не велась. Партийное руководство черпало сведения о состоянии и численности местных организаций из корреспонденций в «Революционную Россию», частично из «объездов». Данные, которыми оно оперировало, были неполными.

⁴¹ Обстоятельство это неоднократно отмечалось в эсеровских партийных документах. См.: Rapport Amsterdam. P.35-44; Краткий отчет о деятельности П.С.Р. за 1903-1904 г. // РГАСПИ. - Ф.673. - Оп.1. - Д.202.

⁴² ГАРФ. - Ф.102. - ДП ОО. - Оп.1906 г. - I отд. - Д.117. - Т.1. - Л.178.

⁴³ Из 48 участников I съезда Заграничной организации, чьи фамилии установлены, 28 (58,3%) представляли генерацию 40-60-х гг. на II съезде Заграничной организации из установленных 65 участников к этой генерации принадлежали 29 (44,6%).

⁴⁴ См.: Перечень организаций РСДРП // История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. - Т.1. - М., 1964. - С.594-609.

З.М. Кобозева*

МЕЩАНСКАЯ МОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Безбровая сестра в облезлой кацавейке
Насилует простуженный рояль
А за стеной жиличка-белошвейка
Поёт романс «Пойми мою печаль»...
Саша Чёрный*

В Набоков обращал внимание на тот факт, что в произведениях Гоголя «всегда толпятся вещи, которые призваны играть не меньшую роль, чем одушевлённые лица»¹. А. Толстой видел знак послереволюционного времени в том, что «столик с инкрустацией перестал быть просто редким столиком, - он, словно исподтишка, четырьмя своими ножками норовил лягнуть революцию, - в нём было недоброе начало; рояль был слишком богат, занимал много места; в лакированных рамах, бюсте, люстре, было самодовольство, очень опасное по нынешним временам; вещи приобрели новый смысл, в высшей степени им не свойственный: они стали опасны».² Н. Берберова писала о Петрограде зимой 1918 года: «Было много голодных людей и старых людей в лохмотьях. Молодые щеголяли в кожаных куртках, женщины теперь все носили платки, мужчины – фуражки и кепи, шляпы исчезли: они ведь всегда были общепринятым российским символом барства и праздности и, значит, теперь могли в любую минуту стать мишенью для маузера».³ В «Театре для себя» Н.Н. Евреинов анализировал проблему семиотики костюма: «Я настаиваю на том, что первоначальный костюм – это - прежде всего телесная маска, а потом уже украшение или защита от резкостей температуры, атмосферных осадков, пыли и пр. Телесная маска! И не даром монахи прозвали сквозные прошивки на платьях средневековых смиренных «щёлками дьявола»... Как это психологически верно...».⁴ И, наконец, следует обратиться к известной работе Р. Барта «Семантика вещи», в которой он справедливо утверждает, что мы живём не только в «практическом мире применяемых, функционирующих, всецело прирученных вещей», но и «благодаря вещам... - в мире смысла, в мире оправданий и алиби; функция даёт начало знаку, но затем этот знак вновь обращается в зрелище функции».⁵ Таким образом, одежда заключает в себе семиотический код, несущий целый спектр информации о социальном, политическом, экономическом и психологическом состоянии её владельца. «Сменить одежду значило одновременно сменить свою сущность и свой класс... Например, в комедиях Мариво любовная игра идёт рука об руку с личностным квипрокво, инверсией классовых ролей и обменом одежд».⁶ Мещанский костюм в России пореформенного периода заключает в себе тот же спектр историографических проблем, как и само сословие.

* к.и.н., доцент кафедры российской истории СамГУ.

Мобильность, сословная открытость этой страты для выходцев из других сословий, низкий общественный статус и негативный образ в литературе, потеря значения сословной корпоративности и профессиональная полифония — делают анализ мещанского пластического образа важной проблемой мещанской идентичности. Кроме того, вопрос о мещанской моде в пореформенной России тесно связан с проблемой мещанского этоса, который есть ни что иное как восприятие мира, свойственное мещанской культуре и соответственная этому модель поведения.

Как правило, в большинстве исследований по истории костюма выделяется в качестве особого объекта исследования не мещанский, а городской костюм.⁷ Под городским костюмом понимается как одежда аристократии, так и городских низов. В этой связи нам видится возможным путём исследования мещанского костюма анализ фотографий мещанских семейств дореволюционного периода.⁸ Однако, и в этом случае мы сталкиваемся с неодинаковой степенью приверженности старине в разных районах и разных возрастных группах. Об этом так же свидетельствуют ответы корреспондентов на анкеты Русского географического общества и зарисовки городского быта в художественной литературе. Так, А.Н. Островский в ремарке к «Грозе» отмечал: «Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски».⁹ Анкеты Географического общества, относящиеся к 40-м гг. XIX в. отмечали, что в Подмоскovie, в Дмитрове, «сафраны... юбки с золотыми цветами, телогрейки парчовые, кокошники — совершенно оставлены... носят обыкновенные платья из ситца, вместо капотов и шуб — нынешние салопы», а корреспондент из г. Кадникова писал, что к традиционной крестьянской одежде больше привержены пожилые женщины, а молодёжь одевается «по-городскому». Подчёркивалось, что у мещан старинный праздничный наряд — длинный сюртук с широким воротником — сохранялся в большей степени.¹⁰

Главной особенностью городского мещанского костюма было соединение в нём элементов традиционной русской одежды и городского модного костюма, который со второй половины XIX века становится более демократичным в силу роста промышленности в России. Применение станков в текстильной промышленности, изобретение машин для производства вышивок, кружев сделали изделия более дешёвыми и доступными для широкого круга потребителей. Внедрение швейных машин удешевило изготовление одежды. В крупных городах России появляются магазины, фирмы и мастерские, торгующие заграничными, а затем и отечественными модными товарами — тканями, одеждой, головными уборами, бельём, обувью, предметами галантереи. В Москве самыми большими универсальными магазинами были Голицинская галерея и Голофтеевский пассаж на Петровке, пассаж Попова на Кузнецком мосту, Лубянский пассаж на Лубянке, Постниковский пассаж на Тверской улице.¹¹ В провинции так же появляются дома готового платья, кроме того, горожане шьют одежду у портных и самостоятельно дома по модным журналам. Так мещанин И.А. Александров, московский портной, шил одежду для М.Н. Каткова.¹² В 1895 г. в Москве собственную мастерскую открыла Н.П. Ламанова. А.Н. Зорин, характеризуя одежду поволжских мещан, отмечает, что «с одной стороны, на ней сэкономили как и на всём остальном,

стремясь обеспечить себя опять же за счёт собственного домашнего хозяйства, а с другой, можно найти немало упоминаний о стремлении горожан ... следовать моде часто до истощения кошелька. В быстром восприятии веяний моды в одежде...усматривалась чуть ли не основная разница между мещанами и жителям сёл». ¹³ Внутри мещанского сословия существовала внутренняя стратификация, связанная с имущественным, профессиональным и образовательным уровнями. Мещане более высокого статуса предпочитали модный европейский костюм, а менее состоятельная публика одевалась по-крестьянски. Важную роль в этом отношении играла и принадлежность к определённой возрастной группе: пожилые горожане в большей степени сохраняли традиционную одежду; молодёжь, особенно из обеспеченных семейств одевались, следуя европейской моде. ¹⁴

Основным типом мужского всесословного костюма конца XIX – начала XX века становится пиджачный костюм. Он состоял из пиджака, жилета и брюк. Несмотря на то, что носили пиджаки и однобортные и двубортные, на всех семейных мужских фотографиях встречается только однобортный тёмный пиджак (хотя однобортный мог быть и светлым). Пиджаки были удлинённые, с довольно широкими лацканами. Рукава делали короче, с учётом, чтобы крахмальные манжеты выступали на 2-3 см из-под рукава. ¹⁵ Но, по всей видимости, крахмальные манжеты в среде мещанства не были распространены, так как не встречаются на фотографиях. Р.М.Кирсанова объясняет этот факт следующим образом: манишки и манжеты, так называемая бедная роскошь, широкого распространения у людей со средствами не получили, как не получили и у их бедных собратьев, в связи с чем, в начале XX века в повседневной одежде не использовались. ¹⁶ Брюки к пиджачному костюму носили неширокие (20-22 см внизу), длинные, так что они заламывались на обуви. Обшлага делались редко. Стрелка не была распространена, хотя и допускалась. Мещане, любившие заправлять брюки в сапоги, в стрелке не нуждались. При однобортных пиджаках носили однобортные жилеты. Основными видами галстуков были самовязы, регаты, бантики и пластроны. Самовязы обычно повязывали широким узлом и скалывали концы булавкой. Но значительно чаще встречались регаты, готовые фабричные галстуки. Значительное распространение имели бантики-«бабочки». Что касается воротников рубашек, то в мещанском костюме встречались стоячие, отложные воротнички и «стоечки» у косовороток. Высокие воротнички с крахмальными уголками имели названия «Альберт» (в честь принца Альберта, супруга королевы Виктории), «капитан», «Одесса», «фриц» и др. Во второй половине XX века появляется мода на пристёгнутые воротнички. С одной стороны, как и манжеты, съёмные воротнички означали материальные затруднения, связанные с отсутствием денег на содержание прачки и достаточного числа рубашек, но, с вхождением в моду целлулоидных воротничков, ситуация изменилась, подобные воротнички стали общепринятыми. Другим распространённым в мещанской среде видом мужской одежды был сюртук. С начала XX века сюртуки были преимущественно чёрные. Шились они из крепа или кастора с отрезной талией спереди и сзади. Сюртуки носили с крахмальным бельём, но применительно к мещанству речь не

идёт о фрачной рубашке, а о пристяжной манишке (гаврилке). Воротничок мог быть стоячим, стояче-отложным и просто отложным. Столь же разнообразны были окраска и фасон галстуков. Сюртук носили и с бантиками, и с пластронами (галстук, расстёгивающийся сзади, с недлинными широкими концами, сшитыми крест накрест или заколотыми специальными булавками). С сюртуком обувь носили только чёрную: ботинки на шнуровке либо штиблеты. Что касается головных уборов, в мещанском costume соседствовали шляпы-канотье, панамы, кепи, фуражки и картузы. И если шляпа символически означала барство, то фуражка свидетельствовала о невысоком социальном положении человека, в городах их носили в основном мастеровые. Наряду с целлулоидными воротничками уживались косоворотки, а штиблеты соседствовали с сапогами. Особенно широко косоворотка распространяется в городах во второй половине XIX века. В повседневной жизни мужчины крайне редко надевали что-либо, кроме сапог. В конце XIX — начале XX века появляются так называемые русские сапоги, из хрома с лакированными голенищами. Особым шиком считалось иметь выходные сапоги «со скрипом», для чего сапожники между стелькой и подмёткой подкладывали сухую бересту.¹⁷ Бытовали так же сапоги бутылками, с более объёмным лакированным голенищем, сапоги гармошкой (со сборками между голенищем и головкой), сапоги с гамбургскими передами (лакированное голенище и головка матовой кожи), бульдоги (с возвышением на конце) и др..¹⁸ Что касается костюмного реквизита, обращает на себя внимание часто встречающиеся на фотографиях часы на цепочках. Мужские карманные часы были очень разнообразны по внешнему виду, конструкции и материалу корпусов. Часы встречались открытые и закрытые, носили их в левом кармане жилета, материал, из которых они изготавливались, свидетельствовал об общественном статусе и экономическом положении владельца.¹⁹

В 1890-х годах женский костюм делается более строгим и деловым. Появляется юбка, скроенная по косой, узкая у бёдер и расширенная книзу. В моду входит рукав с буфом, чаще его называли «жиго», от французского *gigot* — бараний окорок; воротник-стойка; бусы в несколько рядов, скреплённые застёжкой; причёски закалывали гребнями, шпильками, заколками из рога, перламутра, целлулоида, имитировавшего панцирь черепахи. На смену народной одежде приходит так называемая «парочка»: приталенная кофта и расклешённая юбка. Кофта шьётся с баской. В XIX веке баска превратилась в символ мещанского сословия. Актёр Ю.М. Юрьев, описывая костюм О.О. Садовской в роли Домны Пантелеевны из пьесы А.Н. Островского «Таланты и поклонники» писал: «Ольга Осиповна Садовская в своей длинной баске какого-то неопределённого линючего цвета коричневого оттенка, с мелким рисунком по полю, с типичной широкой оборкой внизу и чёрной кружевной наколкой на голове — как нельзя более мещанка. И если бы художнику вздумалось изобразить на полотне типичную мещанку, то лучшей натуры ему не найти. Тут есть всё: и внешний облик, и всё, что он в себе несёт!»²⁰ Такая кофта чаще всего называлась баскиной. По крою эта кофта напоминала кацавейку, что особенно делало её популярной в мещанской среде. Мещанки любили позировать на фотографиях с аксессуа-

рами светских богинь, такими как веера и зонтики. Но образу горожанки противоречила гладкая причёска на прямой пробор и повязанный платок. Однако, следует отметить, что в мещанской среде появляются в начале XX века и барышни в стиле «модерн»: с высокими небрежно заколотыми черепаховыми гребнями причёсками, изящный завиток приходит на смену гладко зачёсанной голове крестьянки. Л.В. Храмков во «Введении в самарское краеведение» констатирует, что в первой четверти XX века население края массово переходит к городскому типу одежды.²¹ Показательно символическое значение аксессуаров на фотографиях: мещане запечатлены с ветками сирени, букетиками, книгами и даже с сетками с мячами. Наступала эра городского хронотопа, на авансцену выходил герой «среднего класса». В Новом, посттрадиционном типе общества именно середина выступает средоточием динамики. «Единица среднего класса – «self made man»... Никто, ничей, ниоткуда, - он определяет себя не через принадлежность к общине или культурной традиции (чему-то большему, глубже укоренённому исторически, чем он сам), но исключительно через индивидуальную деятельность и её результаты».²² Пластинка дегерротипа, изобретённая в XIX веке дала возможность узаконить этот российский «срединный мир», придав его вкусам и ценностям вещественность. Нас могут упрекнуть в придании предметному фону старых фотографий знаковой значимости и невозможности проведения параллелей между ними и реальной бытовой культурой мещанского сословия. Но важен не запечатлённый образ сам по себе, а то, что мещане тянулись именно к таковой знаковой среде, чувствовали себя в ней более комфортно, нежели в традиционной атрибутике, следовательно самоидентификация мещанства рубежа XIX-XX веков была связана с городской культурой, стремилась к ценностям европейской культуры, не с целью забвения собственной, а в желании раздвинуть границы своего традиционного локуса.

Примечания

¹ Цит. по: Панченко А.М. Вещь в культуре // Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С.3.

² Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре.

³ Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С. 28.

⁴ Евреинов Н.Н. Театр для себя. // Цит. по: Почепцов Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1994. С.107.

⁵ Барт Р. Семантика вещи // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С.426.

⁶ Барт Р. Дендизм и мода. // Система моды. С.393.

⁷ Баст М.В. Одежда горожан: Мужской костюм России, 1914-1917 гг. // Материал, среда спектакля: Сб. рек. материалов. М., 1986; Он же. Одежда горожан: Жен. Костюм –Россия, 1914-1917 гг. // СТТ. 1985 №6; Ривош Я.Н. Время и вещи. М., 1990; Костюм в России XV – начало XX века. Из собраний государственного исторического музея. М., 2000; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

⁸ Личный архив автора: фотографии мещанских семей Самары Кашиных, Егоровых и круга их друзей и родных.

⁹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С.268.

¹⁰ Там же.

¹¹ Костюм в России. С.133.

¹² Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С. 268.

- ¹³ Очерки городского быта. С. 56-57.
- ¹⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. С.268.
- ¹⁵ Ривош Я.Н. Время и вещи. С.105.
- ¹⁶ Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. С. 165-166.
- ¹⁷ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910 годов. Заметки очевидцев. Л., 1991. С. 105.
- ¹⁸ Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. С.244-245.
- ¹⁹ Ривош Я.Н. Время и вещи. С. 121-123.
- ²⁰ Юрьев Ю.М. Записки. Т.1. М., 1963. С.177.
- ²¹ Храмков Л.В. Введение в самарское краеведение. Самара, 2003. С.77.
- ²² Венедиктова Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века. // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000: Учебное пособие / Л.Г. Андреев, Г.К. Косиков, Н.Т. Пахсарьян и др. М., 2001 С 195.

А.А. Дорошенко*

**ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО И ПРАВЫЕ ДЕПУТАТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (до 3 июня 1907 года)**

Широко известно, что дворяне возглавляли всероссийские правые организации, но в то же время остается слабо изученным вопрос о взаимовлияниях Совета объединенного дворянства и правых в Государственной Думе Российской империи. Изучение этого взаимовлияния позволяет глубже вскрыть социальную сущность политики правых фракций, а так же понять движущие мотивы принятия решений Советом объединенного дворянства (СОД).

Правые организации, возникшие (за исключением Русского Собрания) как организации всенародной поддержки самодержавия, не сумели провести большую часть своих кандидатов ни в Первую, ни во Вторую думу. К тому же, собственно, в правой фракции во II Думе из 10 человек было 8 дворян-землевладельцев, у умеренно-правых, бывших в одной фракции с октябристами, было 14 дворян из 19. Крестьяне не желали привязываться к определенному правому течению. Крестьян среди «партийных» умеренно-правых было всего 2, вне фракций было 8 крайне правых крестьян и 1 - умеренно-правый. Среди правых только два депутата были членами СРН. Поэтому встает вопрос, прежде всего, о сословной, а не партийной идентичности дворян - правых в Государственной Думе.

Проекты 104-х и 42-х поставили ребром вопрос о сохранении помещичьей собственности на землю. Депутат Государственной Думы купец-землевладелец, армянин, католик В.Я. Демянович, бывший все четыре созыва умеренно-правым, не получил слова в «Думе народного гнева», но высказал свои соображения в записке, которая легла на стол предводителя Совета Объединенного дворянства. В ней он, выступая против принудительного отчуждения земли у помещиков, заявлял: «Сельскохозяйственные продукты являются громадным предметом нашего экспорта ... а для вывоза служат предметы в основном крупных хозяйств»¹.

Записка В.Я. Демяновича повлияла на документы, принятые Съездом Объединенного дворянства. В адресе государю, принятом СОДом, говорилось о том, что «признание полного права собственности за крестьянами на землю... является первостепенной нуждой народной жизни»². В основных положениях по аграрному вопросу, принятых СОДом, говорилось, что «Принудительное отчуждение частновладельческих земель в пользу крестьянских обществ приведет к уменьшению производимых в стране сельскохозяйственных ценностей»³. Таким образом, в документах, принятых Советом объединенного дворянства, идеи записки В.Я. Демяновича - купца 2-й гильдии, умеренно-правого депутата Думы, повторялись.

---

* кандидат исторических наук.

Съезд принял резолюцию, предвосхищавшую сельскохозяйственные преобразования, связанные в историческом сознании со Столыпиным.

Ряд сведений свидетельствует о том, что П.А. Столыпин, ставший после роспуска I Думы во главе Совета министров, не был твердым сторонником сохранения помещичьей земельной собственности. Еще во II Думе П.А. Столыпин, как писал Е.Д. Черменский «... пытался перекинуть мостик в сторону кадетской программы»⁴.

В этих условиях землевладельческому дворянству было необходимо провести в Государственную Думу как можно большее число своих депутатов, а так же перетянуть часть крестьян на свою сторону.

Поэтому на II Съезде Объединенного дворянства был поднят вопрос об участии дворян в выборах в Государственную Думу. Здесь же говорилось и об изменении выборного закона⁵.

Отдельно подчеркивалось, что: «Дворянство не есть политическая партия»⁶. В то же время, В.М. Пуришкевич, участник съезда Объединенного дворянства, был вторым лицом в ГС СРН, в избирательной программе которой говорилось о том, чтобы «принять меры для улучшения быта отдельных крестьянских хозяйств»⁷. Об это подробно говорилось ранее на Втором съезде Объединенного дворянства: «Кредитно-поощрительными и другими мероприятиями для поднятия их хозяйства нуждаются все крестьяне»⁸.

В резолюции съездов уполномоченных дворянских обществ говорилось: «Аграрные проекты как партии Народной свободы, так и равно Трудовой группы сводятся, в конце концов, к упразднению частной собственности на землю. Отмена права собственности отдельных крестьянских обществ будет лишь вопросом времени»⁹. Этот пункт резолюции во II Думе, озвучил тогда еще крайне правый В.В. Шульгин¹⁰.

Правые во II Думе повторили основные постулаты Объединенного дворянства, касающиеся реформы крестьянского землевладения. Во время работы II Думы проходил III Съезд Объединенного дворянства, где говорили о роспуске Думы. Его депутат Н.Ю. Шильдер-Шульднер высказал опасение, что «трудовики будут голосовать за кадетский проект». Естественно, ни Госсовет, ни Император этот проект не пропустили бы. Но, как говорил Н.Ю. Шильдер-Шульднер: «Я знаю это от крестьян, которых в Думе называют правыми... если Дума примет кадетский проект, а Государственный совет не утвердит его, то в деревне пиши пропало»¹¹. Поэтому, по мнению Н.Ю. Шильдера-Шульднера, дворянству необходимо представить крестьянству свои законопроекты. Речь шла, прежде всего, о деятельности Крестьянского банка, на ее спекулятивный характер было обращено наиболее пристальное внимание. Н.Ю. Шилдером-Шульднером было предложено «...разделить деятельность и задачи Крестьянского банка... одна - чисто коммерческая, другая - преследующая задачи государственные»¹². В результате обсуждения и последующего голосования было принят параграф «об уничтожения чисто спекулятивного характера деятельности банка»¹³.

Таким образом, Государственная Дума Российской империи пробила брешь, разрушила стены между различными сословиями Российской империи, представители которых могли теперь общаться непосредственно в

Таврическом дворце. Объединенное дворянство изначально действовало в контакте с правыми фракциями. Задачи фракционных правых заключились в том, чтобы донести до представителей всех слоев населения империи, представленных в Думе, взгляды Объединенного дворянства. Деятельность Объединенного дворянства повлияла на избирательную программу СРН. В то же время политика Объединенного дворянства формировалась с учетом интересов других сословий, представленных в Думе. Именно благодаря взаимному учету интересов, в последующих Думах правые дворяне и крестьяне находились в одних фракциях.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов. Ф.1412 Д.179. Л. 1-4.
- ² Объединенное дворянство. Съезд уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2001. Т.1. С.144.
- ³ Там же. С. 150.
- ⁴ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первойресской революции. М., 1970. С. 82.
- ⁵ Объединенное дворянство. Съезд уполномоченных губернских дворянских обществ. Т.1. С.160, 170, 173.
- ⁶ Там же. С.170
- ⁷ Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. С.194.
- ⁸ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. С.160.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Ч.1 Стб.1144.
- ¹¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. С.455.
- ¹² Там же. С. 456.
- ¹³ Там же. С 502.

Е.В. Буланкина*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА

История жизни и эволюции творчества П.А. Сорокина привлекает отечественных и зарубежных исследователей, причем для современных работ характерно стремление к некой романтизации его биографии. В его жизни можно выделить два периода – русский и американский. В данной работе автор освещает русский общественной и научной деятельности П.А. Сорокина.

Питирим Александрович Сорокин происходил из простой крестьянской семьи. Однако из «простого вологодского мужика»¹ он превратился во всемирно известного ученого, и уже поэтому его биография вызывает немалый интерес.

Где родился П. Сорокин? На сей счет существует несколько версий. Энциклопедический словарь сообщает, что местом рождения следует считать село Жешарт². В других источниках называется г. Великий Устюг Вологодской области³. Журнал «Новое время» превращает уже упомянутое село Жешарт в «глухую чувашскую деревню»⁴. А профессор И.А. Голосенко настаивает на том, что искомым географической точкой является «деревня Турья Вологодской губернии»⁵.

Нужно отметить, что деревни с таким названием, по крайней мере в XIX в., не существовало. Зато в XVIII в. на территории Яренского уезда Вологодской губернии (Коми край) стояло село Турья⁶. По-видимому, именно его и имел в виду Питирим Сорокин, указывая в автобиографии «Дальняя дорога», что он родился 21 января 1889 г. в селе Турья Яренского уезда⁷.

Обнаруженные в архивах паспорта Сорокина не содержат указаний на место рождения. Документ, выданный Великоустюжской Мещанской управой в 1911 г. и паспортная книжка 1917 г. свидетельствуют, что их владелец родился 20 января 1889 г., а не 21-го, как утверждал он в биографии.

А в метрической книге Воскресенской церкви села Турья была обнаружена запись за январь 1889 года: «23 января родился, 24-го крестился младенец Питирим, сын мещанина Устюжского уезда города Великоустюга Александра Прокопьевича Сорокина и его законной жены Пелагеи Васильевны». И в свидетельстве об окончании Велико-Устюжской гимназии 23 января указано датой рождения П.А. Сорокина⁸. Доподлинно установить время появления на свет Питирима – 20, 21 или 23 января – уже невозможно, однако место рождения – село Турья, Яренского уезда – не подлежит сомнению. Разные версии о месте рождения, по-видимому, возникли потому, что и Великий Устюг, и село Жешарт определенным образом были связаны с появлением П. Сорокина на свет. Первое из названных мест – родина Сорокина-отца, а во втором родилась и жила до замужества его мать.

* к.и.н., старший преподаватель кафедры российской истории СамГУ.

Период жизни П. Сорокина от 4 до 16 лет, который в социологической литературе получил название как период ранней социализации⁹, более или менее известен. Главным источником сведений являются воспоминания самого Питирима. Автобиография начинается с описания похорон матери, очень дорогого для него человека. Это горестное событие во многом предопределило его дальнейшую судьбу. После смерти матери, как рассказывает П.А. Сорокин, отец начал пить и в периоды запоя напивался до белой горячки.

Братья Сорокины унаследовали от отца профессию. Как и он, они стали кочевыми ремесленниками, реставраторами церквей и церковной утвари. В поисках работы братья неоднократно пересекали территорию своей малой родины. Чаще всего приходилось жить впроголодь, не было постоянного жилья. Голод провоцировал болезни, печальной отметиной тех лет остались деформированные от рахита ноги Сорокина. В начале 20-х гг. он уже как социолог будет изучать влияние массового голода на структуру, идеологию и культуру общества. И хотя тогда главные фактические данные будут взяты им из жизни Петрограда в годы Гражданской войны и периода голода в Поволжье, ранний личный опыт, так или иначе, не мог остаться забытым. Многие выводы не были абстрактными, в них ощущалось личное восприятие социальных катаклизмов, приведших к голоду и массовой гибели людей.

Несмотря на лишения и тяготы, вызываемые постоянным перемещением в поисках работы, в этом образе жизни были и свои плюсы. Сам Сорокин оценивал этот опыт кочевой жизни как превосходную школу духовного и морального развития, а ее уроки – как наиболее эффективные, чем все уроки формальной школы: «от этой школы непосредственного жизненного опыта я получил больше базовых знаний психо-социального мира, чем от всех книг, которые я прочел..., это сформировало мой характер более основательно, чем лекции различных школ». Это очень важное и примечательное признание.

В своей автобиографии Сорокин писал, что он не помнит, когда он выучился читать, писать и считать. Он предполагает, что азам грамматики его научил отец. Он хорошо знал о том, что в конце XIX в., судя по данным первой Всероссийской переписи населения 1892 г., зыряне по уровню грамотности населения стояли в России на третьем месте. А потому, не удивительно, что П. Сорокин получил вполне приличное начальное образование.

В школе была довольно большая библиотека, получив доступ к ней, он стал запойным читателем. «Откровения от чтения» ошеломили его. Уже в процессе он осознал значимость интенсивного самообразования. Питирим буквально «проглотил» вначале русскую классическую литературу, представленную именами Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, затем он стал читать переводную зарубежную – Диккенса, Твена. Он не прошел также и мимо учебников по истории и естественным наукам. Позднее ученый признавался, что он сам, благодаря книгам, воспитал себя¹⁰. Но особое место в этом списке составили для него Евангелие, жития святых, церковные сочинения и другие книги по истории православия. Гамская школа стала первой ступенью в формировании творческого потенциала и личности Питирима Сорокина. Нельзя не согласиться с А. Смирновым, который подчеркивает, что в Питириме был необычайно сильно развит инстинкт любознательности, а это, в свою очередь, важнейшая черта интеллекта¹¹.

В 1904 г. П. Сорокин поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии. Именно тогда, при первых контактах с другим, «недеревенским» миром Сорокин неожиданно почувствовал несостоятельность своих представлений. Переход от сельской культуры с ее относительно устоявшимся соседством, взаимопониманием, взаимозаинтересованностью к городской атмосфере был изрядным потрясением: «...биологически город – «потребитель» населения, а не его «производитель». Он «тратит» здоровье, а не копит его»¹².

Новые условия, в которых оказался П. Сорокин, изменяли его взгляды, разрушали традиционные жизненные установки. Он стал заниматься естественнонаучной философией и теорией эволюции, «заразился» республиканскими, демократическими и социалистическими идеями. В Хренове в 1905 г. Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров. В какой-то степени его выбор был не случаен. К этому времени он хорошо знал социально-политическую литературу. Программа и тактические установки партии эсеров были близки молодому крестьянину. Он читал и произведения русских марксистов. «В противоположность марксистам, – вспоминал впоследствии Сорокин, – философия и социология эсеровской партии были гораздо более идеалистическими и интегральными. Они подчеркивают в первую очередь роль творческих идей, волевых усилий, борьбу за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование... Я выбрал именно партию социалистов-революционеров»¹³.

Революционный вихрь 1905 года захватил молодого Сорокина. Он встречался с самыми разными людьми: крестьянами, рабочими, служащими, духовенством, чиновниками, писателями, журналистами, представителями различных политических партий. Новое окружение, новые знакомства и особенно интенсивное чтение книг, журналов и газет быстро расширили взгляды ученого. Сорокин начинает понимать, что падение режима – это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления и бессилия самого режима.

Наверное, и гамскую школу Сорокин окончил бы также успешно, как и предыдущие, но в 1906 г. за участие в революционном движении он был арестован полицией и 4 месяца провел в тюрьме в г. Кинешма. Этот опыт подсказал ему тему первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда». Тюрьма имела лишь одно неприятное последствие: как неблагонадежный Сорокин был отчислен из гамской школы и отдан под надзор полиции по месту жительства. Из-под надзора полиции Сорокин бежал в Иваново-Вознесенск, где под псевдонимом «товарищ Иван» вел революционную агитацию среди рабочих и крестьян¹⁴.

Итак, первая русская революция оказала огромное влияние на становление его взглядов, когда он, пытаясь объяснить происходящие события, знакомился с различными философскими теориями и социально-политическими доктринами. «Эти дискуссии, – вспоминал позднее он, – плюс чтение работ Маркса, Михайловского, Лаврова, Плеханова, Ленина, Кропоткина и Толстого, также как сочинений Дарвина, Гегеля и других эволюционистов и философов познакомили меня достаточно хорошо с некоторыми из основных со-

чинений революционных мыслителей и некоторых философов и ученых»¹⁵. Его литературные интересы были разноплановы и широки – от философских работ Парменида, Ницше, Канта до учебников по древней истории, трудов С.М. Соловьева и др.¹⁶. Его традиционное мировоззрение и система ценностей были заменены научной теорией эволюции и естественно-научной философией. Приверженность монархической системе правления сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими идеями.

Осенью 1907 г. Сорокин отправился в Санкт-Петербург. Денег на железнодорожный билет не хватило, и он поехал «зайцем» на поезде и с полтинником в кармане. В Санкт-Петербурге он пришел на квартиру к первому профессору-зырянину Каллистрату Фалалеевичу Жакову, который устроил земляка на вечерние Чернявские курсы. Удивительно, что Сорокин, за исключением самых ранних своих работ, практически нигде не ссылается на труды своего именитого земляка. Возможно, именно поэтому исследователи творчества Сорокина упоминают о Жакове вскользь, главным образом в связи с периодом адаптации молодого Сорокина в Санкт-Петербурге.

Это обучение на курсах оказало важное влияние на жизнь Сорокина. Во-первых, здесь он познакомился со многими студентами, впоследствии некоторые из них прославились в науке, литературе, политике. Ближайшим его другом стал Н.Д. Кондратьев, с которым они вместе учились еще в церковно-приходской школе. Они вместе снимали комнату в Санкт-Петербурге. В будущем Кондратьев станет известным профессором экономики и руководителем высокого ранга в министерстве сельского хозяйства как в правительстве Керенского, так и при коммунистах. Сорокин вспоминает, что они «часто обсуждали различные проблемы, участвовали в подрывной деятельности и частенько собирались за бутылочкой пива или рюмочкой водки»¹⁷.

Во-вторых, в те годы Сорокин как губка жадно впитывал знания, знакомился с бессмертными шедеврами культуры, с достижениями литературы, музыки, изобразительного искусства, архитектуры, науки и техники. А встреча с лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов подтолкнула вновь начать культурно-просветительскую работу среди рабочих Путиловского завода.

Окончив вечерние курсы через 2 года, Питирим сдал экстерном экзамены за 8 классов гимназии. Получив аттестат зрелости, он некоторое время колебался относительно выбора своей будущей специальности: химия или социология? И относительно учебного заведения: Университет или Психоневрологический институт? Выбрав социологию, П. Сорокин поступает в институт. В то время это самое молодое и самое демократичное из высших учебных заведений России было единственным, в стенах которого студентам читали полный курс социологии. Курс социологии читали профессора М.М. Ковалевский и Е.В. Де Роберти – люди «крайне либерального образа мыслей».

В 1910 году Сорокин был зачислен студентом в Петербургский университет. Эта перемена была вызвана нежеланием Сорокина служить в царской армии. Студенты всех государственных университетов были освобождены от призыва, а студенты частных институтов, вроде Психоневрологического, не имели такой привилегии. А учитывая политическую неблагонадежность П. Сорокина, можно предположить, что он был бы призван со второго курса

института. Весомую роль сыграл и вопрос о денежном довольствии. У Сорокина просто не хватало финансовых средств для дальнейшей оплаты обучения.

Безусловно, научный багаж, полученный П. Сорокиным сначала в Психоневрологическом институте, а потом в Университете, куда он перешел в 1910 г.¹⁸, помог ему в подъеме к вершинам социологической мысли XX века. Само общение с такими университетскими преподавателями как профессор В.М. Бехтерев, профессор политэкономии М.И. Туган-Барановский («похожий на татарина, с узкими глазами и жиденькой бородкой») и «прославленный профессор энциклопедии права» Л.И. Петражицкий было большой школой. Среди студенческих друзей Питирима – историк и литератор В.П. Полонский, В.С. Спиридонов, М.Е. Кольцов, Ш.З. Эмова. Сорокин поддерживал дружеские связи с социал-демократически настроенными студентами – Л. Караханом и Ю. Пятаковым.

Будучи студентом университета, Сорокин начинает читать студентам младших курсов собственные лекции по социологии, одновременно с этим работает секретарем у М.М. Ковалевского. Годы общения с профессором международного права М.М. Ковалевским («другом К. Маркса», как он себя называл) дали Сорокину чрезвычайно много. М.М. Ковалевский для студенческой молодежи был своего рода «окном» в европейскую и мировую науку. «Стоило в наших беседах заговорить о том или другом авторе, – вспоминал П. Сорокин вскоре после смерти учителя, – и в большинстве случаев М.М. тут же приводил какое-либо воспоминание о нем, вынесенное из личного знакомства»¹⁹. Для Питирима Сорокина М.М. Ковалевский был идеалом ученого, «прообразом будущей истинной воспитанной научной совести»²⁰.

По протекции своих учителей – либерала М.М. Ковалевского и кадета Л.И. Петражицкого – Сорокин входит в круг оппозиционной политической элиты Петербурга, через Д.Я. Попова тесно сотрудничает с думской фракцией эсеров, в том числе и с А.Ф. Керенским. П. Сорокин вспоминает, что в те годы Ковалевский часто представлял его как «молодого Жан-Жака Руссо»; с политическим мировоззрением в «форме социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы». И вновь политические дискуссии, агитация среди заводских рабочих, студентов, интеллигенции, политические статьи, участие в демонстрациях привели П. Сорокина к угрозе ареста.

В 1914 году по подложному паспорту под видом курсанта Военно-медицинской академии П. Сорокин отправляется в итальянскую Ривьеру, сопровождая больного туберкулезом приятеля. Это неожиданное путешествие в Европу (Швейцарию, Австрию, Италию) произвело огромное впечатление на Питирима Сорокина. В своих путевых заметках он делится впечатлением об увиденном: «Фермы, сельская местность, города казались мне весьма привлекательными, процветающими и аккуратными. Жизненные стандарты там были намного выше, чем в России, а люди более свободны, удовлетворены и отмечены чувством собственного достоинства»²¹.

В 1914 г. Сорокин окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию.

В 1916 г. он сдал магистерский экзамен, и в марте 1917 г. Сорокин защитил магистерскую диссертацию. Основу ее составила книга «Преступление и кара, подвиг и награда», вызвавшая массу откликов, не всегда положительных. Например, В. Чернов пожелал П. Сорокину «окончательно ликвидировать последние остатки своего ученического отношения к общественным вопросам, найти «самого себя», ближе к живой жизни от мертвечины и холода школьного псевдо-объективизма»²². А М.М. Ковалевский в предисловии к этой книге пророчествовал: «В этой будущей социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора»²³.

Итак, мировоззрение Сорокина в ранние годы жизни постепенно эволюционировало. Первоначально важную роль в формировании его личности сыграла религиозная атмосфера деревенской жизни, которая придавала размышлениям Сорокина ценностный, этический оттенок. В свою очередь, столкновение с городским образом жизни, новые знания и представления о целях и предназначении человека деформировали его патриархальное мировоззрение.

Огромное влияние на становление его взглядов оказала первая русская революция: когда молодой радикальный мыслитель в поисках научного объяснения происходящих событий знакомился с различными философскими теориями и социально-политическими доктринами, дополняя это практическим участием в революционном движении.

Обучение в Психоневрологическом институте и Университете способствовали знакомству Сорокина с идеями выдающихся представителей социологической мысли России конца XIX – начала XX века. Идеи М.М. Ковалевского, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицкого способствовали формированию собственной научной позиции П.А. Сорокина, определению сферы его исследовательских интересов. Со студенческих лет Сорокин активно популяризировал достижения отечественных и зарубежных ученых, завершив свой исследовательский путь исторической теорией интегрализма. Его мировоззрение сложилось в единую систему.

Примечания

¹ Финк Л. Гарвардский профессор из вологодских мужиков // Вольнодумец. 1993. №3. 16 января.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 627.

³ Согомонов А.Ю. Забытая рукопись П. Сорокина. // Социологические исследования. 1988. №4. С. 102.

⁴ Ионин Л. Дневник социолога // Новое время. 1989. №4. С. 31.

⁵ Голосенко И.А. Социология П. Сорокина. Самара, 1992. С. 3.

⁶ Липский А.В., Кротов П.П. Зырянский след в биографии П. Сорокина // Социологические исследования. 1990. №2. С. 117.

⁷ Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М., 1992. С. 12.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 56272. Л. 6.

⁹ Голосенко И.А. Становление: ранний этап биографии П. Сорокина // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1991. №1. С. 33–47.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 863. Оп. 1. Д. 8. Л.2.

¹¹ Смирнов А. Питирим Сорокин - социолог века // Слово. 1996. №11-12. С.35.

¹² Сорокин П.А. Идеология аграризма. Пг., 1917. С. 11.

- ¹³ Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 36.
- ¹⁴ Там же. С. 39–42.
- ¹⁵ Sorokin P.A. Sociology of mental life // Pitirim A. Sorokin in review. Durham, N.C., 1963. P.22.
- ¹⁶ ИРЛИ. Ф. 863. Оп.1. Д. 8. Л. 12-36.
- ¹⁷ Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 47.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 56272. Л.4.
- ¹⁹ Сорокин П.А. Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя // Социологические исследования. 1989. №3. С.110.
- ²⁰ Сорокин П.А. Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя. С.110.
- ²¹ Сорокин П.А. Долгий путь. Самара, 1991. С.66.
- ²² Чернов В. Научное построение идеалов и чистое познание // Заветы. 1913. №12. С. 183.
- ²³ Ковалевский М.М. Предисловие // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 4.

А.М. Вишнякова*

**«РЕАБИЛИТАЦИЯ» СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ
В ИСТОРИОГРАФИИ 90-Х – НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

Последние 10-20 лет принесли с собой настоящий взрыв интереса широкой общественности к фигуре одного из крупнейших реформаторов императорской России¹. О ее результатах можно услышать весьма противоречивые заключения. Чаще всего писали и пишут, что она потерпела крах. Противоположные отзывы появляются в годы перестройки: от выделения отдельных положительных результатов до полной идеализации реформы.

Библиография работ о Столыпине стала стремительно пополняться новыми документальными публикациями, биографическими очерками, научными и околонучными исследованиями и даже романами и повестями. На смену старому, советскому образу Столыпина-реакционера и «вешателя» пришел новый, посткоммунистический Столыпин: умный, образованный, волевой, дальновидный, энергичный, прекрасный администратор и организатор, яркий оратор, образцовый семьянин. Трагическая смерть министра от рук еврея-террориста и предшествовавшее этому явное охлаждение к Столыпину Николая II еще более усилили симпатии значительной части россиян к личности знаменитого реформатора.

Споры вокруг реформ и личности П.А. Столыпина в 90-х годах по большей части были вызваны коренным переустройством всего российского общества, когда переход к частной единоличной собственности вновь обрел актуальность. В этих работах община начала XX века очень часто становилась «прародительницей» будущих колхозов и даже приравнивалась к ним. Таким образом, дискуссии о необходимости существования общины приобретали современный характер.

Начало «перестройки» повлекло за собой появление многочисленных статей о П.А. Столыпине в журналах «Слово», «Новое время», «Степные просторы», «Литературная Россия», «Свободная мысль», «Вопросы экономики». В большинстве этих статей П.А. Столыпин рассматривается как один из ведущих государственных деятелей России, а также приводятся многочисленные доводы, которые должны, по мнению авторов, свидетельствовать об успехах его преобразований.

В 1990 году в журнале «Вопросы экономики» были опубликованы две статьи кандидатов экономических наук А. Глаголева «Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885-1905гг.)»² и М. Румянцева «Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги»³. Цель обеих статей восполнить пробел, существующий к тому моменту в анализе экономического аспекта реформ Столыпина, поскольку большинство работ последних лет носили обобщенный характер. Оба автора статей, опубликованных в 1990 году,

---

* аспирант кафедры российской истории СамГУ.

многократно подчеркивают, насколько актуальна аграрная реформа Столыпина. Они проводят параллель не только между общиной начала XX века и колхозами в советский период, но и сопоставляют политическое положение России накануне первой мировой войны и на этапе «перестройки».

В том же ключе написана статья С. Королева-Пиняшина, опубликованная в журнале «Россия молодая»⁴. Автор рассматривает два феномена, которые стали результатом столыпинской реформы. В первом случае крестьяне, перешедшие на фермерский тип хозяйства, смогли стать монополистами на Волоколамском рынке льна, вытеснив западных предпринимателей. Во втором случае хуторяне воспользовались крайне выгодной конъюнктурой для развития экспортного маслоделия в Западной Сибири. Основываясь на исследовании этих частных вопросов, Королев-Пиняшин делает вывод, что «столыпинская Россия» жива до сих пор и это является самым лучшим доказательством правильного направления аграрной реформы.

Появились и работы историков, представивших материалы о положительных сторонах реформы, которые ранее не исследовались, даже замалчивались, отметивших политизированность ленинских положений и оценок, господствовавших в советской историографии.

В период перестройки исследованием столыпинской аграрной реформы успешно занимался П.Н. Зырянов. В своей работе «П.А. Столыпин»⁵ он обращает внимание, что в самой аграрной реформе было много надуманного, доктринерского. Абстрактность замысла столыпинской реформы в значительной степени, по мнению Зырянова, объясняется тем, что ее сочиняли люди, неважно знавшие русскую деревню. За два года пребывания в Саратове Столыпин, конечно, не мог узнать ее достаточно глубоко. Зырянов приходит к выводу, что в рамках общины, укрепление земли отдельными домохозяевами фактически приводило не к насаждению частной собственности на землю, а только к образованию беспредельных общин по образцу тех, которые владели землей по ревизским или «старым» душам. Большинство выходцев из общины составляла беднота, еще не потерявшая надежды поправить свое хозяйство и лихорадочно изыскивавшая к тому способы, а также городские жители различных классов, окончательно рвавшие связи с деревней. Что касается широкого участия в столыпинской реформе богатого крестьянства, то, по видимому, это легенда, которая застилала глаза сначала самому Столыпину, а потом и историкам.

Над изучением столыпинской реформы продолжает работать в 90-е годы А.М. Анфимов. Апеллируя к статистическим данным, он доказывает, что реформы Столыпина не достигли своей цели: хуторские хозяйства не смогли стать основой российской экономики, а, значит, не им обязана Россия своими успехами на мировом рынке в 1909-1913 гг. Анфимов обращает внимание на то, что на 1 января 1915 года единоличные хозяйства составляли чуть более 10% от всех дворов (14,6 млн.), то есть несравнимо малую часть. Экономические достижения, к которым часто обращаются авторы статей, чтобы проиллюстрировать успешность столыпинского курса, по мнению Анфимова оказываются эфемерными. «Вывоз хлеба из России был огромен. Однако за счет чего это достигалось? Оказывается за счет форсированного уменьшения

запасов хлеба внутри страны»⁶. Исследователь развенчивает еще одно клише, которое стало ходовым в перестроечный период. Оно касается объемов помощи государства крестьянам, выделившимся на хутора и отруба. «Большинство образованных Столыпиним единоличных хозяйств было обречено, они были брошены государством, предоставлены сами себе... Нельзя же считать реальной помощью сумму в 32 млн. руб., предложенную в качестве ссуды шестой части хуторян»⁷.

На современном этапе серьезное исследование историографии аграрной реформы Столыпина было проделано В.Г. Тюкавкиным. В своей работе «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа»⁸ он развенчивает ряд стереотипов, которые сложились под влиянием ленинских положений и всей советской историографии. Прежде всего, опровержению подверглось утверждение, что столыпинская реформа была вызвана революцией. Тюкавкин доказывает, что в действительности все мероприятия реформы были обсуждены, подготовлены и даже одобрены в «верхах» еще до революции 1905 года и даже до известных массовых выступлений крестьянства в 1902 году. Переход к практической подготовке новой аграрной политики — издание двух указов царя (о создании Межведомственной комиссии министра внутренних дел Д. Силягина и Особого совещания С.Ю. Витте) — произошел в начале января, а крестьяне поднялись на борьбу в начале марта в Полтавской губернии.

Второй тезис, который также подвергся критике Тюкавкина, заключался в том, что якобы целью Столыпина и правительства было разрушение всех общин. Мы можем встретить такое утверждение и у А.М. Анфимова, и уже в годы перестройки у П.Н. Зырянова. Тюкавкин считает, что данная постановка вопроса неверна в самой своей основе: авторы аграрной реформы не ставили никогда цели добиться выхода всех крестьян из общин. «Общая цель реформы, по мысли Гурко, Кривошеина, Столыпина и других, заключалась в создании слоя зажиточных хозяйств, которые были бы образцом и постепенно способствовали выходу других крестьян. Знакомство с речами Столыпина в Думе показывает, что его правительство даже считало возможным сохранить часть общин в неприкосновенности. Слой зажиточных крестьян, конечно, не мог включать всех домохозяев. Третьи стереотипом, сложившимся в ходе исследования аграрной реформы, Тюкавкин считал тезис о том, что реформу проводили насильственно, принуждали крестьян осуществлять всегда полицейский нажим на общины. «...случаи насилия действительно были. Вопрос лишь в том, что недостаточно отмечено соотношение добровольных и насильственных выходов, и не доказано законодательное закрепление насилия. Но тот факт, что более 3 млн. домохозяев подали заявления о выходе их общин, а более 6 млн. — о проведении землеустройства — это весомое доказательство добровольности основной крестьянской массы в стремлении выйти из общины, укрепить свой надел в собственность или провести землеустройство. Такое количество заявлений невозможно было «выбить» под нажимом»⁹.

Тема «Столыпин-реформатор» освещалась в монографии И.В. Островского¹⁰. Автор исследования отмечает ряд противоречий, заложенных в самой

аграрной реформе. Многие современники Столыпина и сегодняшние историки и не-историки воспринимали и воспринимают премьер-министра как сторонника укрепления империи. Для такой оценки есть основания. Столыпин не просто стремился создать себе имидж хранителя имперских традиций, - он искренне верил в то, что призван историей для спасения монархии, а с нею и имперского государства. Но если его программа была, в самом деле, нацелена на появление свободных, ответственных граждан, то она угрожала всевластию военно-бюрократического слоя, то есть самому существованию самодержавной империи. Между тем Столыпин собирался реализовать свою программу, опираясь на бюрократию.

Второе противоречие аграрной политики П.А. Столыпина сводилось к тому, что он пытался создать правовое цивилизованное государство, не имея при этом достаточно многочисленного культурного слоя населения. С другой стороны, невозможно создать такой слой без правового государства.

Наконец, масштабность программы Столыпина усиливала его стратегические позиции и ослабляла тактические. Больше реформ приводили к большему сопротивлению консерваторов и уменьшению возможностей для маневра. Правые круги провалили реформу, имевшую в виду введение волостного земского самоуправления, а с ней вместе под угрозой оказались аграрные преобразования, да и весь реформаторский курс премьера.

Итак, на современном этапе развития российской исторической науки вышло несколько фундаментальных работ по историографии аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина. Наличие документов по аграрной реформе позволяет провести ее качественный анализ и сделать в основном правильные выводы. В настоящее время многие историки сходятся на том, что нельзя говорить о крахе аграрной реформы, так как она не продлилась и десяти лет. Таким образом, история отвела слишком мало времени, чтобы можно было с уверенностью оценить правильность или неправильность курса Столыпина.

Примечания

¹ Тютюкин, С.В. Критика книги Г.П. Сидоровнина «П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862-1911)» // Отечественная история. 2002. №4.

² Глаголев, А. Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885-1905 гг.) // Вопросы экономики. 1990. - №10.

³ Румянцев, М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги // Вопросы экономики. 1990. - №10.

⁴ Королев-Пиняшин, С. Правое дело Столыпина // Россия молодая. 1993. - №2.

⁵ Зырянов, П.Н. П.А. Столыпин. // Вопросы истории. 1990. №6.

⁶ Анфимов, А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. - №4. С. 117.

⁷ Там же. С. 119-120.

⁸ Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - М.: Памятники исторической мысли. - 2001.

⁹ Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - С. 155.

¹⁰ Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. - М.: Высшая школа. - 1992.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.П. Пушков*, Л.В. Пушков**, С.М. Завьялов***

УРОЖЕНЦЫ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ – ВЫПУСКНИКИ И СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1877–1917 гг.)****

*Не безродна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных – то и знай!*
Н.А. Некрасов

Состоявшийся в 2005 г. 250-летний юбилей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова активизировал разработку целого ряда новых историко-культурных проблем¹, одной из которых является изучение источников формирования национального интеллектуального потенциала (в этом аспекте контингент обучающихся в Московском университете является вполне репрезентативной выборкой). В настоящее время наиболее перспективным является региональный аспект проблемы, который позволяет выявить, так сказать, интеллектуальную составляющую географического фактора, установить общее и особенное вклада отдельных земель в «умственную силу нации» (термин акад. И.П. Павлова). Естественно, реализация такого подхода возможна только на масштабном пространственно-временном материале. Такие источники были разработаны и оформлены авторами данной статьи в две базы данных, что открыло путь к привлечению современных информационных технологий, количественных методов и модельного подхода. Это БД «Выпускники Московского университета 1877–1916 гг.» на 27849 персоналий с отдельными полями по фамилиям, именам, годам окончания, факультетам, типам предварительного среднего образования и местам (город

* к.и.н., с.н.с. межкафедральной Археологической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

** ведущий специалист Главархива города Москвы.

*** ученый секретарь Новоиерусалимского историко-архитектурного музея-заповедника.

**** Проект выполнен при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-01-00208а.

и губерния) его получения, а также сведения о стипендиях, гимназических медалях, дворянских титулах и др.² Кроме того, в последнее время в Архиве МГУ был обнаружен уникальный массовый источник, который позволяет рассмотреть данный вопрос на материале переломного периода 1917–1918 гг.³ Канцелярией по студенческим делам Московского университета был составлен «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году», содержащий, помимо ФИО первокурсников, даты их рождения, сведения о сословной принадлежности, вероисповедании и оконченом среднем учебном заведении. По этим сведениям нами была построена база данных, которая представляет собой электронную таблицу в формате MS-Excel, включающую 12 полей и передающую всю информацию источника⁴.

За исследуемое 40-летие Самарская и Симбирская губернии имели своих уроженцев среди выпускников университета каждый год, за исключением 1905 г., когда университет был закрыт (см. табл. 1). Визуализация данных (см. рис.) позволяет выделить две фазы в динамике количества выпускников. Это первое 30-летие и последние 10 лет. На первом этапе (1877–1906) наблюдается весьма противоречивая, в целом нейтральная динамика числа выпускников с локальным экстремумом по Самарской губ. в 1891 г., составившим 10 чел., и по Симбирской губ. 9 чел. в 1897 г. Имевшиеся в этой фазе цикла спады объясняются последствиями царевубийства 1.03.1881 г., консервативного университетского устава 1884 г. и другими ограничительными мерами правительства. Любопытно, что в эти годы (1881, 1882, 1884, 1886, 1888, 1891, 1897 и 1902) с возрастанием количества выпускников из Самарской губ. сокращалось число выпускников симбирских. Единственное синхронное уменьшение выпало на 1894 г., который и делит первый цикл на две части.

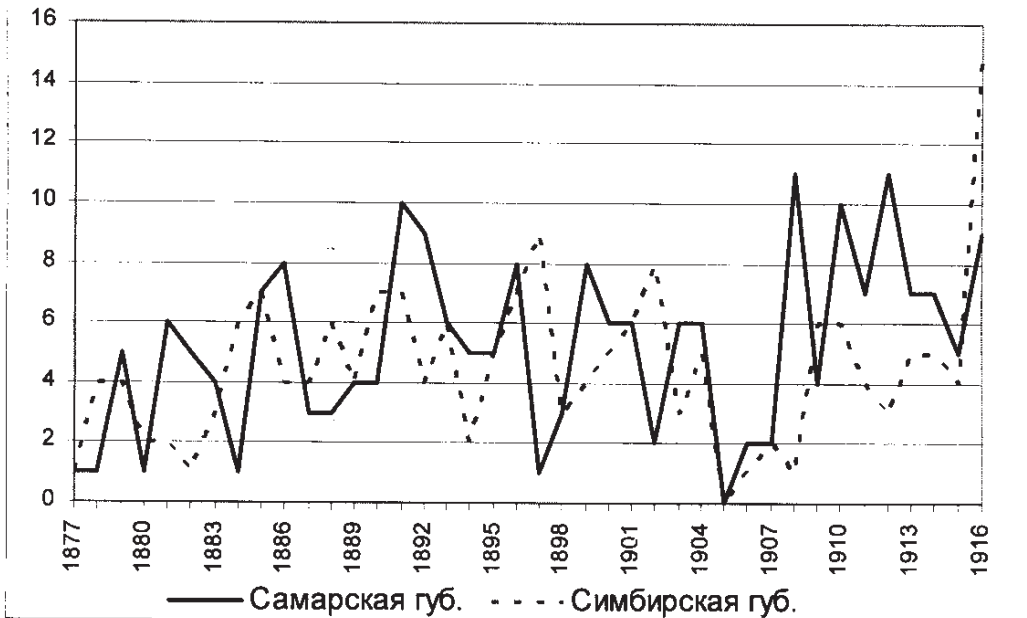

Рисунок. Количество выпускников Московского университета, получивших среднее образование в Самарской и Симбирской губ. 1877–1916 гг.

Таблица 1. Динамика количества выпускников Московского университета из Самарской и Симбирской губерний. 1877–1916 гг.

Год	Самарская губ.					Симбирская губ.				
	мед.	физ.-м.	юрид.	ист. ф.	всего	мед.	физ.-м.	юрид.	ист. ф.	всего
1877			1		1		1			1
1878	1				1	2	1	1		4
1879	1		4		5	4				4
1880			1		1	1		1		2
1881	3	1	1	1	6	2				2
1882	3		1	1	5	1				1
1883	2		2		4	1	1	1		3
1884	1				1	1	1	3	1	6
1885	6		1		7	3	1	3		7
1886	4		3	1	8			2	2	4
1887	2		1		3		1	2	1	4
1888			2	1	3	1	2	2	1	6
1889	2		2		4			4		4
1890		1	3		4		3	4		7
1891	2	2	5	1	10	1	3	3		7
1892		2	7		9	1		3		4
1893	2		4		6	1	1	3	1	6
1894	1		4		5			2		2
1895	1	2	1	1	5	1		4		5
1896	4	2	2		8			7		7
1897				1	1	4		5		9
1898			3		3		1	2		3
1899	2		6		8			2	2	4
1900	3	3			6	1	2	1	1	5
1901	2		4		6	1	2	3		6
1902	1		1		2		3	5		8
1903	2		4		6		1	2		3
1904	3		2	1	6		1	4		5
1906	1			1	2	1				1
1907	1		1		2	2				2
1908	4		6	1	11	1				1
1909		1	3		4	4	1	1		6
1910	1	4	5		10		2	4		6
1911	2	1	4		7		3	1		4
1912	3	2	6		11			3		3
1913	2	2	3		7			5		5
1914	2	1	3	1	7	2		2	1	5
1915			5		5		1	3		4
1916			8	1	9	4	4	7		15
Итого:	64	24	109	12	209	40	36	95	10	181

Столь яркий обратный характер взаимосвязей, как нам думается, не может быть случайным, но свидетельствует о довольно жестких административных механизмах, регулировавших набор в вузы (рискнём предположить, что этот факт также отражает какие-то существенные различия в истории двух гимназий и в карьерных установках их воспитанников, что в определённой мере было обусловлено директором Симбирской гимназии Ф. Керенским). Во второй фазе (1895–1906) всё же превалирует синхронность роста количества выпускников над «попятным движением» в 1897 и 1902 гг.

Второй цикл (1907–1916) демонстрирует, в общем, гораздо большую параллельность динамики по двум губерниям, за исключением 1908 и 1912 гг. В это время изучаемые регионы дают рекордные показатели, что подтверждает огромное влияние Первой русской революции на демократизацию высшей школы – самарцы по 11 чел. в 1908 и 1912 гг., а симбирцы – в 15 выпускников в 1916 г. (однако на фоне весьма вялой динамики за предшествующие годы этого цикла). Общий же спад среди волжан по числу подготовленных специалистов в 1915 г. объясняется мобилизацией медиков старших курсов и добровольным уходом студентов в действующую армию.

Несмотря на стабильность связи волжан с Московским университетом, по всем факультетам имеются заметные лакуны (см. Табл. 1). Наиболее устойчивы ряды юристов (по 33 года из 40 для обеих губерний) и медиков (30 лет для Самары и 25 для Симбирска). Симбирцы чаще самарцев оканчивали физико-математический факультет (соответственно 21 и 13 лет), но по историко-филологическому факультету – наоборот (8 и 12). Максимальный выпуск по юрфаку в 8 чел. самарцы дали в 1916 г., а симбирцы – по 7 чел. в 1896 и 1916 гг. Больше всего медиков (6 чел.) самарцы дали в 1885 г., а симбирцы – по 4 человека в 1897, 1909 и 1916 гг. По физмату обе губернии не превышали уровня 4 дипломников (Самара – 1910 г., Симбирск – 1916 г.). С истфила по обеим губерниям выпускалось лишь по одному человеку, за исключением 1886 и 1899 гг., когда симбирцы получили по 2 диплома.

В общем и целом научные приоритеты талантливой молодёжи за всё сорокалетие склонялись в сторону юриспруденции, поскольку абсолютное большинство как самарцев, так и симбирцев отдали предпочтение профильному факультету, причём впечатляет практическое совпадение долевого их выражения – 109 чел. из 208, или 52,5%, у самарцев и 95 чел. из 181, или 52,5%, у симбирцев, при этом на общем фоне всего университетского выпуска (41,8% юристов) обе губернии отличаются повышенным интересом к такого рода занятиям. И лишь немногих привлекали история и филология: 12 дипломов (5,7%) по Самарской губ. и 10 (5,5%) – по Симбирской губ. По другим же профессиям обнаруживаются существенные расхождения. Так, самарцы проявили гораздо больший интерес к медицине: 30,6% выпускников (64 чел.) против 22,1% у симбирцев (40 чел.). Зато интерес последних к физико-математическому факультету оказался заметно выше: 19,9% (36 чел.) против 11,5% (24 чел.). Симбирская губ. демонстрирует пониженный интерес к медицине (31,9% по всему университету), Самарская же характеризуется пренебрежением к естественно-научным дисциплинам (11,5% против 18,1%). Кроме того, интерес волжан к гуманитарным наукам был заметно ниже обще-

го уровня (5,7% и 5,5% выпускников на историко-филологическом факультете против 8,2%)⁵.

Практически все волжане получили предварительное среднее образование в гимназиях губернских центров. Из 181 симбирца 173 (95,6%) оказались воспитанниками Симбирской гимназии (кроме того, по 2 выпускника было из духовной семинарии и кадетского корпуса). Уездные города и другие типы средней школы были представлены лишь Сызранью, четыре питомца реального училища которой поступили в университет. Вполне схожа картина и по Самарской губ.: 196 чел. из 208 (94,2%) имели аттестаты Самарской гимназии, и к ним добавилось 2 воспитанника Самарского реального училища. Первыми волжанами, получившими университетские дипломы, стали в 1877 г. бывшие гимназисты симбирец Мих. Алякринский, который в звании действительного студента окончил математическое отделение физико-математического факультета, и самарец Федор Фон-Вендрих, вышедший с юрфака в звании кандидата. Однако с полной уверенностью можно сказать, что уроженцы многих уездных городов, представленные среди университетских выпускников, получали среднее образование в самих Симбирске или Самаре или даже в столичных школах.

Две губернии сильно отличаются по числу своих семинаристов, окончивших университет — 10 самарцев и 2 симбирца. Воспитанники духовных семинарий, как правило, поступали в университеты после четырех лет обучения и в основном в конце 1870 — начале 1880 гг. и после революции 1905—07 гг. Во временном промежутке между этими рубежами Синод запрещал семинаристам поступать в светские вузы. Итак, двое симбирцев, вышедших из стен духовной семинарии, — это Петр Тюбукин (1879, медицинский ф-т) и Василий Алеев (1909, физмат). Среди самарских семинаристов первыми получили университетские дипломы медики Феоктист Ключарёв (1878), Иван Равенский (1879) и юрист Сергей Орлов (1879). Из остальных семи пятеро также стали медиками, два — юристами, и один окончил историко-филологический ф-т. Таким образом, подтверждается типичный для данной категории выбор медицинского факультета.

О высоком уровне академической подготовки волжан говорит наличие среди них золотых и серебряных медалистов. Причем и в абсолютном исчислении, и по удельному весу получивших высшие гимназические награды оказалось больше среди симбирцев: 18 и 14 человек, или 9,9% и 6,7% (однако самарцы были впереди по числу золотых медалей: 8 против 7). О большом престиже Московского университета среди симбирцев свидетельствует тот факт, что из 32 человек, включённых в официальный «Список гимназистам, удостоенным аттестата зрелости, от которых учебное их начальство ожидало дальнейших успехов в науках (1873—1884)», 10 воспитанников избрали именно старейший российский университет (5 пошли на медицинский, 3 на физико-математический и 2 на историко-филологический факультет). Кроме того, по 6 человек поступили в Санкт-Петербургский и Казанский университеты, а один — в Киевский⁶.

По некоторым персонажам этого «Списка» есть интересные сведения об их связи с родной гимназией. Так, уже будучи студентом истфила, В.М. Изер-

гин руководил гимназическим хором и пел сам на благотворительных концертах в пользу недостаточных учащихся. Студент физмата Валентин Умов после получения аттестата «пожаловал» для библиотеки 8 учебных книг⁷. А будущий юрист Н. Коханов передал целый фонд из 39 книг. Граф П. Толстой пожертвовал икону Николая Чудотворца в серебряной ризе, а Алексей Полубояринов в 1877 г. участвовал в составлении нового каталога и приведении в порядок книг Карамзинской библиотеки⁸. С другой стороны, будущие университетские выпускники получали материальную помощь от гимназии и связанных с ней общественных благотворительных организаций. В. Умов в бытность гимназистом в 1878/79 учебном году заслужил право на «мундирную пару» стоимостью 10 руб. 57 коп., а Сергей Жихарев получил «кепи и полусапожки»⁹.

До 1883 г. в публикациях списков выпускников по медицинскому факультету помещались сведения о том, были они «своекоштными», т.е. обучавшимися за собственный счет, или «стипендиатами» разных правительственных или общественных организаций (в том числе и земств). Среди самарцев было 8 своекоштных и 2 стипендиатов, а у симбирцев — по 4 человека.

Распределение выпускников по естественному и математическому отделениям физико-математического факультета демонстрирует несколько повышенный интерес самарцев к математическому отделению над естественным (11 против 7) и практическое равенство для симбирцев (соответственно 11 и 12 человек). С 1909 г. стали указываться специальности выпускников. По этим данным самарцы демонстрируют несколько повышенный интерес к химическим наукам: по два выпускника по кафедрам агрохимии и физической химии и один по кафедре технической химии. Кроме того, по одному студенту специализировалось по зоологии, физиологии и физике. Среди же симбирцев оказалось трое зоологов, по одному выпускнику обучалось на кафедрах агрохимии, астрономии, механики, технической химии, физиологии и физической географии.

Среди волжан, получивших образование в Московском университете, безусловно, были и одноклассники по Симбирской гимназии поступившего в 1883 г. в Санкт-Петербургский университет А.И. Ульянова (выпускники 1887/88 гг. — 10 человек), В.И. Ульянова (1891/92 гг. — 11 чел.) и ровесники А.Ф. Керенского, ставшего студентом-юристом Петербургского университета в 1900 г. (1904 г. — 5 чел.), а также воспитанника Самарской гимназии Дм.И. Ульянова — студента-медика Московского университета с 1893 г. (1897/98 гг. — 12 чел.). Личные дела этих выпускников, как и всех других, перечисленных в «Приложении», хранятся в фонде 418 (Московский университет) Центрального Исторического архива Москвы и могут содержать факты, интересные не только для краеведения и истории губернских гимназий, но и для российской истории в целом.

Интересной особенностью публиковавшихся списков выпускников Московского университета была информация о предшествующем обучении в других российских университетах. Таких переходов набралось около десятка, причем единственным исключением (из Дерптского университета перешел симбирец выпускник 1878 г. медицинского факультета Иван Сахаров) все они касались Казанского университета и относились к выпускникам 1911–1916 гг.

Это самарцы юристы П.А. Казаков, Е.П. Лукашевич, С.Е. Рябинкин и медик А. Янов (1886) и симбирцы юристы Д.М. Курбатов и Д.В. Скороходов, а также медик А.А. Вологин. Поскольку большинство таких переводов произошло в 1910-е гг., то, возможно, в предшествующие годы Казанский университет имел какие-то проблемы с академической подготовкой студентов на своем юридическом факультете.

Выявлено четыре любопытных случая повторного обучения выпускников физико-математического ф-та на медицинском (трижды среди симбирцев и один у самарцев). Подобные операции имели место среди уроженцев всех губерний. Как правило, они осуществлялись выпускниками естественного отделения (особенного специализировавшихся по кафедре физиологии) с целью достижения сулившей безбедную жизнь частной врачебной практики, но нельзя исключать и того, что подобная комбинация была попыткой уклонения от воинской обязанности. Первым такой ход осуществил Сергей Позднев из Симбирска (1888–1891), примеру которого последовали Николай Кенарский (1902–1907) и Борис Брызгалов (1910–1914). А Кронид Крюгер из Самары окончил два этих факультета в 1896 и 1902 гг. Особенностью получения волжанами второго университетского образования была затянутость их обучения на медицинском факультете – в среднем, 4 года, тогда как представителям других губерний на это хватало 2–3 лет. Возможно, это было проявлением запрета зачисления на старшие курсы медфака, время обучения на котором составляло 5 лет.

Из титулованных особ среди симбирцев оказались юрист князь Александр Ухтомский (1890) и графы братья Толстые – Владимир и Петр (оба – физико-математический ф-т, 1891 г.; однако родовое гнездо Толстых находилось в Самарской губернии).

По числу первокурсников 1917 г. самарцы экстраполировали динамический ряд за дореволюционные годы (14 человек), а набор с родины премьер-министра Временного правительства потерпел провал – его земляков было всего трое (см. табл. 2). Расширился состав учебных заведений, подготовивших новый революционный набор. Так, по Самарской губернии питомцев 2-й городской гимназии оказалось вдвое больше, чем 1-й (6 против 3), студентами стали выученики Самарских коммерческого и реального училищ (2 и 1) и, кроме того, по одному из Сызранской гимназии и Бугурусланского реального училища. Среди же симбирцев были представлены 2-я городская гимназия, духовная семинария и частная гимназия Кашкадамовой. В отличие от предшествующего периода, когда доминировал интерес к юриспруденции, в ситуации военно-революционного времени возрастает тяга к медицинскому и физико-математическому факультетам (по пять человек), за которыми шли историко-филологический и юридический факультеты (соответственно 4 и 3 первокурсника).

Уникальные сведения о сословном составе нового набора убедительно свидетельствуют о демократизации высшей школы. Так, из 17 волжан шестеро вышли из семей мещан, трое – из крестьян, двое – священников и по одному студенту из семей врача, чиновника и потомственного дворянина. Февральская революция впервые в полной мере открыла двери университе-

тов для женщин. Первыми волжанками в Московском университете стали четыре девушки – «дочь крестьянина», золотая медалистка из Самары Епанешникова Евдокия Феодоровна, воспитанница частной гимназии Кашкадамовой «дочь мещанина» Зиновия Александровна Михайлова, сызранская гимназистка «мещанка» Александра Осиповна Авдеева и Анна Михайловна Орлова (свою сословную принадлежность она не указала). Из Самарского коммерческого училища приехали в Москву «крестьянин» Серг. Гр. Тимохин и «сын крестьянина» Франц Францевич Классен (на юрфак). Интересны данные и о вероисповедании волжан – помимо православных оказалось по одному иудею и менониту. По точным датам рождения студентов выявляется самый возрастной (А.М. Орлова – 2.02.1892) и молодой первокурсник (юрист Г.В. Соколов – 9.10.1890) при среднем возрасте всех волжан в 19,7 года.

Таблица 2. Первокурсники Московского университета 1917 г. из Самарской и Симбирской губерний

Авдеева Александра Осиповна	дочь мещ.	М	21.04.1897	Прав.	Сызранск. гимн Е.Ф. Игнатъевой	зл/м
Бабордин Иван Степанович	сын мещ.	М	25.05.1896	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Виноградов Александр Михайлович	сын свящ.	Ф-е	06.09.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	уволен по прош. 12.12.1917
Гладилин Сергей Алексеевич	сын чин.	Ф-м	15.06.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Докукин Иван Александр	сын свящ.	М	24.05.1897	Прав.	Самарск. 1 гимн.	
Епанешникова Евдокия Феодоровна	дочь крест	М	20.02.1898	Прав.	Самарск. 1 гимн.	зл/м; уволена по прош. 03.01.1918; принята обр. 08.03.1918 без права записи на лекции
Зверев Георгий Петрович	сын пот дв.	Ф-м	04.04.1899	Прав.	Симбирск. 2 гимн.	
Капитонов Владимир Алексеевич	мещ.	М	17.11.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Классен Франц Францевич	сын крест.	Ю	31.03.1896	мен-нон.	Самарск. коммерч. уч.	перешёл на матем. отд. 21.10.1917
Корман Вячеслав Васильевич	сын мещ.	Иф	21.03.1896	Прав.	Самарск. 2 гимн	
Мельников Валентин Михайлович	сын мещ.	иф	27.11.1898	Прав.	Самарск. реальн уч.	
Михайлова Зиновия Александр	дочь мещ.	Ю	24.09.1898	Прав.	гимн Кашкадамовой в Симбирске	св-во
Мокеев Степан Петрович	сын врача	Ф-е	23.12.1896	Прав.	Симбирская духовная семин.	
Орлова Анна Михайловна		Иф	02.02.1892	Прав.	Самарск. 1 гимн.	зл/м
Соколов Георгий Владимир		Ю	09.10.1900	Прав.	Бугурусл. реальн уч.	св-во
Тимохин Сергей Григорьевич	крест.	Ф-е	12.03.1898	Прав.	Самарск. коммерч. уч.	
Шпигель Иегуза Иосифович		Иф	23.11.1898	Иуд.	Самарск. 2 гимн	

Сравнительное рассмотрение системы фамилий у волжан, с одной стороны, демонстрирует их структурное сходство, а, с другой, – внешнее своеобразие. Так, на 172 самарские и 156 симбирских фамилий приходится соответственно по 1,22 и 1,16 университетских выпускников, а доли повторяющихся фамилий от всего их числа (32 по Самарской губ. и 31 по Симбирской губ.)

составляют 19% и 20%. Количество однофамильцев по всему контингенту выпускников среди самарцев было 71, и симбирцев – 64 (34% и 35% соответственно). Сходство приведённых относительных параметров по обоим губерниям говорит о репрезентативности исследуемой информации («заработал» закон больших чисел).

Однако фамилий, общих для двух регионов, оказалось всего лишь 12, что в первом приближении можно трактовать как генетическую изолированность образованного населения этих губерний. Эти 12 фамилий составили всего лишь 3,8% от всего их набора по двум губерниям. Естественно, в это число входили самые распространённые фамилии, и их носителей было по 19 человек в каждой губернии, что составило 9,7% (всего было 6 Соколовых, по 4 Орловых, Петровых и Соловьёвых, по 3 Ивановых, Лавровых, Михайловых и Сахаровых; Варламов, Логинов, Малиновский и Яковлев встретились по разу в каждом регионе). Показательно, что 71 из 156 симбирских фамилий (46%) встречаются среди лиц, упомянутых в разнообразных источниках по истории Симбирской гимназии за первое столетие её существования (до 1887 г.)¹⁰, свидетельствуя о стабильности воспроизводства национальной умственной элиты в образованных семьях этой губернии.

На 32 фамилии самарцев, носители которых имели однофамильцев за 1877–1916 гг., пришлось 69 выпускников, или 33% от всего их контингента за это время. Следующие пять фамилий принадлежали трём выпускникам каждая: Крестовский, Орлов, Соколов, Тихомиров и Шмелёв. Ещё 27 фамилий встречались дважды. Абсолютное же большинство фамилий – 140 – остались уникальными, и на них пришлось 2/3 выпускников (67%).

Среди же симбирцев на 29 повторяющихся фамилий за исследуемый период пришлось 64 человека, или 35,4%. Больше всего оказалось Кенарских (4 чел.), а также Вологиных, Глассон, Соколовых и Соловьёвых (по 3 чел.). Ещё 24 фамилии встречались дважды, но 127 фамилий остались «в единственном числе» (70%).

По обоим регионам подтверждается выявленная на аналогичном материале других губерний высокая активность среди образованного населения «птичьих фамилий»: по 17 человек среди самарцев (8,1%) и симбирцев (9,4%) с такими фамилиями, как Кенарский, Комаров, Крылов, Ласточкин, Лебедев, Лебедевич, Муханов, Орлов, Пчёлкин, Соколов, Соколовский, Соловьёв, Шмелёв, Щеглов, Ястребов. Этому типу генетических маркёров явно уступали «звериные» фамилии – Львов, Волков, Козлов и Лисицын. Нашлось подтверждение и всеобщей распространённости фамилий, возникших в церковно-семинарской среде. Особенно много их оказалось среди самарцев – 20, и только 5 среди симбирцев. Это Архангельский, Благодаров, Богомыслов, Богомоллов, Виноградов, Владимирский, Добронравов, Крестовский, Малиновский, Никольский, Покровский, Тихомиров, Троицкий, Фармаковский, Фастрицкий и др.

Сравнение фамилий, отчества, времени обучения и мест получения предварительного образования с достаточной степенью вероятности позволяет начать исследовать формирование университетских династий, как по линии братских групп (горизонтальное родство), так и по вертикали (отцы и дети).

Интересно, что по обоим губерниям устанавливается по 23 братских группы (за единственным исключением всегда по два человека), причем удельный вес составивших эти группы лиц оказался весьма высоким, что говорит о заметном семейном интересе волжан к Московскому университету. Так, у самарцев эта доля составила 22,5%, а у симбирцев – 25,4%. Например, в 1891 и 1893 гг. выпускниками математического и естественного отделений физико-математического факультета становятся симбирцы Владимир и Петр Толстые, а в 1904 г. с юрфака вместе вышли Борис и Владимир Пантусовы, Три самарских гимназиста брата Крестовские последовательно получали университетские дипломы: Иван Александрович по кафедре математики, а Борис по кафедре агрохимии физико-математического факультета (в 1909 и 1910 гг.), и в 1915 г. юристом стал младший брат Александр. Совместное обучение в одном вузе родных братьев позволяло более экономно относиться к семейному бюджету и способствовало академическим занятиям. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что самарцы в 11, а симбирцы в 16 случаях из 23 в среднем в продолжение трех лет вместе проживали в Москве. В основном братья обучались на разных факультетах, но все же в 9 случаях из 23 (39,1%) для каждой губернии отмечено совместное обучение на одном факультете (для самарцев 7 раз на юрфаке и по одному на медицинском и физико-математическом, а у симбирцев – 6 раз на юрфаке, два на медицинском и один на физмате). Младшим братом самарца Анат.Мих. Смирнова, ставшего в 1913 г. врачом, был первокурсник 1917 г. «сын священника» уроженец Симбирской губернии, но окончивший Самарскую гимназию Мих.Мих. Смирнов.

По распространённости вертикального родства выпускников (отцы-сыновья) наблюдается большое различие между регионами: один случай у симбирцев и пять у самарцев. Так, среди симбирцев через 24 года после Ивана Мотовилова, ставшего в 1878 г. врачом, его сын Андрей выпускается из юридического факультета. Среди же самарцев это были юристы Евдоким и Борис Юрины (1879/1915), Тимофей и Сергей Гавриловы (1881/1911), Дмитрий и Борис Щегловы (1882/1907), юристы Александр и Дмитрий Тимроты (1883/1914), а также Василий и Сергей Тихомировы (1886/1914). Временной промежуток между получением университетских дипломов отцами и сыновьями в среднем составил 28 лет. Среди отцов оказалось по три медика и юриста, а среди сыновей – один медик и пять юристов. Показательно, что формирование университетских династий начиналось чаще всего с юридического факультета, где обучались представители наиболее обеспеченных слоев общества.

Анализ структуры личных имен и отчеств студентов позволяет выявить любопытные черты ментальности их отцов и дедов. Отметим несколько большее разнообразие имен самарцев над симбирскими (45 против 36), так что на одно имя соответственно приходится 4,6 и 5,0 чел., причем значительная часть имен имела лишь по одному носителю (соответственно 21 и 13). Убедительным свидетельством царистской ментальности волжан является преобладание в их среде личных имен членов императорской фамилии. Так, среди самарцев на 6 имен из 45 пришлось более половины выпускников (115 человек из 208, или 55,2%). Это 34 Александра, 24 Николая, 19 Михайлов, 16 Владимиров и по 11 Константинов и Сергеев. Аналогично среди симбирцев на

6 имен из 36 также выпало большинство студентов (91 человек из 181, или 50,3%). Это 22 Николая, 19 Александров, по 13 Владимиров, Иванов и Михайлов, а также 11 Василиев. В отличие от самарцев, у симбирцев лидером стало имя Николай. Имена, представляющие большинство выпускников, видимо, следует считать проявлением определенных статистических закономерностей. В этом плане сходство структурообразующего именного ядра смежных губерний, с одной стороны, подтверждает модельный характер данного набора, но с другой – выявляются и любопытные региональные особенности. Так, присутствие в симбирской структуре нецарских (народных, общеантропонимических) имен Иван и Василий можно интерпретировать как менее верноподданнический по сравнению с самарцами характер имянословия у отцов симбирских выпускников. На этом фоне отцы самарцев выглядят более патриархально. Об этом же говорит и существенное преобладание у самарцев Александров над Николаями, но особенно большое число Константинов (11 человек), тогда как у симбирцев их было только двое. В общем же на имена Александр и Николай пришлось у самарцев 58 человек (28%) и 41 у симбирцев (23%). Показательно, что в списке приоритетных отсутствует имя царевича Алексея, который родился позже всех наших студентов.

Проведенные наблюдения над структурами имен подтверждаются рассмотрением отчеств выпускников, т.е. имен, которые их деды дали их отцам (отчеты стали указывать отчества с 1908 г.: 59 раз по Самаре и 47 по Симбирску). Среди самарцев пять имен давали более половины отчеств (30 из 59): 10 Александров, 7 Иванов, 5 Василиев и по 4 Алексея и Петра, тогда как трое Николаевичей оказались лишь на шестом месте. У симбирцев картина приблизительно такая же: 6 Иванов, по 5 Александров и Михайлов, 4 Алексея, по 3 Василия и Николая. Таким образом, в продолжение жизни двух поколений произошло существенное изменение ментальности в сторону возрастания имперской самоидентичности.

Анализ ФИО в определенной степени заменяет информацию о национальной принадлежности и вероисповедании студентов. Таким образом легко определяются поволжские немцы, которые после русских были на втором месте среди выпускников (около 5% по Симбирской и около 10% по Самарской губернии). Это: В. Вольтман, В. Клейгель, М. Гернет, К. Кнерцер, А. Лангауз, И. Рунне, Г. Штехер, Г. Шварц – по Симбирску и В. Бруммер, А. Вейсман, Л. Глузенап, С. Гюнтер, Кронид Крюгер, Александр-Фердинанд Ленц, В. Доор, Карл-Вильгельм Мейер, Фридрих-Артур Рейс, А. Фон-Бринкман и др. (кроме указанных, поволжские немцы, как правило, имели простые русские имена). Поляками-католиками были В. Гордзяковский, Адам-Карл Козубовский и Эдмунд-Леопольд Рахлинский. По сравнению с другими регионами имело место пониженное представительство еврейской молодежи (Лейба Историк, Герш Селих и Завель Шефтель).

За всю дореволюционную историю Московского университета нами выявлено шесть волжан, ставших профессорами своей Alma Mater. Это его воспитанники медик Евгений Алексеевич Нефедьев (годы жизни неизвестны), астроном Алексей Ник. Сабанин (в 1902 г. ему было 55 лет) и юрист Арк. Елистратов (37 лет в 1910 г.). Мировую научную известность заслужили два уро-

женца Симбирской губернии: основатель отечественной школы физиологии Иван Мих. Сеченов (1829–1905), выпущенный в 1855 г. из медицинского факультета, он был профессором университета и зав. кафедрой физиологии с 1891 по 1901 гг. Фундаментальный вклад в мировую науку внес Ник. Алексеевич Умов (1846–1915), среднее образование он получил в 1-й Московской гимназии, стал выпускником университета в 1867 г. и был его профессором с 1893 по 1911 г., когда, не приняв политику правительства по отношению к высшей школе, ушел в отставку, но до конца жизни (с 1897 г.) оставался президентом Московского общества испытателей природы. Единственным же самарцем, ставшим университетским преподавателем, оказался профессор богословия протоиерей Ник. Боголюбский, который одновременно был и настоятелем университетской Татъянинской церкви.

Примечания

¹ См.: Университет для России / Под ред. В.В.Пономаревой и Л.Б.Хорошиловой. Т. 1. М., 1997; Т. 2. 2001; Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. М., 2002; Университетские профессора и подготовка устава 1835 года. М., 2003; Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессора. Ч. 2. Студенчество. М., 2003; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

² Данная база данных построена по материалам ежегодных университетских отчетов. См.: Отчет и речь, произнесенные в Торжественном собрании Императорского Московского университета. 12 января ... года. М., 1877...1906; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. М., 1907...1917. Подробное описание БД см.: Пушков Л.В., Пушков В.П., Завьялов С.М., Гришина З.В. Выпускники Московского университета и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (первые итоги создания базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №31. М., 2003. С. 184–192.

³ См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312. Машинопись с рукописной правкой.

⁴ Описание состава выпускников из отдельных губерний и городов см.: Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Выпускники Московского университета – уроженцы Владимирской губернии (1877–1916) // Вестник архивиста. 2004. №3–4. С. 197–211; Они же. Елецкий интеллектуальный феномен (Воспитанники Елецкой гимназии – выпускники Московского университета. 1881–1916 гг.) // Философия хозяйства. 2004. №4. С. 9–20; Гришина З.В., Завьялов С.М., Пушков В.П., Пушков Л.В. Уроженцы Рязанщины – выпускники и профессора Московского университета. 1877–1916 // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории. К 225-летию образования Рязанской губернии. Рязань, 2004. С. 92–96; С.Т. Минаков, Л.В. Пушков, В.П. Пушков, С.М. Завьялов. Уроженцы Орловской губернии – воспитанники и профессора Московского университета // Вестник архивиста. 2004. №1. С. 221–231; Пушков В.П., Пушков Л.В. Выпускники Московского университета из Вологодской губернии (1878–1917 гг.) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 14. Вологда, 2007. С. 71–83; Они же. Уроженцы Тульской губернии – выпускники Московского университета (1877–1916 гг.) // Белёвские чтения. Вып. 4. М., 2004. С. 133–140.

⁵ См.: Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Профессионально-географический состав выпускников Московского университета. 1877–1916 гг. // История Московского университета. 1755–2004 гг. Материалы 5 научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М.: МГУ, 2004. С. 224–225.

⁶ См.: Безгин И.Г. Симбирская губернская гимназия. 1786–1887. Библиографическая монография. СПб., 1888. С. 308, 310.

⁷ Там же. С. 333.

⁸ Там же. С. 311, 318, 329.

⁹ Там же. С. 337.

¹⁰ Там же.

Л.Ю. Петрянина*

**ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НА СЕЛЕ
В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА КРЕСТЬЯНСТВА
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Социокультурный облик человека любого исторического периода складывается из множества взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, одним из которых являются условия жизни, физическое состояние, забота о собственном здоровье и здоровье своих близких.

Крестьянский образ жизни с тяжелым физическим трудом являлся благоприятной почвой для возникновения «профессиональных» заболеваний, таких как болезни суставов, костей, мышц, ревматизма и травм. Однообразная и мало питательная пища вызывала болезни органов пищеварения. Статистика показывала, что катаром желудка болели все бедняки и некоторые середняки. Условия жизни в тесных, иногда курных избах с резким перепадом температур, при нарушении гигиенических норм приводили к заболеваниям органов дыхания, кожным, глазным болезням, а пользование общей посудой, одеждой, тесные контакты способствовали их распространению.

Всякую эпидемию крестьянство считало наказанием божьим, борьба с которым грешна и бесполезна. Единственным средством, по мнению крестьян, служили молитвы и церковные обряды. Происхождение ряда болезней объяснялось крестьянами следствием естественных причин: простуды, ушиба, «надсады». Для борьбы с такими заболеваниями у народной медицины имелось множество растительных и магических средств, выработавшихся веками, основывавшихся на практическом опыте, образе жизни, единстве с окружающим миром, но нередко соседствовавших с темнотой и невежеством обывателя. «Попало одной крестьянке – жене бедняка – соринка в глаз. На помощь позвали знахарку. Знахарка, недолго думая, приподняла веко больного глаза и начала лизать языком. В течение нескольких минут знахарка лизала языком глаз. Получила гонорар и ушла. ... Глаз начал болеть еще сильнее. Нужда заставила обратиться к помощи фельдшера. Оказалось сильное воспаление глаза»¹.

К медицинским мерам пресечения болезней крестьяне относились с недоверием, пытаясь иногда скрыть больных, которых врач или фельдшер обнаруживали случайно, когда врачебная помощь была уже бесполезной, а дом был переполнен пришедшими проститься родственниками и знакомыми, что также приводило к распространению заболевания.

И без того непростая санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране осложнилась голодом 1921-1922 годов. Больницы были «перегружены работой, для больных не хватало мест». «Каждый день привозили в больницу,

* ассистент кафедры истории и права Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского.

каждый день отвозили из больницы на погост, - говорили крестьяне о тех временах, - слабы были, есть-то нечего было»².

Голод заставил многих бросить свои хозяйства и искать спасения в других районах. Беженцы способствовали распространению инфекционных заболеваний: сыпного, брюшного, возвратного тифа, холеры, дизентерии, кори, скарлатины.

Наибольшее количество жертв холеры было зафиксировано в сельских местностях. В Поволжском регионе к осени 1921 года смертность от холеры составила 80%. Всего за вторую половину 1921 года в губерниях, пострадавших от голода, было зарегистрировано более 110 тысяч заболеваний сыпным, брюшным и возвратным тифом, 64791 случай заболеваний холерой, 16423 — цингой³.

Особенно голод сказался на развитии эпидемии тифа⁴. Наиболее пораженными были Тамбовская, Пензенская, Саратовская губернии. Следующими за ними по уровню заболеваемости шли Самарская, Уфимская, и ряд других губерний⁵. К 1924 году показатели заболеваемости, снизившись, достигли довоенного уровня.

В голодные годы крестьяне с пищей получали всего 2500 калорий, например, в Самарской губернии, что не удовлетворяло даже норме относительно покоя⁶. Помимо эпидемических заболеваний, на почве голода развивались специфические голодные болезни, которые не поддавались точному учету: упадок сил с острым малокровием, острые желудочно-кишечные катары, опухание ног, лица, цинга в различных формах, водяной рак, язвенные стоматиты, кожные заболевания, др.

Одно из первых мест среди инфекционных заболеваний занимала малярия, в просторечье лихоманка, трясовица. До Первой мировой войны ежегодно в России малярией болело более 3 млн человек⁷. Разносчиками малярии являлись комары-анафелесы, поэтому рост заболевших наблюдался в весенне-летний период в местностях, где имелись водоёмы со стоячей водой, болота. Это заболевание трудно поддавалось лечению, носило продолжительный характер. Ослабленный малярией человек мог быть подвержен другим инфекционным заболеваниям, в частности, тифу, туберкулёзу. В 1922 году на территории Европейской России самый высокий уровень заболеваемости был зарегистрирован в Самарской, Симбирской, Саратовской губерниях, то есть в районах, наиболее пострадавших от голода⁸. В 1923 году в Европейской части страны было зарегистрировано более 4 млн случаев заражения малярией⁹. 80% заболеваний приходилось на долю сельской местности¹⁰.

Еще одним распространенным в крестьянской среде заболеванием была оспа. Во второй половине XIX века в силу нехватки медицинского персонала оспопрививание в сельской местности осуществляли наскоро обученные, выбранные или назначенные крестьяне. Прививки, зачастую, делались без соблюдения стерильности, здоровым и больным. В результате, помимо оспы прививались прочие инфекции.

Крестьяне недоверчиво относились к подобным мероприятиям, особенно, когда их осуществляли приезжие оспопрививатели. Среди деревенских жителей распространялись слухи о том, что их будут резать, фельдшеров с

«печатью антихриста» не пускали в дома. Лишь со временем, когда практика показала, что привитые заболевают реже и легче переносят болезнь, а также благодаря разъяснительной работе среди крестьян, польза привития стала признаваться. Обязательное оспопрививание для всех категорий населения было введено после революции Декретом от апреля 1919 года. Летом этого года во всех губерниях была проведена прививочная кампания¹¹. Таким образом, было положено начало борьбы с инфекционными заболеваниями в общегосударственном масштабе.

Однако, оказываемая усилиями советской власти врачебно-санитарная помощь населению в виде оспенных и противохолерных прививок была недостаточной. В 1924 году на долю сельских жителей приходилось 89,13% всех случаев заболеваний оспой, в 1926 году – 86,4%¹². Возможности органов здравоохранения ограничивались нехваткой квалифицированного персонала больниц, топлива, продовольствия, медицинских средств¹³. Весь медико-санитарный персонал Среднего Поволжья исчислялся 3122 медицинскими работниками по основному и 396 по побочному занятию. Врачей среди них насчитывалось 323 человека, тогда как сельское население Среднего Поволжья составляло 9097,5 тысяч человек¹⁴. Закономерным следствием такого положения являлся высокий уровень заболеваемости среди населения.

Тесное деревенское жильё, общая одежда, посуда, сам характер быта способствовали распространению такого страшного заболевания как сифилис. В 1885 году на первом съезде Пироговского общества сифилис был назван бытовой болезнью русского народа. Официально учтенные случаи заражения составляли меньшую часть всех заболеваний. К сифилису в деревне относились как к «дурной», позорящей болезни, поэтому заболевшие крестьяне редко обращались за помощью к врачу, кроме того, медицинская помощь была труднодоступной: отсутствовали лекарства, стационарные отделения. Симптомы болезни сельчане приписывали поражению «волосом», проникшем в тело, или же простуде, обращаясь к соответствующим знахарским способам лечения, а порой, вовсе не обращая на них внимания¹⁵. Даже если сельчане, в основном, мужчины, обращались в больницу, то, получив первоначальную помощь и почувствовав временное облегчение, переходили на домашние способы лечения, запуская болезнь. Инфекция распространялась преимущественно бытовым путем. В Бузулукском уезде Самарской губернии 80% заражений своей причиной имели совместное проживание, 15% - наследственность, 0,5% - отхожие промыслы. В Симбирской губернии 63,4% заболеваний возникало в результате совместного проживания с больным, 23,8% - имело наследственный характер¹⁶.

Переносу инфекции способствовали повитухи, доморощенные оспопрививатели, пастухи, столовавшие в разных домах. Матери, больные сифилисом, рожали зараженных детей. В Симбирской губернии в начале XX века на 100 больных приходилось 25 детей и 45 женщин¹⁷.

На протяжении первой половины 1920-х годов число заболевших сифилисом среди сельского населения росло: в 1921 году на всей территории РСФСР было зарегистрировано 85677 случаев заболеваний, к 1926 году их число составляло уже 459889¹⁸. Помимо фактора распространения заболевания его

рост можно объяснить еще и расширением медицинской помощи в эти годы, масштабным выявлением больных сифилисом, увеличением числа обращений к врачу со стороны крестьянства.

Трудноразрешимой проблемой для советского государства было распространение туберкулёза. В дореволюционной России туберкулёз считался болезнью бедноты. Однако, экономический фактор не был единственным условием заболевания. Несмотря на то, что благосостояние хозяйства влияло на качество жилья, сами условия быта (планировка, гигиеническое состояние, соседство со скотиной) и традиции, общие для всех экономических групп, нивелировали влияние экономического фактора.

К причинам возникновения туберкулёза относились: недостаточное питание, тяжелая физическая работа, связанная с пылью. Наиболее распространенной формой туберкулёза являлся туберкулёз легких. В сельской местности случаи заражения сложнее было выявить и зарегистрировать. Кроме того, статистические данные не отражали действительного положения вещей. Больные туберкулёзом часто умирали от истощения, голода, тифа, т. д., попадая в соответствующие статистические отчеты по причинам смерти. Но и при таком положении количество зарегистрированных случаев заболевания туберкулёзом неуклонно росло. В предвоенные годы их доля составляла 1,2% всех болезней крестьян, в начале 1920-х годов уже 5%. Как одна из форм профилактики туберкулеза среди населения организовывались «недели» и «трёхдневники» борьбы с этим заболеванием¹⁹.

В силу недостатка средств в местных бюджетах и последствий голода уровень заболеваемости в Поволжье был выше, чем по России²⁰. Ульяновская губерния в НЭПовский период являлась одной из самых неблагополучных по заражению острыми инфекционными заболеваниями: сибирской язвой, гриппом, чесоткой, цингой и др. Помимо ряда общих причин, это было связано с отставанием социально-экономического развития от уровня других губерний Среднего Поволжья.

Во второй половине 1920-х годов в результате реализации конкретных мер в области здравоохранения стала наблюдаться положительная динамика. Основным результатом политики местных органов власти в области здравоохранения явилась стабилизация эпидемической ситуации в регионе: сокращение инфекционных заболеваний, снижение общей и младенческой смертности, рост средней продолжительности жизни населения²¹. Однако, проблема массовости инфекционных заболеваний продолжала оставаться актуальной. Так, показатели заболеваемости оспой по республике составляли в 1926 году 1,3%, в 1927 – 1,26%, в Ульяновской губернии они составили – 2,5%, в Самарской – 1,4%²². То же относительно заболеваемости тифами, малярией.

Война, революция, голод истощили население, которое стало более восприимчиво к инфекционным заболеваниям. Заболеваемость приводила к ухудшению физического состояния нации в целом. Таким образом, заболевание – явление не только медицинское, но и социальное. Земские врачи были единодушны в том, что 25% заболеваний напрямую связаны с жизненным укладом. В результате государственной политики по внедрению элементарных медицинских знаний в крестьянской среде повысился уровень санитар-

ной культуры, возросло доверие к медицинским учреждениям и персоналу, вырос их авторитет. Советскому государству необходимо было продолжать санитарное просвещение населения, способствовать изменению его отношения к заболеваниям, а также улучшать бытовые условия жизни крестьянства на пути к искоренению инфекционных и социальных болезней.

Примечания

- ¹ Голубых, М. Очерки глухой деревни. М.-Л., 1926. С.51.
- ² Там же. С.47.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1064. Оп.3. Д.39. Л.36.
- ⁴ ГАРФ. Ф.482. Оп.4. Д.341. Л.4, 286; Д.115. Л. 8.
- ⁵ ГАРФ. Ф.482. Оп.4. Д.115. Л.8, 16; Д.335. Л.1-4; Д.317. Л.10.
- ⁶ Попов П.И. Сельское хозяйство Союза республик. М.-Л., 1924. С. 21; Гонтарёва И. Питание сельского населения во время революции // Социалистическое хозяйство. Кн.1. М., 1924. С.238-239, 233, 241, 242; Привалова Т.В. Быт российской деревни. 60-е годы XIX – 20-е годы XX века. М., 2000. С.47.
- ⁷ ГАРФ. Ф.482. Оп.4. Д.23. Л.217.
- ⁸ Отчёт Самарского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов X созыва за 1923 год. Самара, 1923. С.83.
- ⁹ Гигиена и эпидемиология. 1924. № 2. С.50; Бюллетень Наркомздрава. 1923. №3-4.
- ¹⁰ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913-1923 гг. М., 1926. С.18-19; Статистический обзор состояния здравоохранения и заболеваемости заразными болезнями РСФСР в 1926 г. М., 1928. С.38.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.482. Оп.4. Д.23. Л.163.
- ¹² Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913-1923 гг. М., 1926. С.18-19; Статистический обзор состояния здравоохранения и заболеваемости заразными болезнями РСФСР в 1926 г. М., 1928. С.38.
- ¹³ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак. Семья. Быт. М., 2007. С.134; Лечебное дело в РСФСР. М., 1924. С.97, 111; Вопросы здравоохранения деревни. М., 1925. С.9.
- ¹⁴ Фёдорова Н.А. Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации (опыт социально-демографического изучения). Казань, 1990. С.107.
- ¹⁵ Московский медицинский журнал. 1922. №5-6. С.82.
- ¹⁶ Там же. С.75; Шостак Я.Е. Материалы по изучению санитарного состояния Симбирской (Ульяновской) губернии в связи с экономическим благосостоянием. Ульяновск, 1925. С.73.
- ¹⁷ Шостак Я.Е. Материалы по изучению санитарного состояния Симбирской (Ульяновской) губернии в связи с экономическим благосостоянием. Ульяновск, 1925. С.73.
- ¹⁸ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913-1923 гг. М., 1926. С.210-213; Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1924-1925 гг. М., 1926. С.18-19; Статистический обзор состояния здравоохранения и заболеваемости заразными болезнями РСФСР в 1926 г. М., 1928. С.30, 32.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.84. Д.816. Л.57; Туберкулёз и борьба с ним. М., 1926. С. 334-335; Бюллетень Наркомздрава. 1925. №16.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.А. 482. Оп.4. Д.327. Л.28; Д.559. Л.3; Оп.10. Д.1014. Л.8-9.
- ²¹ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С.97, 120.
- ²² ГАРФ. Ф.А. 482. Оп.10. Д.1014. Л.10, 18.

Е.В. Панкратова*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Образование и воспитание подрастающего поколения в рамках существующей идеологии было одной из приоритетных задач советских властей. По словам Н.К. Крупской, «педагогика не тихая заводь, где нет никакой борьбы. Педагогика — один из важнейших участков классовой борьбы за социализм»¹.

Требования улучшить социальный состав преподавателей для первой половины 1930-х гг. стали постоянными. Пензенский окружком например, разбирая состав преподавателей 7 школ крестьянской молодежи (ШКМ), сделал вывод о «неудовлетворительном составе преподавателей как по образовательному, партийному, так и по социальным признакам». Этот вывод был основан на том, что из 40 преподавателей этих школ, только 14 человек были партийными, высшее образование имели только 13 человек, среднее — 24 и низшее — 3 человека. Несмотря на то, что рабоче-крестьянское происхождение имело значительное большинство — 29 человек, общую картину портило, с точки зрения властей, то обстоятельство, что в числе преподавателей оказалось 9 человек из семей служащих и 3 — из духовенства².

Результатом такой политики стало стремление людей, имеющих «неподходящее» социальное происхождение, скрывать его и пытаться миновать препоны под видом пролетариев или крестьян-бедняков. Например, из совпартшколы в 1935 году был исключен Ефремов Трофим Филатович, «за сокрытие социального происхождения, как выходец из кулацкой семьи». Курсант Никишин был исключен «за сокрытие ссылки на 10 лет, за вредительство в колхозе своего отца...»³.

Наибольшее внимание уделялось социальному происхождению и роду занятий ближайших родственников. Широко практиковалась выдача справок о социальном происхождении. Исполнительный комитет советов Средневолжского края в 1931 году обращался ко всем председателям райсполкомов с требованием относиться к выдаче подобных справок со всей ответственностью, в связи с тем, что «за последнее время имеется ряд случаев проникновения лиц, лишенных избирательных прав, кулацких и других антисоветских элементов на строительство, на работу в госаппарат и другие учреждения». Это вызвано тем, что «антисоветские элементы умело используют неопытность, а зачастую и преступную халатность работников сельсоветов, выдающих выезжающим из сельской местности... всевозможные справки без указания действительного социального положения того или иного лица»⁴.

* соискатель кафедры истории и права Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

В ответ на проводимую политику многие пытались скрывать компрометирующие их семейные связи. Только тогда они могли рассчитывать и на получение образования, и на возможность карьерного роста. Однако, это удавалось далеко не всегда и не всем. Один из лишенцев обратился с письмом в Наркомпрос РСФСР, в котором жаловался на безвыходность ситуации: «Я обращаюсь к вам, чтобы указать, в каком тупике находится значительная часть нашей учащейся молодежи, волею случая имеющая родителей «с прошлым». Что делать? Куда идти?... Пути дальше нет. Греки, не то римляне убивали хилых детей, чтобы избавить их ожидаемых страданий. Не следовало ли родителям «с прошлым» поступать также?»⁵. Следствием стало распространение публичных отречений от родственников, оказавшихся в числе «врагов народа». Как правило, это было вынужденной мерой.

Широкое распространение в этот период получили анкеты, ставшие буквально неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека 1930-х гг. Без заполнения анкет не обходилось ни устройство на работу, ни вступление в партию, комсомол или профсоюз. Анкеты носили специфический характер, поскольку должны были служить выявлению «социально чуждых элементов», а следовательно, потенциальных врагов. Фонд Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР содержит образцы личных листков по учету кадров, в которых обязательными для заполнения являются, в том числе, следующие пункты: «... точно указать социальное происхождение: бывшее сословие (звание); а) основное занятие родителей, б) владели ли недвижимым имуществом (каким и где?); в) чем занимаются и где находятся в настоящее время; г) кто из родственников лишен избирательных прав и за что»⁵.

Анкеты должны были служить препятствием, не допускающим проникновения в учреждения «чуждых элементов». Тем не менее, вопрос о «засоренности» советского аппарата поднимался властями постоянно. «Под засоренностью нашего аппарата мы понимаем нахождение в рядах адморганов и милиции, классово чуждых нам людей, бывших полицейских работников, жандармов, попов и др. вредных для рабочего дела субъектов». И констатируя тот факт, что «учреждения г. Пензы в составе своих служащих имеют чуждый элемент», подчеркивалось, что это стало возможным потому, что «анкеты на них составлялись со слов, без предоставления документов», т.е. была проявлена недопустимая халатность⁶. Прием на работу лиц, чуждых по происхождению, грозил серьезными неприятностями руководителям предприятий. Это могло быть расценено как пособничество врагу.

Неудовлетворительная работа учреждений объяснялась наличием среди служащих «чуждых антисоветских элементов». Председателю Бузулукского Окрисполкома т. Кавардину ставилось в вину то, что в аппарате Окружного Земуправления таковых насчитывалось 60%. Внимание председателя Пензенского Окрисполкома обращалось не только на то, что даже в аппарате Окружного Земельного Управления «работает бывших помещиков 4 человека, бывших дворян 15 человек и из духовенства 7 человек»⁷.

«Чужими» оказывались и те члены социальной группы, которые нарушали принятые нормы. В 1930-е годы в качестве нарушения норм могли фи-

гурировать соблюдение религиозных обрядов, связь с «чуждыми элементами» и т.д. За этим неизменно следовали карательные санкции. Например, в 1931 году за связь с кулачеством была снята с работы зав. школой пензенского села Алферовка Богомолова⁸. Учителя Кузьмина по распоряжению того же Горона в 1935 г. сняли с работы за выполнение религиозного обряда⁹.

Недопустимым явлением, считался также отход от установленной программы, любое проявление инакомыслия. Особенно это относилось к общественным дисциплинам. Здесь от преподавателей требовалось особо строгое следование программам. В Кооперативном техникуме в 1933 году, «в процессе преподавания истории ВКП(б)» были выявлены «грубые отклонения от программы и протаскивание троцкистской контрабанды. Преподаватель истории ВКП(б) упорно обходит вопросы борьбы большевизма с меньшевиками, троцкистами и контрабандистами контрреволюционного троцкизма, старается смазать сущность большевизма, дать историю партии в извращенном виде, подменять ленинизм троцкизмом»¹⁰. В Лесотехническом техникуме были зафиксированы «нарушения», допущенные заместителем директора, секретарем ячейки ВКП(б) Буториным, преподающим в техникуме обществоведение. Он «объясняет студентам, что отмирание государства у нас начинается с момента захвата власти пролетариатом, а не с момента ликвидации классов. Он также объясняет, что в СССР имеется прибавочная стоимость...»¹¹. Однако, это относилось не только к общественным дисциплинам. «Политически бдительным» необходимо было быть при объяснении любого материала, даже если это детская сказка. Например, на педагогическом совещании в Кузнецком дошкольном педучилище, состоявшемся 22 декабря 1937 года, на обсуждении результатов педпрактики разбиралась «ошибка т. Леонтьевой», которая заключалась в том, что она на уроке «давала отрицательную оценку производству Чуковского «Муха-цокотуха» и в тоже время разрешила использовать этот материал нашим учащимся»¹².

Сами учащиеся также были объектом строгого политического контроля. Например, в одной из пензенских школ в 1935 г. были зафиксированы следующие высказывания учащихся: «Сталин как царь», «Сталина надо убить»¹³. Приходилось констатировать и «наличие у отдельных учащихся упаднических настроений», которые выражались в подаче «записок и вопросов, свидетельствующих о сомнениях в успехах социалистического строительства», были зафиксированы также «разговоры об увеличении голодающих, об отсутствии прироста населения и т.д.», о том, что «у нас не диктатура пролетариата, а диктатура партии и пр.»¹⁴.

Признавалось совершенно недопустимым, что учебные заведения «гораздо полнее обслуживают детей служащих и даже буржуазных элементов, чем детей пролетариев и бедноты». Правда, приходилось признавать, что улучшение социального состава часто достигалось в «значительной степени за счет понижения академических требований, предъявляемых к поступающим» в учебные заведения¹⁵.

В первую очередь следовало создать наилучшие условия «по выдвиганию рабочих, батраков и бедняков». В 1929 г. Пензенский окружком ВКП(б) признал совершенно неудовлетворительным состав учащихся ШКМ. Согласно

принятой резолюции, следовало «добиться решительного улучшения социального состава слушателей за счет вовлечения батраков, бедняков, колхозников (из бедноты и середняков) и в последнюю очередь середняков-единоличников, не допуская чуждый элемент — кулаков, детей попов и т.д. там, где имеется засоренность ими через школьные организации сейчас же провести очищение»¹⁶. В Иссинской школе среди учащихся было обнаружено 3 детей лишенцев¹⁷. В Самаре «в школе №6 им. Ломоносова учатся под именем рабоче-крестьянских детей пользуясь всеми преимуществами таковых: дочь бывшего хлеботорговца и теперешнего спекулянта Чепорухина, дочь сельского попа — Сакина Валерия и дочь другого попа, поступившая под чужой фамилией»¹⁸. В 1933 году было отмечено, что «в некоторых школах бессоновского куста на 10% имеется детей кулаков, а учителя никакого особого внимания этому не уделяли»¹⁹.

Подобная политика порождала множество личных трагедий. Примером может послужить письмо студента Пензенского Лесотехнического техникума Григория Александрова, адресованное секретарю ячейки ВКП(б): «Я все равно б не смог оправдать предъявленные требования партией и правительством, а именно: повысить качество учебы и т.д. ...Большим и лишним людям, как я, жить совершенно ни к чему, ибо социализму нужно творчество здоровых людей...»²⁰. Письмо было расценено как упадническое и отнесено в разряд негативных, и, следовательно, враждебных, явлений.

Таким образом, возможность учиться и преподавать напрямую зависела от социального происхождения, что привело к значительному снижению качества и уровня получаемых знаний.

Примечания

- ¹ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10-ти т. М., Т.10. С.423.
- ² ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. Р-54. Оп.1. Д.160. Л.130.
- ³ ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф. Р-779. Оп.2. Д.825. Л.90.
- ⁴ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.142. Оп.1. Д. 515. Л.61.
- ⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.Р- 7668. Оп.1. Д. 175. Л.26.
- ⁶ ГАПО. Ф.Р-429. Оп.1. Д.171. Л.6 об.
- ⁷ ГАПО. Ф.Р-429. Оп.1. Д.198. Л.31.
- ⁸ СОГАСПИ. (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф.655. Оп.2. Д.6. Л.101-102.
- ⁹ РГАСПИ. (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.17. Оп.21. Д. 2504. Л.30.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81-81об.
- ¹² ГАПО. - Ф.54. - Оп.1. - Д.160. - Л.125.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д. 2504. Л.30.
- ¹⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81-81об.
- ¹⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.125.
- ¹⁸ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.
- ¹⁹ Рабочая Пенза. 1933. 26 января.
- ²⁰ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.474. Л.74.

Г.А. Широков*

НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ УЧЕНЫХ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941-1945

К началу Великой Отечественной войны университет являлся крупным научно-исследовательским центром страны, характеризовавшимся сложившимися научными направлениями, школами и солидной материальной базой, мощным коллективом квалифицированных специалистов. В 1941 г. в университете работало 124 научных сотрудников, в числе которых было 22 профессора и 51 доцент¹.

С первых дней войны большинство кафедр университета коренным образом изменило направление своей научной деятельности, поставив целью оказание возможной помощи оборонным предприятиям. Работать ученым приходилось в труднейших условиях. Холодные неотопливаемые помещения, теснота, отсутствие необходимого оборудования, материалов – все это было характерно для деятельности любого научно-исследовательского института и высшего учебного заведения. Но, ни на минуту не прекращалась биться напряженная научная мысль университетских ученых.

Активно участвовали в решении задач, выдвинутых оборонной промышленностью, сотрудники кафедр механики, теории упругости, математического анализа. За период с июня 1941 г. по май 1943 г. они выполнили около 25 договорных тем и почти 500 заданий разнообразного характера, касавшихся исследования нового типа оружия, разных материалов, конструирования новых видов вооружения, изыскания заменителей материалов, проверки и конструирования различных приборов².

Пересмотрели и подчинили нуждам обороны свои изыскания физики. Инициатором и руководителем неизменно выступал зав. кафедрой П.В. Голубков. С первых дней Великой Отечественной войны он развернул интенсивную научную деятельность, направленную на оказание всемерной помощи обороне страны. Провел исследование нового типа оружия (по заказу Наркомата вооружения), некоторой аппаратуры для полевой хирургии (испытана в лабораториях и клинических условиях), большую расчетно-конструкторскую работу по изменению физических методов и контролю производственных процессов, изысканию и изучению новых материалов, завершил работу по электронно-оптической теории сверхвысокочастотных генераторов, которые стали базой для проектирования новых типов генераторов, базой для повышения их мощности и более разнообразного применения. За полтора года войны им проведено 20 научных консультаций на оборонных предприятиях³.

Сотрудники кафедры, возглавляемой Петром Васильевичем, в сжатые сроки переключились на выполнение заказов оборонной индустрии. Об интенсивности их труда можно судить по такому показателю. Только за два года войны они выполнили свыше 200 заданий⁴.

* д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и историографии СамГУ.

Всего за годы войны саратовскими и ленинградскими физиками вместе с заданиями технического характера было выполнено более 400 работ. Вот некоторые из них. Организация производства, разработка технологии и серийный выпуск с сентября 1941 г. автоматических запальников к противотанковым бутылкам с зажигательной смесью. Разработка и создание автоматической защиты механических прессов и парового молота от несчастных случаев. Создание установки для испытания пробойной силы противотанкового ружья, производство которого налаживалось на одном из саратовских предприятий. Разработка и изготовление узлов к оптическим прицелам. Разработка методики, создание установки и систематическая работа по регенерации электрических ламп накаливания. Создание прибора для измерения температуры спинно-мозговой жидкости при диагностике особо сложных ранений⁵.

Заметных успехов добились астрономы. Заведующий кафедрой астрономии университета доц. П.В. Вьюшков вел исследования по двум направлениям: по конструкции аэронавигационных приборов и гравиметрии. По первому он создал прибор для штурманских вычислений. Актуальным являлось и второе направление, посвященное гравиметрическим исследованиям и их применению к изучению геологических структур Юго-Востока России. Кроме того, он же составил номограммы для одного из саратовских заводов и создал аэродинамическую линейку для штурманов дальнего следования⁶.

Значительный вклад в выполнение неотложных нужд фронта и тыла внесли химики. В августе 1941 г. они получили от наркомата обороны специальное задание по разработке рецептуры зажигательных смесей, предназначенных для поджога вражеских танков. Работа в этом направлении велась под руководством профессоров Н.А. Шлезингера (кафедра физической химии) и Я.Я. Додонова (кафедра неорганической химии) с участием физиков – проф. П.В. Голубкова и доц. В.Ф. Далецкого. Испытание бутылок с горючей смесью проводилось на территории университетского городка. Два варианта зажигательной смеси, предложенные химиками университета, приняли на вооружение Красной Армии⁷.

Важная тема, над которой трудились университетские химики была связана с изучением нефти и горючих сланцев. Так, член-корреспондент Академии наук СССР В.В. Ченинцев работал над проблемой переработки нефти Второго Баку и ее крекинга; исследовал горючие сланцы Нижнего Поволжья с целью их переработки и использования. Он же разработал новый метод получения бензина, дававший выход продукта вдвое больше обычного. Вместе с сотрудниками вел обширные исследования пластичных масс, причем получили совершенно новые продукты и разрешили конкретные проблемы, с которыми к кафедре органической химии обратились представители промышленности: указаны удовлетворявшие известным условиям изоляторы, найден рецепт получения не воспламеняющегося костюма⁸. Проф. Н.А. Шлезингером (кафедра неорганической химии) изучался флюоресцентный метод обнаружения минимального количества нефти и ее качества в горных породах⁹.

Трудные и ответственные задачи встали перед геологами. Им предстояло как можно быстрее исследовать богатства Саратовского Поволжья, чтобы найти новые источники сырья для перебазированной промышленности.

Теоретическое обоснование месторождения газа и нефти дал профессор Саратовского университета Б.А. Можаровский. Он еще до войны высказал ряд новых принципиальных положений о геологическом строении Нижнего Поволжья. В 1923 г. проф. Б.А. Можаровский в «Кратном обзоре минеральных ресурсов Нижне-Волжского края» указывал на возможность месторождений нефти и газа в Саратовской области. Саратовский трест разведочных и буровых работ незадолго до войны начал бурение в с. Тепловке Новобурасского района. В апреле 1941 г. была заложена скважина на нефть у с. Елшанки близ Саратова, из которой 9 сентября 1941 г. одновременно с водой стал выделяться горючий газ. В декабре того же года была заложена мощная скважина, позволившая эксплуатировать месторождение¹⁰.

Особое развитие получили поиски нефти и способов ее переработки после постановления Государственного Комитета Оборона 22 сентября 1942 г. В нем указывалось, что всемерное форсирование добычи нефти в районах Волги, Урала, Казахстана и в Средней Азии — важнейшая военно-хозяйственная и политическая задача, от успешного решения которой зависят удовлетворение первоочередных нужд народного хозяйства и повышение боеспособности Красной Армии¹¹.

Напряженный труд саратовских геологов завершился открытием в 1944 г. нефти в районе села Курдюм, а позже на Соколовой горе у Саратова. Саратовское Поволжье стало крупным центром нефтяной и газовой индустрии¹².

Важной проблемой, над которой трудились научные сотрудники почвенного отделения геолого-почвенного факультета во главе с проф. Н.И. Усовым, являлось всестороннее изучение свойств почв Саратовской области в части их генезиса, физических, химических и механических свойств. На базе полученных данных составили почвенную карту области (шестая областная почвенная карта в СССР), позволившая решать ряд вопросов при оборонном строительстве и разработке систем агротехнических мероприятий по повышению плодородности почв Нижнего Поволжья. В этих изысканиях принимали участие проф. Н.И. Усов, доценты: А.Ф. Неганов, А.П. Малянов, научный сотрудник А.С. Шулов и другие работники кафедры почвоведения¹³.

В плане НИР биологического факультета в значительной степени преобладали темы общехозяйственного значения, но тем не менее все они теснейшим образом были связаны с запросами военного времени и внесены в него по заданиям и предложениям ряда научных и хозяйственных учреждений. В 1942 г. проф. А.Д. Фурсаевым составлена и опубликована брошюра о витамине «С» как средстве против заболевания цынгой. Летом того же года он активно изучал лекарственные растения Саратовской области¹⁴.

Вместе с другими факультетами с самого начала войны мобилизовал свои силы на удовлетворение практических запросов, главным образом, военных организаций географический факультет. Исследования, выполненные сотрудниками кафедры геодезии и картографии (зав. каф. доц. В.П. Лузин), можно разделить на три категории, а именно: по договорам с Главным управлением геодезии и картографии при СНК СССР и Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии при ГУГКе; заданиям для конкретных оборонных целей и по инициативе членов кафедры в целях оказания помощи в обороне страны¹⁵.

В военный период на кафедре экономической географии университета были завершены исследования, начатые в предшествующие годы. Наиболее крупной являлась монография Н.С. Фролова «География сельского хозяйства СССР».

Ученый совет географического факультета Ленинградского университета в постановлении от 5 мая 1944 г. отметил, что «работа проф. Н.С. Фролова подвела итоги его многолетней деятельности по творческому картированию размещения сельскохозяйственных культур, обнаружила у автора широкий научный кругозор и большую эрудицию по экономической географии сельского хозяйства, экономике, агротехнике и ряду других дисциплин и представляет серьезный шаг в развитии отраслевой экономической географии СССР»¹⁶.

Война пробудила огромный интерес к истории вообще, и к историческому прошлому нашей Родины в особенности. Никогда еще потребность в осмысливании исторических событий не была так велика, как в военное время. Общественная потребность в знании истории своей страны, ее традиций, закономерностей ее развития за 1941-1945 гг. выросла в небывалой степени.

Отвечая этой потребности, ученые-гуманитарии освещали историю борьбы славянских и русского народа против немецкой агрессии в далеком средневековье, исторические традиции русского военного героизма, деятельность видных русских и советских полководцев, прославивших отечественное военное искусство. Пропагандируя прошлое нашей Родины, историки укрепляли у советских людей уверенность в победе над фашизмом, высокие чувства национальной гордости и патриотизма.

Эти вопросы освещались в общих и специальных курсах по истории СССР, ставились в научных докладах на кафедрах и конференциях. Из исследований такого рода можно отметить брошюры проф. Н.Л. Рубинштейна «Полководческое искусство Суворова» и «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века», Г.М. Генделя «Германия и ее вассалы», Г.М. Деренковского «Отечественная война против немецких оккупантов в 1918 году», А. М. Дубинского «Война на Тихом океане». Л.А. Дербов, работая над кандидатской диссертацией «Борьба русского государства за утверждение в Прибалтике в середине и второй половине XVI века», в 1942 г. разработал тему «Разгром Ливонского ордена в XVI веке». Подготовлены и прочитаны научные доклады, авторами которых были: доц. Г.М. Деренковский – «Брусиловский прорыв», А.М. Дубинский – «К истории возникновения войны на Тихом океане»; С.М. Пумпянский – «Фашистская фальсификация истории средних веков» и др.¹⁷.

Несмотря на трудности военного времени, не прекращались в крае и археологические исследования. Они связаны, прежде всего, с именем доц. И.В. Сеницына. На этом поприще, отмечалось в характеристике, выданной ректоратом в Кировский РК партии в 1945 г., он добился значительных успехов. Его археологические исследования принесли ему известность как тщательному, осведомленному и даровитому научному работнику¹⁸.

Таким образом, краткая характеристика исследовательской деятельности ученых университета в 1941-1945 гг. не исчерпывает всех научных направле-

ний и школ, сформировавшихся в нем в предвоенный период и во время войны. Некоторые из них были созданы сравнительно недавно и успешно развертывали свои изыскания. Работы как сложившихся направлений и школ, так и вновь возникших, свидетельствовали о том, что университетские ученые внесли достойную лепту в общее дело – разгром фашизма.

Примечания

- ¹ Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4361. Л. 70.
- ² Там же. Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 41.
- ³ Там же. Л. 197.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Д. 2862. Л. 26.
- ⁶ Там же. Д. 3883. Л. 185; Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 216.
- ⁷ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 13; Д. 2774. Л. 14
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Филиал Российского государственного архива научно-технической документации в городе Самаре. Ф. Р-27. Оп. 10-1. Д. 21. Л. 10.
- ¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 726-727.
- ¹² Во имя победы. По страницам многотиражной газеты СГУ «Ленинский путь». Саратов, 1966. С. 7.
- ¹³ Там же. Коммунист. 1944. 15 декабря.
- ¹⁴ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 19.
- ¹⁵ Там же. Л. 17.
- ¹⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 210.
- ¹⁷ Исторический журнал. 1942. № 1-2. С. 186; № - 9. С. 91; № 11. С. 108; 1943. № 10. С. 108; ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 20.
- ¹⁸ ЦДНИСО. Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 215.

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Э.Л. Дубман*

ВОЕВОДЫ И ВОЕВОДСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В САМАРЕ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Система воеводского управления, сложившаяся в России во второй половине XVI-XVII вв., изучена достаточно основательно¹. Для территории Понизовых городов, подведомственной приказу Казанского дворца, особое значение имеют исследования И.П. Ермолаева, детально рассмотревшего процесс возникновения института воевод во второй половине XVI в., структуру и функции этой системы местного управления, взаимодействие ее с центральными учреждениями².

При подготовке этой небольшой обзорной статьи основной задачей являлось создание максимально репрезентативного списка самарских воевод, начиная с основания города в 1586 г. и вплоть до проведения в России в начале XVIII в. губернской реформы, когда городские воеводы были заменены на комендантов с несколько иными властными полномочиями. Сделана попытка закрыть те лакуны, которые имелись в трудах А.П. Барсукова, А.Г. Елшина и других исследователей, пользовавшихся в основном опубликованными источниками³. Рассматривая данную тему, необходимо упомянуть рукописное наследие А.К. Ширманова, в течение многих лет кропотливо собиравшего сведения по истории Самарского края. К сожалению, его многочисленные, написанные каллиграфическим почерком, тетради с выписками из архивных источников и опубликованных материалов, разошлись по частным коллекциям и сейчас практически недоступны для историков. Основными источниками для уточнения состава воевод послужили, прежде всего, неопубликованные материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН и т.д. Дело-производство приказа Казанского дворца, в котором производилось назначение воевод в подведомственные ему города, не сохранилось. Практически полностью отсутствуют известные по Разрядному приказу челобитные претендентов на воеводские должности, приказные выписки, наказы, роспис-

* д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

ные списки, челобитные горожан и т.д. В связи с этим выполнить поставленную в данной статье задачу, можно лишь с помощью фронтального изучения всей совокупности источников, отложившихся в отечественных, прежде всего, центральных архивах. Особо значимыми оказались пошленные и беспошленные книги Печатного приказа, содержащие уникальный комплекс сведений по Самаре и Самарскому уезду в XVII веке⁴. При подготовке свода мы сознательно решили ограничиться указанием только годов появления нового воеводы в городе и его отъезда из Самары. Попытки дать более точные даты вплоть до месяца и дня могут лишь запутать суть вопроса, т.к. между назначением и прибытием на место (и наоборот) могло пройти весьма длительное время. По большинству воевод, возглавлявших Самару, было выявлено весьма значительное количество сведений из самых различных источников. В связи с этим создание справочного аппарата для приводимой ниже таблицы оказалось невозможным из-за большого количества ссылок.

В Самаре, как и в других пограничных городах, высшее звено местного управления соединяло в своей деятельности одновременно военные и административные функции. Главой администрации являлся присылаемый из центра воевода. По мнению московских приказных людей, небольшая пограничная крепость на Волге заслуживала в качестве воевод, как правило, стольников, но никак не представителей первостепенной знати. Лишь однажды в 1625/26 - 1632/33 гг. здесь на воеводстве находился боярин Борис Михайлович Салтыков, но его определили в окраинный городок в знак опалы, запретив именоваться боярином⁵. И всё же, в ответственные моменты истории Самары, в ней появлялись действительно яркие личности, сыгравшие значительную роль в истории страны. К таковым, например, можно отнести князя Г.О. Засекина, основателя крепости и первого её воеводы в 1586-1587 гг. В трудное время борьбы с авантюрой И. Заруцкого в 1613-1614 гг. в город был послан один из видных военачальников второго ополчения, троюродный брат знаменитого Д.М. Пожарского Д.П. Лопата-Пожарский. В 1675-1677 гг. в Самаре на воеводстве находился А.Н. Самарин из старинного боярского рода Квашниных. Сам Андрей Никитич, гордясь древностью своего рода, писал в одной из челобитных «... а мы ... людишки родословные болши трех сот лет...». Вместе с ним в Самаре был его сын Петр (род. в 1671 г.), впоследствии один из первых русских поэтов⁶.

Посылали в Самару воеводами и перешедших на русскую службу выходцев из Западной Европы: в 1671-1672 гг. В.Я. Эверлакова, в 1672-1673 гг. - А.Д. Фанфисина, предка знаменитого русского драматурга второй половины XVIII в., в 1677-1678 гг. - А. Шеля⁷. Первые двое были потомками перешедших на русскую службу во второй половине XVI в. «немцев» из Ливонии. Прожив несколько поколений в России, их предки перешли в православие, адаптировались к новым условиям, верой и правдой служили царю. Александр Шель оказался на русской службе сравнительно недавно. Впервые в Поволжье он упоминается в 1674 г. как полковник, назначенный на воеводство в Саратов «город на горах делать новый». Саратов был перенесен им на правый горный берег, что потребовало от воеводы «горододелца» незаурядной настойчивости и квалификации. Характерно, что и в Самаре в условиях развертывавшегося

в Заволжье крупного восстания башкир, А. Шель возвел в городском предполье систему оборонительных сооружений. Судя по всему, новый воевода был человеком активным и предприимчивым. В 1678 г. он сообщал в Москву, что неподалеку от Самары обнаружена серебряная руда и даже послал в столицу образцы. Однако дальнейшая судьба его «рудных» изысканий неизвестна⁸.

В основном среди самарских воевод были личности неброские, средних способностей, не оставившие яркого следа в русской истории. Всего с 1586 до 1706 г. по нашим подсчетам состоялось 70 случаев назначения в Самару на воеводство. Четырежды в город направляли не одного, а двух воевод, один из которых являлся старшим, а второй его «товарищем». Так произошло, например, в 1614 г., когда Самарой управляли князья В.И. Туренин и М.В. Белосельский⁹. Дважды, с небольшим разрывом, в Самаре был воеводой стольник Г.С. Овцын (в 1589-90 и 1593-97 гг.)¹⁰. Среди воевод Самары были: 1 боярин, 30 стольников, 1 стряпчий, 1 жилец и 1 полковник. Чины остальных не установлены.

Смена воевод происходила в течение одного - двух лет после назначения, хотя и здесь бывали исключения (Б.М. Салтыков - 1625/26 - 1632/33 гг.). Воеводская служба являлась выгодным и привлекательным делом. Именно поэтому, даже на место в окраинной пограничной Самаре была конкуренция; сюда назначали по челобитьям в награду за особые заслуги. Например, в 1658 г. в город был послан «псковитин», видимо, выборный дворянин И.Т. Назимов «за службы и за раны»¹¹. Характерно, что последняя часть фразы «за службы и за раны» несколько позднее, а именно начиная с указа от 5 мая 1661 г. о том, что определять в воеводы следует только раненых и бывших в плену служилых людей, приобрела характер обязательного условия¹². Однако, после заключения Андрусовского перемирия 1667 г. этого положения придерживались не столь неукоснительно¹³.

Известен лишь один случай, когда В.Я. Эверлакова послали на воеводство указом без челобитья, но это случилось сразу после завершения Разинщины, когда предыдущего воеводу повстанцы утопили¹⁴.

Обязанности и права воеводы указывались при назначении в особом наказе. К сожалению, по Самаре таких наказов не сохранилось. Видимо, их содержание было идентично подобного рода документам по другим городам, которые достаточно хорошо изучены в исторической литературе. Текст наказа жёстко регламентировал деятельность воеводы, не позволяя ему совершить любую сколько-нибудь серьёзную акцию без ведома Москвы, сковывал его инициативу; но, в то же время, не мог полностью предотвратить воеводского своеволия.

Воеводство входило в число государевых служб, которые несли служилые люди по отечеству и для обеспечения которых правительство их «испомещало», т.е. наделяло поместьем. Но, вместе с тем, должность воеводы дополнительно оплачивалась из т.н. «четвертных доходов». Кормление, несмотря на попытки его ограничить, еще в середине XVI в., являлось основой для благополучия воеводы, его семьи и в последующем столетии. В его состав входили не только крупные разовые сборы с подвластного посадского и крестьянского населения — «възжее», на три праздника — Рождество Христово, Пасху и Петров день, но и «повседневный корм», «деньги за харчи», производившиеся

еженедельно или ежемесячно¹⁵. Население обязано было «кормить» родственников и слуг воеводы. По словам современного исследователя Г.П. Енина, XVII в. породил новые виды кормления: платежи на именины царя и членов царской семьи, на именины воеводы и членов его семьи, корм на отъезд воеводы. Кормление воевод вписывалось в систему обычаев и правовых норм русского средневекового общества.

Характерно, что в представлениях городского населения в «кормлении» различались вполне оправданные, «честные» «почести» и незаконные «посулы», «поминки» и т.д. В челобитных горожан обычно говорилось о «посулах и поминках», как о взятках за незаконные действия, вымогательствах. Причем сам воевода одно и то же подношение называл «почестью», а население - "посулами и поминками".

Несмотря на существование нормативных правительственных документов, данная система, прежде всего, на пограничных, окраинных территориях и тем более на богатейшем торговом волжском пути; открывала широкие возможности для злоупотреблений. С.М. Соловьев писал: «В городах, ближайших к Москве, воеводы и подьячие кормились умереннее: челобитные мирских людей были доходнее до царя. Но в городах дальних, где именно до бога было высоко, до царя далеко, кормленщики разнуздывались и этой разнузданностью вызывали самоуправство мирских людей, которым также представлялось, что до бога высоко, до царя далеко»¹⁶. Случаи мздоимства и лихоимства бывали и в самарской истории (воеводы А.И. Мясоедов (1656-1659 гг.); И.С. Нестеров (1682 г.), которого обвиняли не только во взятках, но и в убийстве¹⁷ и другие). Например, против Мясоедова за его «налоги и про взятки» выступили самые широкие круги самарского общества, в лице «никольского попа Дмитрия Кузмина, да самаренина сына боярского Юрья Шеина, да посадского человека Стенки Коледина, да стрелецкого пятидесятника Любимки Котова»¹⁸. Как правило, население жаловалось на своего воеводу после того, как тот завершал свою карьеру в данном городе.

О способах получения воеводами поволжских городов дополнительных доходов свидетельствует следующий факт из истории Самары. В 1616 г. во время переговоров в Москве хивинский посол потребовал возвращения денежных средств и товаров, которые были отняты у купеческого каравана казаками, а затем отбиты у последних отрядом самарских служилых людей во главе с головой С. Есиповым. При этом выяснился весьма любопытный факт. По существовавшему тогда в России законодательству иноземные купцы все вырученные от торговых операций деньги (в серебряной монете) должны были израсходовать на покупку русских товаров. Однако воевода М.В. Белосельский хивинцев «с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей, а осматривать у них (в таможене — Э.Д.) не велел». Вдобавок он поживился и теми товарами и деньгами, которые самарские служилые люди отняли у казаков грабителей, сумев убедить купцов «тезиков», что они взяты «в государеву казну»¹⁹.

Характерно, что воеводская должность (как впрочем, приказных людей и стрелецких голов) в России считалась «корыстной», позволяющей улучшить материальное положение служилого человека. Сами претенденты на это ме-

сто в своих челобитных заявляли, что «оскудали на государевой службе», им необходимо «подкормится». Еще одним аргументом в челобитных просителей звучали выражения типа «на воеводствах и ни у каких корыстных дел не бывал», «в пожиточных городах воеводою не бывал».

О своих действиях воевода отчитывался только перед Москвой. Он подчинялся тому приказу, который определял его на службу. Для Самары XVII в. это был, прежде всего, приказ Казанского Дворца. Однако, в первые десятилетия после основания города, видимо, вновь присоединенные территории по Волге находились в ведомстве Посольского приказа²⁰.

Нередкими являлись конфликты между местными воеводами и представителями центра, занимавшими более значимые места в московской иерархии и направляемыми в край для выполнения какой-либо особой важной задачи. Известен спор между Д.П. Лопатой-Пожарским и руководителями крупной армии князьями И.Н. Одоевским и С.В. Головиным, посланными в Поволжье для «замирения» И. Заруцкого.

Оставляя воеводу подотчётным только Москве, приказная бюрократия пыталась при этом создать механизм местного негласного контроля за его деятельностью. Эта задача входила в обязанность дьяка или подьячего, посылаемого из центра для руководства съезжей избой. Он наблюдал за исполнением воеводой его функций и в случаях, если последний превышал свои полномочия или пускался в злоупотребления, должен был сообщать обо всём в Москву.

В начале XVIII в. в связи с учреждением губерний воеводская система была упразднена. Пришедшие ей на смену уездные канцелярии во главе с комендантами (с 1710 г.) превратились в учреждения низшего ранга с ограниченными функциями. С учреждением провинций в губерниях должности воевод сохранились, но только как руководителей провинций. Только в 1727 г. городское воеводское управление было восстановлено и просуществовало вплоть до губернской реформы Екатерины II.

Разумеется, данные приведенной ниже таблицы, не являются исчерпывающими. Однако, они позволяют существенно расширить наши сведения о составе воевод и их ротации в одном из малых городов юго-восточного фронта европейской России, каковой являлась Самара.

Таблица 1. Самарские воеводы в 1586 г. – начале XVIII в. ²¹

Годы правления	Воеводы	Чин
1586-1587	Засекин Григорий Иосифович (Осифович), князь	
1588-90	Вельяминов, Игнатий Григорьевич	
1589-90	Милюков Иван Григорьевич (вместе с Вельяминовым И.Г. был воеводой в Самаре)	
1589-90	Овцын Григорий Семенович ²²	стольник
1593-97	Овцын Григорий Семенович	стольник
1598-1601	Щербатов Савва Дмитриевич, князь	
1598-1601	Бирденин - Зайцев Федор (вместе со Щербатовым С.Д. был воеводой в Самаре)	
1601-1603	Долгорукий (вар.: Долгоруков) Самсон Иванович, князь	
1603-1604	Звенигородский Семен Григорьевич, князь	

Продолжение таблицы 1

Годы правления	Воеводы	Чин
1605-1606	Плещеев Григорий Андреевич	
1605(6)-1608	Вельяминов Богдан Андреевич ²³	
1613-1614	Лопата-Пожарский Дмитрий Петрович, князь	стольник
1614, вторая половина - 1615	Белосельский Михаил Васильевич, князь	
1614	Туренин Василий Иванович, князь (был воеводой вместе с Белосельским М.В.)	стольник
1615-1618	Вельяминов Федор (Тулупов сын).	
1617-18	Огарев Нелюб Васильевич (был вместе с Вельяминовым Ф.)	
1619-1621	Волинский Федор Васильевич	
1621-1622	Кокорев Григорий Иванович	
1623-1624	Погожев (вар.: Погожий) Дементий Семенович	
1624	Давыдов Борис Никифорович	
1625-1626	Дашков Иван Андреевич ²⁴ , князь	стольник
1626-1635	Салтыков Борис Михайлович	боярин (в Самаре в опале, без права именоваться боярином)
1635-1636	Долгорукий (вар.: Долгоруков) Иван Михайлович, князь	
1636-1637	Воейков Семен Иванович	
1639	Племянников Федор Тимофеевич	
1640-42	Загряжский (вар. Загряжский) Петр Алексеевич	стольник
1643-1644 ²⁵	Шушерин Тимофей Васильевич	
1645-1646	Горчаков Василий Дмитриевич, князь, стольник	
1646, осень – нач. 1647	Апраксин Василий	
1647-1648	Левашов Иван Александрович	
1648-1649	Жеребцов Давыд Семенович	стольник
1649-весна 1651	Головачев Иван Федорович	
1651	Овцын Савва Тимофеевич, князь	
1651-1653	Бутурлин Иван	
1653, конец -1656	Бабичев Петр, князь	
1656 – 1658, весна	Мясоедов Андрей Иванович	
1657, осень – нач. 1658	Приклонский Михаил Васильевич ²⁶	стольник
1658	Назимов Иван Тихонович	
1658-1660, нач.	Давыдов Семен Северьянов	
1660-61	Языков Иван Никитич	
1662-1663	Леонтьев Павел Федорович ²⁷	стольник
1664-1667	Шаховский Семен Иванович, князь	стольник
1667-1668	Алфимов Назарий Михайлович	стольник
1668-1669	Щербатов Алексей	
1669-1670	Алфимов Иван Михайлович	стольник
1671-72	Эверлаков Василий Яковлевич	стольник
1672	Жедринский Богдан ²⁸	стольник
1672-73	Фонвисин Афанасий Денисович	стольник
1673, осень - 1675	Борятинский (вар.: Борятинский) Иван Васильевич, князь	стольник
1675-1677	Самарин Андрей Никитич	стольник
1677-1678	Шель Александр ²⁹	
1678-1680	Нармацкий Иван Иванович	
1681-1682, январь	Нестеров Семен Михайлович	стольник
1682	Нестеров Иван Семенович ³⁰	стряпчий

Окончание таблицы 1

Годы правления	Воеводы	Чин
1682-83	Пуцин Кирилл Панкратьевич	стольник
1684-85	Борисов Никита Харитонович	стольник
1685-86	Змеев Борис Борисович	стольник
1688	Парфентьев Никифор	
1688-1690	Полуэктов Владимир Иванович	стольник
1691-92	Пыжов Богдан	стольник
1693	Полуэктов Григорий	стольник
1694	Дуров Иван	
1696	Соймонов Афанасий Андреевич	стольник
1697	Колюбакин Иван Яковлевич ³¹	стольник
1699-1701	Баскаков Петр Ермолаевич	стольник
1701	Макшеев Иван Перфильевич	стольник
1701 г., осень - 1703	Беклемишев Василий Михайлович	стольник
1703-1704	Новосильцев Петр Яковлевич	стольник
1704-1705	Волков Тихон Иванович	

Примечания

¹ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России XVII в. М., 1856; Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 2. История местного управления в России, СПб, 1899; Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000; др. раб.

² Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

³ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по запечатанным правительственным актам. СПб., 1902; Елшин А.Г. Самарская хронология. Выпуск 1, по 1750 г. Самара, 1918.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 233; Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее А СПб ИИ). Ф.38.

⁵ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 340, 364, 371, 375.

⁶ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С.703-704.

⁷ А СПб ИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л. 246, 247, 481, 493, 518 и др.

⁸ Дубман Э.Л. Воеводы-немцы в Самарской крепости в конце XVII века // Русско-немецкие культурные связи: история и современность. Самара, 1998; Савченко И.А., С.И. Дубинин. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994. С. 12-20.

⁹ Разрядная книга 1598-1638 гг. М., 1974. С.297.

¹⁰ Сведения за 1591-1592 гг. отсутствуют, но, возможно, Овцын и в этот период являлся воеводой Самары.

¹¹ А СПб ИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л. 356.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 295. С. 528-529.

¹³ Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVII в. // <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/05-01.htm>

¹⁴ А СПб ИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л. 246.

¹⁵ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С.305.

¹⁶ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т. 13-14. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 90.

¹⁷ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 72.

¹⁸ РГАДА. Ф.233. Оп. 1. Д. 90. Л.599.

¹⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч.1. С. 119-121.

²⁰ Градовский А.Д. История местного управления в России // Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 1899. С.335.

²¹ В 1706 г. в Самаре и уезде вместо воевод появились коменданты.

²² Упоминается по Самаре под 1589/90 г. вместе с головой Андреем Исленьевым. Скорее всего, сменил И.Г. Вельяминова и И.Г. Милюкова уже в 1590 г. См.: Разрядная книга 1475-1605. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 171.

²³ Скорее всего, сменил Г.А. Плещеева в 1606 г. Первое упоминание по Самаре в 1114 г. См.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 243.

²⁴ Видимо ошибочно, но И.А. Дашков указан как воевода Самары еще и в 1621-22 гг. См.: Разрядная книга 1650-1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 332.

²⁵ Под 1643-1645 гг. в ряде изданий, скорее всего, ошибочно указывается самарским воеводой князь Л.А. Плещеев, у которого «товарищем» был его сын А.Л. Плещеев. См., например: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М – См. Самара, 1995. С. 203-204. Л.А. Плещеев и его сын были действительно в 1643 г. посланы «на Самару» и «на Уфу», но не в качестве городских воевод, а для похода к «Яицким вершинам» против калмыков. См.: Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 713, 736..

²⁶ Несколько месяцев в Самаре воеводой был стольник М.В. Приклонский. Затем до весны 1658 г. челобитные вновь подаются на имя А.И. Мясоедова. См.: А СПб ИИ Ф. 38. Д. 67. Л. 349, 352 и др.

²⁷ Почему-то в более поздних документах конца 1662-1663 гг. Леонтьева называют Микифоров. См.: А СПб ИИ. Ф. 38. Д. 67. Л. 416-420 и др.

²⁸ Был сменин вскоре после назначения на воеводство в Самару осенью 1672 г. А.Д. Фонвисинным. См.: А СПб ИИ. Ф. 38. Д. 67. 481 об.-482.

²⁹ Полковник

³⁰ После смерти С.М. Нестерова в начале 1682 г. в Самару хотели назначить воеводой стольника К. Козлова. Однако это решение сразу же было отменено и воеводой стал сын С.М. Нестерова Иван Семенович. См.: А СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. С. 167.

³¹ В одном из источников имеются сведения о том, что после Колюбакина на Самару воеводой был назначен Александр Васильевич Щапов. См.: Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Е. I. Архив князя Баюшева. Казань, 1882. С. 27-28. Других подтверждений этому факту не имеется.

Ю.Н. Смирнов*

НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПРЕБЫВАНИИ АЛЕКСАНДРА I В САМАРЕ

Император Александр I (1777-1825) в ходе своей поездки в 1824 г. по стране побывал в Самарском крае. Это был второй случай в истории города, когда сюда приезжал российский самодержец (первым стал Петр I). Основные сведения об этом «высочайшем» путешествии в самарском краеведении до сих пор черпались из известной книги П.В. Алабина и публикации в журнале «Отечественные записки», переизданной в сборнике документов, подготовленном под редакцией Э.Л. Дубмана и Ю.Н. Смирнова¹.

Известные источники по памяtnому для Самары событию удалось пополнить находкой в Российском государственном архиве литературы и искусства черновой записки видного самарского общественного и литературного деятеля И.А. Второва, составленной в виде газетного сообщения². Пока не удалось установить, для какого периодического издания подготовил его автор и было ли оно опубликовано. Однако в любом случае сохранившийся в архивохранилище текст обогащает наши знания как об отношении к Самаре представителей верховной власти, так и о творческом наследии нашего известного земляка. Это и послужило побудительной причиной к настоящей публикации. В квадратных скобках даны слова, отсутствующие в тексте или написанные неразборчиво, но восстановленные по смыслу. Пунктуация в тексте расставлена согласно современным правилам.

Сентября от 12 числа [1824 г.]**Из города Самары Симбирской губернии³**

Сентября 8 числа пополудни в 6 часов жители города Самары обрадованы были высочайшим прибытием Государя императора. Его Величество изволил плыть сюда из города Ставрополя по реке Волге на военном гардкоуте⁴ под штандартом⁵. У самой пристани и по всему берегу Волги стечение жителей Самары и окружных селений разных сословий было чрезвычайное. При радостном восклицании народа Его Величество прибыл в назначенную квартиру в доме действительного статского советника Струкова, где изволил кушать в числе 5 персон, [в их числе] генерал-адъютант Дибич, лейб-медик Вилье, действительный статский советник Струков и полицмейстер Соколовский. Весь двор и улица наполнились народом, влезали даже на заборы и в радостном восторге беспрестанно восклицали: «Ура!» Так что Государь вскоре вышел на крыльцо, милостиво кланялся всем. В тот же день Его Величество, будучи милостиво расположен в Ставрополе к хозяйке дома квартиры его, коллежской советнице Мильковичевой, узнал, что в Самаре живет дочь ее, титулярная советница Второва⁶. Она, по воле Его Величества, представлена была к нему с дочерью, с которыми он милостиво разговаривал и изволил пожаловать бриллиантовый фермуар⁷. С вечера и во всю ночь весь город был иллюминирован.

* д.и.н., профессор, декан исторического факультета СамГУ.

Поутру 9 числа имели счастье представляться Его Величеству военные, гражданские и горные штата Илецкого Соляного правления чиновники, дворянский предводитель с наличными дворянами, а потом градской голова с купечеством. В 6 часов утра Его Величество изъявил желание видеть город и, проехав несколько улиц городом в сопровождении народа при радостном восклицании, заезжал в Соборную церковь⁸, где встречен был духовенством со иконами и, приложась к кресту, изволил отправиться по тракту к городу Оренбургу в вожделенном здравии.

Государь император был отлично милостив ко всем, при представлении удостоил многих чиновников вопросами и приветствиями, изволил пожаловать хозяину дома бриллиантовый перстень, начальнику гардкоута лейтенанту Трубникову перстень же, другим двум морским офицерам по золотым часам, матросам [гардкоута], где присутствовал Его Величество, по 10 руб., унтер-офицеру 20 руб., а на прочих [гардкоутах] матросам по 6 руб., унтер-офицерам по 10 руб. на человека, перевозчикам, кои перевозили через Волгу экипажи Его Величества 200 руб., караульным солдатам инвалидной команды по 1 рублю на человека, - отставным слепым: унтер-офицеру 50 руб., солдатам, бывшим тогда, по 10 рублей на человека. При выезде из города лично изъявил Высочайшую благодарность городничему артиллерии поручику Соколовскому и весьма был доволен местоположением города.

Город Самара удостоился в двух столетиях видеть двух великих монархов России: в 1722 году Петра I, а в 1824 году Александра I.

По выезде из двух станций Самарского округа по Оренбургской дороге до Оренбурга [в] 9 часу в пригороде Алексеевске Государь изволил кушать в доме казачьего атамана Михайлова, жене его и дочери пожаловал по бриллиантовому перстню. Милости монарха столь были велики, что народ, сопровождавший Его Величество, в Алексеевске и в селе Бобровке плакал от радости.

В Алексеевске и селе Бобровке, мимо коего проезжал Его Величество, жители встречали его с хлебом и солью, а священники со крестами при колокольном звоне. Множество народа стекалось по дороге из различных селений с воплем и слезами радости, останавливая экипаж Его Величества. Он шел пешком, называл их своими детьми, со многими милостиво разговаривал, награждал некоторых деньгами.

По отъезде Его Величества толпы народа, останавливая проезжающих, рассказывали со слезами о счастливом...⁹

Примечания

1 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. - Самара, 1877. - С.709-711; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. - Самара, 2000. - С.281-286.

2 РГАЛИ. - Ф.93. - Оп.1. - Д.19. - Л.17 и об.

3 В составе Симбирской губернии Самара находилась до 1851 г.

4 Катер на парусном и гребном ходу.

5 На гардкоуте был поднят императорский штандарт, под которым путешествовала Екатерина II на своей яхте «Тверь» по Волге в 1767 г.

6 Супруга И.А. Второва.

7 Застежка-украшение на ожерелье, альбоме и проч.

8 Церковь Казанской иконы Божией Матери. Не сохранилась.

9 Рукопись здесь обрывается.

Л.М. Артамонова*

**УЕЗДНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА -
СТАВРОПОЛЬСКИЙ И САМАРСКИЙ УЧИТЕЛЬ
ПЕТР КИРИЛЛОВИЧ СЫЧУГОВ**

Начальная история народного просвещения в Самарском Поволжье оставалась долгое время в забвении в местном краеведении. В последнее время автором данной статьи были проведены исследования и представлены публикации, посвященные первым школам и учителям нашего края в XVIII - первой трети XIX веков¹.

В связи с изучением развития образования также ставился вопрос о первых шагах формирования интеллигенции в уездных городах будущей Самарской губернии до ее образования в 1851 г.² Тематически и хронологически продолжить и расширить решение обозначенных выше исследовательских проблем позволяет предпринятый здесь анализ жизненного пути П.К. Сычугова, внесшего заметный вклад в развитие образования в нашем крае. Источниками послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) в Казани³.

Петр Кириллович Сычугов родился в 1800 г. в семье офицера. Его отец не был потомственным дворянином, а получил личное дворянство на службе. Сыну от него остались всего-навсего две крепостные души мужского пола. Скромное «родовое имение» находилось в Спасском уезде Казанской губернии, где, возможно, и родился будущий учитель⁴.

Ни офицерское жалованье, ни доходы от маленького поместья не давали возможности обеспечить сына домашними учителями или поместить в частный пансион. Однако отцу удалось воспользоваться возможностью дать ему самое лучшее образование, какое можно было получить за казенный счет. В 1819 г. молодой Сычугов уже заканчивал курс обучения в Казанском университете. Будучи казеннокоштным студентом, он не мог самостоятельно выбирать род и место службы, а был обязан отработать за свое обучение 6 лет там, где распорядится начальство⁵.

Он, конечно, до поры до времени не знал, что еще в 1818 г. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен поднял перед министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным вопрос о том, что в школе Калмыцкого войска, размещенного в Ставропольском уезде Симбирской губернии, не осталось учителей. Эссен писал: «Со времени учреждения сей школы [в 1741 г. - Л.А.] определяемы были в оную учителя из разных сословий и наконец из церковников, обученных в Симбирском народном училище, из сих последних один выбыл по-прежнему в духовное звание, а другой умер, после коих с 1816-го года никто уже не изъявлял желание занять сии

* д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств.

места; почему по сей причине учение в школе Ставропольской Калмыцкой вовсе прекратилось»⁶.

Прекращение деятельности школы беспокоило губернатора, поскольку она выполняла не только чисто образовательные функции по обучению калмыцких детей «российскому чтению, письму и добрым обычаям», но также политические и религиозные. В школу набирались 20-30 учеников или более, как правило, из знатных семей, что способствовало интеграции калмыцкой элиты в российскую социальную систему, распространению в калмыцком обществе православия и оседлого образа жизни. Губернатор просил учителя из числа воспитанников или Казанского университета, или Симбирского главного народного училища, преобразованного затем в гимназию. Однако, прежде чем откликнуться на эту просьбу, министр народного просвещения указал, что сумма, выделяемая на все содержание школы и составлявшая 624 руб. 2 коп. в год, не позволяет определить учителю достойного жалованья, а потому вряд ли кто из студентов согласится занять эту должность⁷.

Передав озабоченность министра калмыкам, губернатор в начале 1819 г. добился благоприятных для будущего учителя условий. «Общество калмыцкое по объявлении такового вопроса объявило желание дать жалованье тому учителю, которой определен будет, с присовокуплением к прежнему окладу такое количество денег, какое производится в год в уездных по городам училищах младшим учителям, то есть по 475 руб. и сверх того предоставить в распоряжение его сумму на содержание школы, отпускаемую в год по 624 руб. 2 коп., с тем, что он при хозяйственном сбережении может пользоваться остатками ее, и особо до 50 десятин землею пахотною и санными покосами, по штату положенною, которую он вправе будет, отдавать и в наймы в посторонние руки»⁸.

Получив заверения в том, что содержание, определенное учителю Ставропольской калмыцкой школы, будет не ниже, чем у его коллег в других общеобразовательных учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения, Голицын обратился в Казанский университет подобрать подходящего кандидата. Тот «при доброй нравственности и хорошем поведении» должен был иметь «потребные для учителя сей школы способности»⁹.

В мае Совет университета назначил учителем в войсковую калмыцкую школу «студента университета казенного содержания Петра Сычугова, отличного по успехам и нравственности». Последний, судя по всему, не возражал против этого назначения, но обратился с «прошением, чтобы оставить его в Университете до окончания полного и уже истекающего студентского курса, дабы ему после экзамена получить на звание студента аттестат»¹⁰.

Совет университета передал на рассмотрение губернатора просьбу оставить Сычугова в университете для окончания полного курса обучения с получением соответствующего аттестата после сдачи выпускных испытаний. Губернатор согласился с тем, чтобы Сычуглов пробыл в университете «до исхода июля месяца настоящего года для окончания полного курса наук», разумно полагая, «что сие не только полезно для него собственно, но не менее и для тех, которым он будет преподавать правила учения», т.е. будущих учеников¹¹.

Сычуглов окончил курс университета со степенью действительного студента и был назначен учителем Ставропольского калмыцкого училища

с 4 июля 1819 г.¹² Это был первый случай появления в нашем крае преподавателя с университетским образованием. Интересно, что определен был педагог столь высокой квалификации в национальную школу, что подчеркивает внимание российских властей к распространению просвещения среди народов Поволжья. В училище Сычугов вел занятия по русскому языку и грамматике, Закону Божию и арифметике¹³.

Служба шла достаточно успешно. 19 октября 1824 г. он был удостоен чина губернского секретаря, получению которого способствовало наличие у него степени действительного студента¹⁴.

Этот чин по Табели о рангах относился к 12 классу, соответствовал армейскому поручику и давал лицу, его получившему, права личного дворянства. К этим правам относилась возможность иметь в собственности сельскохозяйственные угодья и зависимых людей. Правда, эту возможность надо было еще реализовать. Доходы учителя явно не способствовали занятию скупкой недвижимости и крепостных. Тем не менее, у Сычугова появилось небольшое имение в Ставропольском уезде, насчитывавшее 12 душ крестьян мужского пола, поселенных на 55 десятинах земли, возможно, как раз тех, что ему были обещаны от Калмыцкого войска в добавление к жалованью еще при приглашении на работу¹⁵.

Шестилетний срок обязательной отработки за казенные расходы по обучению в университете прошел, сам Сычугов нового назначения не искал, будучи в целом удовлетворенным местом и службой. Однако перспективы его дальнейшей педагогической деятельности в калмыцком училище оказались под вопросом по не зависящим от учителя обстоятельствам.

В 1823 г. была проведена «визитация» - осмотр этого училища экстраординарным профессором Казанского университета Суровцовым. Последний «нашел, что ничего особенного, кроме калмыцкого языка, в оном не преподается, да и заведение оно, без постороннего надзора, не обещает больших успехов, число учеников довольно ограничено и без стеснения могли бы поместиться в уездном училище», которое параллельно существовало в городе. Профессор Суровцов «почел за лучшее предложить начальству Калмыцкого войска, не согласится ли оно присоединить свое училище к уездному с тем, чтобы сумма, отпускаемая оным на учителя и содержание училища по 624 рубля 2 копейки в год, присоединена была к штатной сумме уездного училища». Главными резонами для такого соединения представлялись материальная выгода и усиление контроля за учениками: «Уездное училище умножится учащимися, приобретет значительную прибавку к своим окладам и может иметь верных пожертвователей, а, с другой стороны, Калмыцкое общество не будет иметь нужды расходовать на постройки и поправки училищного дома, который приходит уже ветхость, и обеспечено будет в надзоре за учением и поведением детей своих»¹⁶.

Предложение профессора было поддержано попечителем Казанского учебного округа, который в 1824 г. поднял поставленные Суровцовым вопросы перед Оренбургским военным губернатором и Министром народного просвещения. Министр, в свою очередь, приказал в 1825 г. отдать их на рассмотрение Ученого комитета Главного правления училищ¹⁷.

Одновременно директор народных училищ Симбирской губернии, в ведении которого находилось Ставропольское уездное училище, указал на серьезное затруднение, связанное со слиянием национальной школы с обычной общеобразовательной. Оно выражалось в разном уровне подготовки учащихся и знания ими языка преподавания. Выходом из сложившейся ситуации стал бы специализированный класс для дополнительной подготовки учеников-калмыков: «Для успешного хода учения с присоединением Ставропольского калмыцкого к уездному училищу необходимо нужно открыть в сем последнем прибавочный класс, для коего в штате особого чиновника не назначено: ибо от сего соединения училищ умножится число учащихся детьми, очень мало или вовсе не знающими русского языка, которые по настоящему положению все должны поступать в первый класс, от чего учителю оного трудно будет пройти и половину предметов сего класса»¹⁸. В любом случае Сычугов оказывался не у дел, поскольку штатные должности в уездном училище были заняты другими, а вводимая должность учителя в подготовительном классе не соответствовала ни его квалификации, ни получаемому им жалованью.

Более того, в ходе многолетней переписки между различными ведомствами и должностными лицами о судьбе калмыцкой школы с Сычуговым обошлись чисто по-бюрократически, что заставляет поверить в придуманную историю о «поручике Кижее». Трудно уже установить, почему и на каком этапе переписки в министерстве сочли Сычугова за учителя калмыцкого языка, спутав его с переводчиком калмыцкого войска, который вел занятия в школе по изучению грамоты на родном для детей языке за 80 руб. в год. Именно эту сумму и было решено выделить Сычугову в 1826 г. в жалованье. Чиновников министерства не вразумило даже разъяснение директора Симбирских училищ, что Сычугов вовсе не является преподавателем калмыцкого языка и письма¹⁹.

18 марта 1826 года Ученый комитет Главного правления училищ принял решение, что он «не предвидит никакого к тому препятствия», чтобы осуществить «соединение в Ставрополе училищ калмыцкого с уездным»²⁰. 31 марта министр народного просвещения А.С. Шишков утвердил это решение о слиянии двух ставропольских школ²¹.

Двигаясь вниз по инстанциям это решение 29 августа было доведено директором Симбирских училищ до штатного смотрителя Ставропольского уездного училища и Ставропольской калмыцкой войсковой канцелярии. Им предписывалось, «чтобы ученики калмыцкого училища препровождены были в уездное училище, равно, чтобы деньги 624 рубля 2 копейки по третям года отсылаемы были в оное»²².

В сложившейся ситуации Сычугову ничего не оставалось как подать прошение об отставке. 28 сентября 1826 г. он был уволен с учительской службы «без награждения чином». При этом бюрократические приключения со службой в Ставропольской калмыцкой школе не были исчерпаны и найдут через десятилетия свое продолжение. В отставке он занялся делами семейными, судя по всему, где-то в это время женившись, а в январе 1828 г. у него родился сын Евгений. Однако впоследствии он овдовел, упоминаний о других его детях в документах нет. Жена не была помещицей, никакого родового или благоприобретенного имения за собой не имела и в приданое мужу не принесла²³.

Однако насколько бы ни была малочисленна семья, все равно ее следовало содержать, а на доходы с мелких поместий в Спасском и Ставропольском уезде было трудно прожить. Надо было возвращаться на государственную службу, которая давала стабильное жалованье и повышала социальный статус. Разумным оказалось решение Сычугова не искать иного поприща, а вернуться на знакомую стезю учительства, к которой он явно тяготел по образованию и по призванию, на которой он мог послужить с наибольшей пользой на благо общества и своих близких.

3 марта 1830 г. Сычугув стал исполняющим должность штатного смотрителя, т.е., по современной терминологии, директора Спасского уездного училища Казанской губернии. От того ли, что это место было временным, или из-за желания определиться в знакомые по прежней службе местности заволжской части тогдашней Симбирской губернии, но через год, а именно 2 мая 1831 г. он добился назначения в штатные смотрители Самарского уездного училища. Одновременно с этим назначением его произвели в чин титулярного советника, который относился к 9 классу Табели о рангах и соответствовал армейскому капитану.

На данном посту Сычугув сменил Василия Онуфриевича Барщевского, первого учителя и руководителя этого учебного заведения с момента его основания в 1825 г. Шесть лет, проведенных Барщевским в Самаре, стали важной вехой в истории культуры и просвещения нашего края. Во многом именно его трудами процесс становления системы народного образования, в основе которого стояло уездное училище, принял необратимый характер. Вместе с тем ему, уроженцу Малороссии и человеку, долгое время прожившему и прослужившему на Северном Кавказе, было непросто приспособиться к нравам и обычаям самарского общества, особенно его чиновно-дворянской части. Сычугув, рожденный, учившийся и работавший на Средней Волге, был более приспособлен к здешним условиям и традициям. Как бы то ни было, замена Барщевскому нашлась достойная и дело развития народного образования на самарской земле было передано в надежные руки.

В Самаре Сычугув проработал почти 21 год и закончил здесь свою деятельность одновременно с превращением города в губернский центр. 19 января 1851 г. он был переведен на аналогичную должность в Пермское уездное училище. За эти годы его успешные труды не раз были отмечены наградами руководства учебным ведомством и властями. Он вырос в чинах, став в 1837 г. коллежским асессором, т.е. чиновником 8 класса, дававшим право не только на личное, но и на потомственное дворянство. Неоднократно ему давались денежные награды и изъявлялись благодарности Училищного комитета Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа «за благоустройство училищ»²⁴.

Употребление здесь слова «училищ» во множественном числе не случайно. Штатный смотритель уездного училища брал на себя контроль и попечение над приходскими школами в уезде, мог требовать от местных жителей и властей содействия в создании начальных школ первой ступени. Как штатный смотритель Сычугув, таким образом, являлся руководителем школьного дела в масштабе всего города и уезда. С его участием здесь появлялись новые

учебные заведения. В 1836 г. в Самаре было открыто приходское училище. Это было четвертое приходское училище в городах Симбирской губернии по времени открытия вслед за Симбирском, Сызранью и Карсуном. Помощь Сычугова в открытии и работе этого училища была отмечена Самарской городской Думой, которая трижды вручала ему знаки отличия беспорочной службы за 15, 20, 25-летие выслуги соответственно в 1839, 1844, 1850 гг. Также приходские училища стали открываться в селениях удельных и государственных крестьян Самарского уезда.

По оценке, данной начальством Сычугову, в 1851 г. он был «к продолжению статской службы способен и повышения чинов достоин»²⁵. Тем не менее, бюрократический бумеранг из Министерства народного просвещения вновь неожиданно ударил его, когда из Казанского учебного округа последовало ходатайство о назначении ему пенсии в размере полного оклада, на которую Сычугов имел право, прослужив 25 лет в школе.

В 1848 г. ему было первый раз отказано в пенсии. Оказалось, что «хотя Сычугов и выслужил 25 лет по учебному ведомству, но как в расчет этой службы входят 7 лет 2 месяца и 24 дня, проведенные в должности учителя в Ставропольском войсковом калмыцком училище, на причисление которой в полном количестве к службе учебной» не было найдено «в законах постановления»²⁶. Таким образом, ведомственная непринадлежность калмыцкой школы к Министерству народного просвещения вычеркнула 7 с лишним лет труда из педагогического стажа Сычугова.

В 1851 г. ходатайство о назначении пенсии было повторено. На этот раз из Казанского учебного округа в Министерство народного просвещения были представлены следующие основания:

1) «Коллежский асессор Сычугов поступил в должность учителя войскового училища совершенно в том убеждении, что эта служба ничем не разнится от общей учебной ведомства Министерства народного просвещения, в которую он, как казенный воспитанник, и был бы, конечно, назначен».

2) «Это произошло не от собственного его произвола, а от назначения начальства, которому он в качестве казенного воспитанника безусловно подлежал».

3) «Товарищи его по воспитанию все воспользовались пенсиею на основании правил для учебной службы существующих».

4) «К какому бы роду Государственной службы время пребывания его при войсковом училище ни относилось, но за действительную она сочтена и Правительствующим Сенатом, производившим его в чин, и Думою [при вручении - Л.А.] знака отличия беспорочной службы»²⁷.

Судя по документам, и на этот раз Сычугову в пенсии было отказано по все тем же бюрократическим препонам, не позволявшим суммировать время работы в учебных заведениях разного ведомственного подчинения. Дальнейшая судьба как данной просьбы, так и самого Сычугова остается за рамками данной статьи из-за переезда его в Пермь. После этого переезда Сычугов в Самарский край не возвращался.

С учетом небольшого перерыва на отставку и службу в Спасском уезде Сычугов всего проработал в нашем крае без малого 27 лет. Им были оставле-

ны здесь многочисленные ученики, русские и калмыки, накоплен и передан бесценный опыт следующим поколениям учителей и организаторов народного просвещения. Ставшие известными нам детали его жизненного пути и служебной карьеры дают интересные штрихи к общей картине формирования провинциальной самарской интеллигенции, в т.ч. в качестве примера появления в ее среде университетских воспитанников или выдвижения ее представителей в дворянскую элиту уездного общества.

Примечания

¹ См.: Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Самара, 2003; Ее же. Власть и общество в деле народного просвещения на землях Поволжья в XVIII - первой половине XIX вв. // Поволжье - «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.) - Самара, 2007; Ее же. Начальные страницы школьного дела в Самаре (XVIII - первая треть XIX вв.) // Самара: от прошлого к настоящему. - Самара, 2007.

² См.: Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII - начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; Ее же. Воздействие школьной реформы Екатерины II на формирование провинциальной интеллигенции // Человек в пространстве культуры (центр-провинция, провинция-центр). Челябинск, 2006; Ее же. Учителя общеобразовательных школ из детей священнослужителей и зарождение интеллектуальной среды в русской провинции конца XVIII века // Одиннадцатые Иоанновские Чтения: сб. научных трудов. - Самара, 2007.

³ Здесь и далее использованы: НАРТ. Ф.977. Оп. УК. Д. 953; Оп. Правление. Д. 884; РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253; Оп. 40. Д.196; Оп. 45. Д.65.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 10об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 3 и об.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 5 и об.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 8 и об.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 9.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 9об.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

¹³ НАРТ. Ф.977. Оп. Правление. Д. 884. Л. 8об.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 11об., 12об.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 5об.; Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

¹⁶ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 1 и об.

¹⁷ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 1,2,3об.,4.

¹⁸ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 7об.

¹⁹ НАРТ. Ф.977. Оп. Правление. Д. 884. Л. 11об.

²⁰ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 16 и об.

²¹ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 14.

²² НАРТ. Ф.977. Оп. УК. Д. 953 Л. 2об.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.-13.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 13об.-15.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 13.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 1об.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 11 и об.

Ю.А. Изюмова*

САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО «ДРУГ ДЕТЕЙ» И БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В 1920-Е ГГ.

Проблемам социальной политики молодого советского государства в последнее время посвящается все больше исторических работ¹. В них так или иначе затрагивается область материнства и детства, «женский» и «детский» вопросы. Также существует историография о деятельности общественных и государственных организаций, ставивших своей задачей борьбу с детской беспризорностью в 1920-30-е годы, в том числе о всероссийском добровольном обществе «Друг детей»². Однако проблема беспризорности в Самарской губернии мало изучена.

Исследователями отмечается прямая зависимость «детского вопроса» от гендерной политики советского государства. Провозглашенное равноправие полов создало множество проблем в первую очередь для женщин и детей. Проповедь свободной любви А. Коллонтай, легализация абортс с 1920 года, Кодекс о браке, семье и опеке, утвержденный ВЦИК в 1926 году, признавший гражданские браки и упростивший разводы, привели к увеличению неполных семей, сокращению рождаемости, росту безотцовщины и числа беспризорных детей.

В первые послереволюционные годы формировался дискурс общественного или социального воспитания детей. Советские чиновники считали, что «основной направляющей организационной формой социального воспитания детей должен быть Детский Дом, который охватывает полностью жизнь, воспитание и обучение ребенка в обстановке детской общественности без разлагающего влияния семьи»³. В 1920-е годы создавалась система общественных яслей и детских домов казарменного типа, направленная на максимальное отторжение ребенка от семьи и раннее включение его в коллектив.

Эти идеи и, в частности, взгляды А.М. Коллонтай, доходили до провинциальной женской аудитории. Соответствующая риторика адекватно использовалась, например, беспартийными работницами Ставрополя. На конференции в 1920 году женщины следующим образом высказались по вопросу социального воспитания: «желаем, чтобы как можно скорее полностью проводились в жизнь декреты о социальном воспитании детей... так как мы сами не в силах дать настоящее воспитание, какое необходимо человеку для того чтобы лучше совершенствоваться и стать настоящим всесторонником и общественно-полезным гражданином»⁴.

Однако в описаниях будней детских домов Самары подобная риторика встречается разве что в документах 1918 года. Например, на собрании заведующих детскими домами и делегатов от учителей и прислуги было решено «немедленно приступить» к организации самоуправления детей по американскому типу. На заседании губернского отдела социального обеспечения

* к.и.н., ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований СамГУ.

также обсуждались вопросы введения культуры в жизнь воспитанников детских домов. Однако уже с весны 1919 года в докладах заведующей губсобесом появляется тревога о другом: беспризорных детей было уже 5 000 и они все «прибывали и прибывали»⁵.

Голод в Поволжье в 1920-21 годах добавил тысячи сирот и беженцев, и речь шла не о культурном развитии, а о спасении детей от голодной смерти. Для решения проблемы в масштабах страны в январе 1921 года при ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей и по борьбе с детской беспризорностью (Деткомиссия) под руководством Ф.Э. Дзержинского.

В Самаре по состоянию на 1918 год имелось 6 детских домов. Мест, которые они могли предоставить, оказалось недостаточно. По сведениям губернского отдела народного образования на ноябрь 1921 года, в них содержалось 5644 человека. 13 ноября 1921 года в городе был открыт Центральный детский коллектор (приют для детей улицы). Кроме него работали еще несколько приемников, которые являлись промежуточным этапом перед отправкой в детские дома (или больницы). Дети поступали в них как с улицы, так и от родителей, не имеющих возможности их содержать. Кроме того, в Самару прибывали эвакуированные из других губерний.

Все учреждения были переполнены: осенью 1921 года в них прибывало в среднем по 30 человек ежедневно, продовольственное снабжение было скудно, санитарное состояние – ужасно. Сотрудники самарского боевого эпидемического отряда коммунистов, инспектируя в ноябре 1921 года детский приемник №3, отмечали: «в изоляторе невыносимый холод, нету печей, больные дети плачут от холода»⁶. За два месяца число детей в этом приемнике увеличилось более чем в два раза; они поступали настолько интенсивно, что им перестали вести счет: «налицо детей точного количества дать нельзя так как книг никаких не ведется, около 800 человек...»⁷ В пятом приемнике несколько месяцев не было кипяченой воды: распаялся куб. Вместе со здоровыми детьми в приемнике неделями находились больные тифом и другими инфекционными заболеваниями, которых не могли отправить в больницу за неимением транспорта. При обследовании самарского Центрального детского коллектора в январе 1923 года отмечалось: «Второй день нет отопления при 20-ти градусном морозе: не подвезли мазут. Нет электрических лампочек и даже палаты с больными детьми в ночное время остаются без света... Все внутренние помещения сильно загрязнены – в палатах не подметено, на полу плевки, сор. Скорлупа от семечек, за батареями мусор, пыль, в уборной для мальчиков грязь» На момент осмотра в коллекторе находилось 938 детей (из них почти половина – больных) при 564 фактически развернутых койках. Санитарный инспектор писал: «Скученность ужасная. Масса вшей, есть клопы. Большая часть детей ходит босиком – нет туфель. Благодаря холоду – бешенная заболеваемость... При коллекторе имеется прачечная, но таковая на момент осмотра не работала, ибо вода и белье в корытах замерзли»⁸.

Холод, болезни, насекомые, нехватка кроватей, белья – вот основные черты детских приемников в 1921-22 гг. При этом в документах эпидотряда не упоминается о нехватке продовольствия, наоборот, отмечается двух или трехразовое питание «с хлебом».

В первой половине 1920-х годов гигиеническая и медицинская составляющие в работе детских учреждений господствовали над воспитательной. Это

видно и по штатным расписаниям: из 93 человек, работающих в Центральном коллекторе, только шестеро были воспитателями (на неполную тысячу детей). Остальной штат составляли 15 медицинских работников, 3 дезинфектора, 26 человек ухаживающего и 42 административно-хозяйственного персонала.

Отношения воспитателей и детей – тема, широко освещенная в литературе и кинематографии. О страстях, кипевших в детдомах Самары, свидетельствует следующий документ из фонда Центрального детского коллектора. После увольнения одного из воспитателей «за непозволительное обращение с детьми», на имя начальника коллектора поступило коллективное письмо от детей первого отделения ЦДК. Тест его таков: «Т. Начальник Мы все дети 1-го отделения просим Вас оставить нам нашего воспитателя Георгия Осиповича. Лучше его у нас не было и не будет он нас и учил и рассказывал а потому еще раз просим Играл с нами и гимнастикой. Мы слышали что он бил детей Это неправда это выдумали и если вы не оставите, его мы в исполком напишем»⁹. Под этим письмом стоит более ста детских подписей.

На этом фоне удивительно благополучным выглядит описание детских домов Самары, составленное в марте 1922 года¹⁰. Из обследованных семи состояний только одного из них было признано неудовлетворительным: «помещение крайне грязное, закопченное, неуютное» и холодное. Проверяющими была отдельно отмечена педагогическая работа. С детьми занимались чтением, письмом, арифметикой, историей, ручным трудом, музыкой, а в одном случае – еще и рисованием, лепкой, пластикой и английским языком. В ряде случаев проверяющие оценивали и эмоциональные отношения между детьми и персоналом: «видно, что дети пользуются и любовью и лаской» (в детдоме для дошкольников), «умелый подход к детям», «любовь к детям».

Начиная с 1924–25 годов борьба с беспризорностью приняла форму всенародной кампании. В 1924 году повсеместно в регионах возникали общества «Друг Детей», в которые по призыву фабрично-заводских комитетов на каждом предприятии и профсоюзов в каждом учреждении вступали тысячи граждан. К осени такие общественные организации имелись в 32 губерниях, число членов составило свыше полумиллиона человек¹¹. 15 мая 1924 года Общество друзей беспризорного ребенка (ОДБР) было создано в Самаре.

ОДБР имело целью обследование семей и оказание помощи беспризорным детям. Таковых на апрель 1924 года в губернии насчитывалось 29 454 ребенка¹². В первую очередь Общество занялось сбором денег и вещей. Также были организованы 2 детских дома, приемник, общежитие, ночлежка и Жигулевский совхоз, где, помимо прочих, содержались больные туберкулезом. При общежитии были открыты мастерские для обучения детей столярному, сапожному делу, плетению корзин и – для девочек – кройке и шитью. Таким образом, на полном содержании Общества в начале 1925 года находился 421 ребенок¹³. Доходы ОДБР от членских взносов, пожертвований, а также разнообразных базаров, лотерей и концертов, использовались на капитальный ремонт выделенных помещений, питание и обмундирование воспитанников, оплату персонала и так далее. Кроме того, ОДБР оказывало материальную помощь на дому тем семьям, которые хотели отказаться от детей из-за тяжелого материального положения.

Буквально за два года своего существования Общество из организации, содействующей губернским отделам народного образования (Губнароб),

здравоохранения (Губздрав) и деткомиссии, превратилось в самостоятельную единицу, и ее деятельность шла параллельно работе отдела народного образования. Это вызвало недовольство как Губнароба, так и губдеткомиссии. На фоне постепенного уменьшения благотворительных поступлений и нехватки средств, Общество столкнулось с рядом организационных трудностей. В 1926 году было решено расформировать собственные стационарные детские учреждения и, с помощью Губнароба, передать большую часть детей в крестьянские хозяйства.

Губернская деткомиссия рекомендовала Обществу строить свою работу в направлении профилактики беспризорности, привлечения к этой проблеме общественного внимания и дополнительных средств. Отказавшись от содержания собственных детских учреждений, ОДБР сосредоточилось на оказании материальной помощи городским и губернским организациям, ведущим работу с беспризорными детьми. Кроме того, Общество оказывало нуждающимся помощь на дому, подыскивало им работу, пытались сформировать денежный фонд для постройки дома-колонии, брало шефство над детскими домами. Горнароб, Губздрав и другие организации охотно брали собранные Обществом деньги, но в целом его деятельность игнорировали. Председатель Общества Суворов писал: «ячейки на местах зачастую не получают никакой абсолютно поддержки со стороны профессиональных и партийных организаций». Спустя два года следующий председатель – Аракчеев – также с горечью отмечал: «ни одна из вышестоящих организаций совершенно не интересовалась состоянием и работой нашего общества. Деловые конференции и совещания, обсуждающие детские вопросы, проводились без ведома Общества, а что касается профсоюзов, комсомола и бюро ДКО, то последние абсолютно никакой работы... не предпринимали и на наши просьбы отзывались так, что заняты другими более важными вопросами и на наши просьбы говорили, что когда будет время, то мы вас известим»¹⁴.

В 1927 году ОДБР решило реорганизоваться в Общество «Друг детей» (ОДД) по типу других региональных обществ. ОДД расширило круг своих задач, включив в него улучшение быта детей вообще, в том числе пионеров, школьников, воспитанников детских садов, яслей. Реорганизация позволила ликвидировать формальные ячейки: в 1927 году в ОДБР числилось 15 000 человек при 150 ячейках содействия, из которых действительно работали только 25%. На август 1928 года ОДД насчитывало 87 ячеек и 5 730 членов, из них 573 члена ВКП(б) и 341 комсомолец. Не следует думать, что защита детей была преимущественно женским делом: по данным ОДД, большинство его членов были мужчины¹⁵. Общество быстро росло: на сентябрь 1929 года в окружном ОДД было уже 123 ячейки и 8 182 члена. Самым слабым звеном была деревня: общество работало главным образом в городах. Доходы ОДД составляли членские взносы, пожертвования частных и юридических лиц, доходы от лотерей и буфетов.

Начиная с 1929 года, Самара пережила новую волну беспризорников, источником которой стала коллективизация. По данным Крайдеткомиссии, в 1928/29 году в девяти детских учреждениях г. Самары содержалось 530 воспитанников. За год было принято 250 детей, из них 200 – подобрано с улицы. В этом году был открыт еще один приемник, рассчитанный на 65 детей, и он тут же был переполнен.

ОДД регулярно обследовало состояние детских учреждений. Во время инспекции приемника №1 члены общества увидели следующую картину: «Ребята, взятые с улицы, по нескольку дней валяются на полу и невымытые...» Ситуацию сотрудники приемника «объясняют тем, что нет чистого белья, а потому ребят и не моют. Имеется библиотечка, но ребята ею не пользуются, так как она находится в комнате заведующей. Были жалобы со стороны детей на то, что их воспитатели бьют. Никакой воспитательной и педагогической работы среди детей не ведется»¹⁶.

ОДД помогало, чем могло. Кроме материальной помощи, покупки белья воспитанникам детских домов, проводились праздничные вечера, приуроченные к годовщине Октября, с подарками и угощениями. Взяв на себя заботу обо всех категориях детей, ОДД организовало 7 детских открытых площадок, один детский сад, оплачивало горячие завтраки школьников. С детскими садами ситуация была напряженной: несмотря на пропаганду общественного воспитания в Самаре в 1928/29 году был только 1 детский сад на 40 человек и 2 яслей на 115 малышей.

На окружной конференции 1929 года было решено «развернуть внешкольную работу в части организации детского досуга, путем создания всевозможных игр...» Для этого Общество организовало 2-х месячные курсы своего актива по дошкольному воспитанию. Из записавшихся 54-х человек удовлетворительно окончили курсы чуть меньше половины. Эти активисты проходили практику в детских домах и на площадках.

В 1929-30 гг. изменилось лицо самарской беспризорности и соответственно характер деятельности ОДД. Детскую беспризорность сменила подростковая: из 220 подобранных на улице детей во время «декады охраны детства» в 1930 году только 34 человека были младше 16 лет. Появляется проблема подростков-рецидивистов, растут детские правонарушения среди организованных детей – пионеров, школьников. В 1931 году в документах Средне-волжской крайдеткомиссии появляется термин «контингент» по отношению к воспитанникам детских домов.

Наиболее актуальной становится проблема трудоустройства подростков – выпускников детских домов. По правилам, детдома могли производить выпуск только в ФЗУ, имеющие общежития. На практике это было не всегда возможно, и некоторые дети возвращались к родным, некоторые отправлялись в колхозы, часть поступала в техникумы, профшколы, на различные курсы, но большинство все же пополняло ФЗУ. Однако найти работу после окончания училища было сложно, и в архиве сохранились многочисленные направления на биржу труда, подписанные ответственным секретарем Крайдеткомиссии Трудолюбовой (одновременно членом президиума ОДД), с ходатайствами о подростках, не имеющих средств к существованию.

Пытаясь помочь охватить детдомовцев «трудподготовкой», самарское ОДД с осени 1929 года начало открывать собственные учебно-производственные мастерские. Буквально за полгода были открыты: шляпно-кукольная, штамповочная, кроватно-кузнечная и мебельная, жестяно-медно-никелировочная и лудильная мастерские, слесарный цех, 4 парикмахерских, 2 столовых, 1 пошивочная. На трехгодичный срок обучения было принято 160 детдомовцев. Заведующий мастерскими Липский отмечал, что дети были плохо одеты и

разуты. ОДД приобрело для них 159 пар зимней и 83 пары летней обуви – то есть больше половины обитателей детдомов были вообще босыми, а зимней обуви не имел практически никто. В списке закупленной одежды для детей – костюмы, шапки, и даже лыжи.

Мастерские приносили прибыль. Подводя финансовые итоги за 1929/30 год, ОДД отмечало, что чистая прибыль от мастерских составила 79 764 руб. 19 коп., в то время как от ячеек и юридических членов общества поступило 3 890 руб. 15 коп. и разных добровольных пожертвований 1 063 руб. 20 коп.¹⁷

В 1931 году «Друг детей» было официально оформлено как единое всероссийское общество, и самарское ОДД стало его частью. Всероссийское ОДД объединяло около 1,3 млн. человек. Устав общества, принятый на съезде, предусматривал его участие в борьбе за всеобуч, ликвидацию безнадзорности детей, широкое содействие школе в учебно-воспитательной работе, в материальном оснащении, в организации детских садов, яслей, культурно-бытовых учреждений. Важными критериями педагогической работы с детьми стали их участие в «социалистическом строительстве» и «смычке с деревней», охват пионерской организацией и комсомолом.

Таким образом, общество «Друг детей» перешло от борьбы с беспризорностью к борьбе с безнадзорностью. Термин «безнадзорность» был окончательно определен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года как отсутствие родительской заботы о ребенке и контроля за ним. В первой половине 1930-х годов, в соответствии с общей тенденцией усиления государственного контроля, функции ОДД постепенно перенимали деткомиссии, а в 1935 году общество было распушено.

Примечания

¹ Например: Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век. Саратов, 2005; Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

² Жукова Л.А. Государственные учреждения и общественные организации в борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917-1932 гг.) Дис... канд. историч. наук. М., 1983; Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России. М., 1994; Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. №1. С. 134-139.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 60. Д. 60. Л. 29.

⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д. 414. Л. 3.

⁵ Цит. по: Шилова О.И. Формирование и развитие органов и учреждений системы социального обеспечения в Самарском крае (1918-1940). Дис...канд. историч. наук. Самара, 2006. С. 39-58.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2871. Оп.1. Д.18. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 105.

⁸ ГАСО. Ф. Р-8. Оп.1. Д.19. Л. 4, 4 об.

⁹ ГАСО. Ф. Р-8. Оп.1. Д.9. Л. 66, 66 об. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

¹⁰ Обследование было проведено представителями Соцвоса Самгубнароба, Самгубженотдела и Окрокмпомголод ПРИВО. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 926. Л. 1-3.

¹¹ Жукова Л., Ульянова Г. «Не имея родного угла»: исторический опыт борьбы с беспризорностью детей. Доступно по адресу: <http://his.1september.ru/2003/39/10.htm>

¹² ГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.701. Л. 55.

¹³ ГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д. 700. Л. 67.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф.53, Оп.1.Д.1135. Л. 25 об.; ГАСО. Ф. Р-1198. Оп.2. Д.4. Л. 12.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-1198. Оп.2. Д.5. Л.54.

¹⁶ Там же. Л.29.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-1198 Оп.2. Д.4. Л. 25-26.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

С.И. Дубинин*

У ИСТОКОВ НАШЕГО УНИВЕРСИТЕТА: ИНТЕРВЬЮ С Н.С. ЧЕРНЫХ

Разговор с Николаем Степановичем Черных о ситуации создания Самарского (Куйбышевского) госуниверситета, зная, что он принял в его судьбе, работая в 1960-е годы секретарем Куйбышевского обкома КПСС, самое непосредственное и деятельное участие, я начинал не раз при наших встречах в Москве в его скромной двухкомнатной квартире на улице Молодогвардейской в Кунцево. Но впервые наиболее подробно весной 2006 года, а затем после перерыва - зимой 2008 года.

Так уж все переплетено в судьбах нашего вуза: Н.С. Черных – родной дядя моей супруги Галины Эдуардовны, работающей зав. библиографического отдела НБ СамГУ и также выпускницы нашего филфака, который я сам окончил в далеком 1979-м году.

И только теперь удалось договориться с Н.С. Черных об отдельной беседе и сделать эту получасовую запись. Николай Степанович реагировал на вопросы с явным интересом, но неторопливо и в свойственной ему манере размышляя над ответами. Он не относится к тем людям, которые охотно и часто публикуют свои воспоминания¹.

Подумав, решил, что этот текст лучше представить в виде стенограммы живого интервью, без правок или сокращений, с сохранением стиля, членения и ритмики живой речи и логики воспоминаний. Это мне было самому интересно и как филологу. Комментарии минимальны и носят необходимый уточняющий (датировки) или информативный характер, местами дополняясь записанными мною сведениями из других наших бесед с Н.С. Черных.

---

* д.филол.наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии СамГУ.

¹ Из мемуаров бывших куйбышевских руководителей отметим «Записки самарского ректора» и «Записки секретаря обкома» Н.Н.Панова, сменившего Н.С.Черных в должности секретаря в Куйбышевском обкоме КПСС.

**Интервью 29 сентября 2009 года в Москве
(стенограмма)**

С.И.Д. Николай Степанович! Первый вопрос и, наверное, самый сложный. Первый Самарский университет просуществовал с 1918 по 1927 год, и примерно в 1966 году было инициировано создание Куйбышевского (ныне Самарского) университета. Каковы причины и мотивы восстановления этого Куйбышевского университета, если это было восстановление? Как вы думаете?

Н.С.Ч. Есть две причины возвращения к этой идее, идее восстановления Самарского университета. Первая причина это то, что в 1960-е годы по стране начали создаваться университеты. Восстанавливаться и вновь создаваться университеты.

В этой связи в обком партии и ко мне лично подошли несколько профессоров нашего Куйбышевского пединститута и попросили поднять вопрос о восстановлении Самарского университета. Он был преобразован в пединститут, а сейчас, мол, его надо будет преобразовать в университет.

Посоветовавшись в обкоме партии, с товарищами, мы пришли к выводу², что пединститут закрывать нет смысла, и преобразовывать его в университет тоже нет смысла. Поэтому мы решили войти с предложением в совет министров о создании вновь университета, но, придав ему титул такой, что он восстанавливается, якобы. Тот университет, который был создан в первые годы советской власти.

Профессура попросила меня дать ответ им, как будет принято решение. Ну, опять договорились, встретились, и говорим, вот мы такое решение приняли, что не надо закрывать пединститут, не надо преобразовывать его, а надо создать заново университет, самостоятельно. Как говорят, придав ему вот эту преемственность.

Мне тут, откровенно говоря, помогло, повезло. В сентябре 62-го года нас посетил министр высшего образования *Елютин*³. Он - по долгу службы, по положению. Я его сопровождал по всей области, в том числе и по учебным заведениям. И, откровенно говоря, так мы с ним сошлись очень по-доброму. И (*пауза*) ездили в Тольятти, и также на ГЭС⁴. В общем..., показал ему станцию. И вот я ему задал вопрос: «Как фактически можно осуществить эту идею?» Он сказал: «Готовьте документы и приезжайте ко мне. Мы посмотрим

---

² В беседе зимой 2008 г. Н.С. особо подчеркнул, что позиция первых секретарей Куйбышевского обкома и секретарей горкома по КГУ была единодушно положительной, а сама формулировка именно о «возрождении» университета являлась принципиальной.

³ *Елютин Вячеслав Петрович* (1907-1993), с 1959 по 1985 год - министр высшего и среднего специального образования СССР, член ЦК КПСС (1961-1986 гг.), депутат Верховного Совета СССР (1962-1986 гг.), член Комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий (1952-1985 гг.). В беседах 2006-го и 2008-г гг. Н.С. подчеркнул, что руководству области поспособствовали в решении вопроса по КГУ хорошие связи в Москве, и что особое содействие В.П.Елютин оказал не только решением вопросы по цепочке согласований «наверху», но и предоставив шаблоны заявительных документов на КГУ.

⁴ Строительство Жигулёвской гидроэлектростанции (Волжской (Куйбышевской) ГЭС им. В.И. Ленина) началось в 1950-м и закончилось в 1957 году, а в мае 1959 года все сооружения гидроузла были приняты в промышленную эксплуатацию.

все это. Во-первых, надо материальную базу - сразу. Во-вторых, кадры должны быть обозначены: кто может быть в этом университете».

Я действительно подготовил эти все вопросы⁵, ну и такое решение, посоветовавшись в обкоме и в бюро, что мы кадрами будем обеспечивать в основном самостоятельно, имея в виду, что у нас очень много профессуры, и в пединституте и в других учебных заведениях. Вот, такой списочек я подготовил, и поехал. Это в 62-м году было, наверное, в сентябре было. А это к концу 62-го года, когда я поехал. Да. Он меня принял очень любезно как старого знакомого. Это все было..., все у нас хорошо. Позвонил он при мне в отдел науки ЦК. При мне. И сказал: «Вот у меня секретарь Куйбышевского обкома партии такой-то, такой-то. Они ставят вопрос о создании, а вернее о воссоздании Самарского..., не Самарского, Куйбышевского университета». О чем они разговаривали, я не имел возможности слышать, потому что он все поддакивал, поддакивал, а потом сказал: «Все! Ясно! Я даю тогда добро! Пусть они готовят решение бюро обкома партии и исполкома областного совета и входят в совет министров. С ходатайством».

Но я, вернувшись оттуда, действительно подготовили все документы. И количество у нас... научных кадров. И сами же мы там определили, что мы создаем за счет бюджета области. Создаем материальную базу университета. Да. За счет областного бюджета. Потому что, если бы входить, значит ... (*улыбается*). То могли бы отказать! Вот мы так, значит, сделали и одновременно определили, где будет у нас этот университет, территориально. Думали-думали и, в конце концов, пришли к выводу: надо совершенно на свободном пространстве. И выбрали мы за Оврагом подпольщиков, тогда Подпольщиков овраг назывался. На возвышенности, недалеко от парка культуры. Загородный парк. Площадка ровная, красивая. И рядом, напротив был уже создан институт *Ерошевского*, медицинский⁶. Да. Его научно-исследовательский институт был, глазной.

Оговорили все эти вопросы и опять меня, значит, снарядили в ЦК партии уже. Не в совет министров, а в ЦК КПСС, в отдел науки. Там *Трапезников*⁷ был за главного. Я, значит, приехал, доложил. Ну, отделу науки было поручено подключиться по созданию документа совета министров. Такой документ был подготовлен уже без меня, только в соответствии с нашими документами, и в отдел науки, и этот документ был завизирован в министерстве высшего образования *Елутиным*. Практически это уже был вопрос предрешен.

В это время в совете министров председателем был, конечно, *Алексей Николаевич Косыгин*, конечно, человек деловой, практичный и прагматичный.

⁵ В беседе 2008 г. Н.С. отмечал, что подготовленная к обкомовскому совещанию (пленуму?) по КГУ справка включала исторические сведения о первом университете, в первую очередь упоминание о постановлении Совмина 1918 г.

⁶ *Ерошевский Тихон Иванович* (1902-1984), член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, доктор медицинских наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки РФ, выдающийся врач и ученый-офтальмолог, в 1963 году открыл Куйбышевскую областную глазную клиническую больницу с кафедрой глазных болезней - первый в СССР специализированный офтальмологический комплекс.

⁷ *Трапезников Сергей Павлович* (1912-1984) - партийный деятель, историк-аграрник, в 1965-1983 гг. заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Член ЦК КПСС с 1966 г., депутат Верховного совета СССР.

Он сказал: «Если Куйбышевская область берет на себя создание этого университета, и еще к тому же воссоздает университет, который был создан по решению Ленина, - совнарком под руководством Ленина, потому что подпись была Ленина тогда, - то совет министров примет это решение». Итак, решение было принято. По-моему, принято оно было в 63-м году⁸.

С.И.Д. Второй вопрос такой, Николай Степанович. Вы сами выпускник Куйбышевского педагогического института, хорошо его знали. Получается тогда, что возникает на начальной стадии какая-то, возможно, конкуренция этих вузов? Или была какая-то особая идея, что вот университет именно должен создавать какие-то особые кадры? Какую-то особую интеллигентскую прослойку? Вот такая идея была — кого должен был готовить это новый университет? Какая примерная была задумка?

Н.С.Ч. Да, я знал, что кадры педагогического института были очень высококвалифицированные. Да. Профессуры там было до десятка человек. Кандидаты и доктора наук. Посоветовавшись с ними, мы решили, что часть их будут работать в университете, когда будет уже работать университет стационарно. Часть, мы договорились, что они перейдут - основной костяк, а часть будет работать по совместительству. Поэтому никакой конкуренции не возникало, потому что профессура сказала, что педагогический институт будет готовить педагогов в первую очередь по вот тем специальностям, которые уже существуют, а в университете создать надо такие еще факультеты профильные, которые бы создавали, или будировали, или как-то создавали условия для научно-исследовательской работы уже. И готовить уже кадры широкого профиля. Не исключается и это, конечно, что может быть и в университете педагогическая работа. Но, в общем, университетское образование — есть университетское образование. Авторитет его, конечно, выше, чем педагогического, поэтому так было принято решение.

Но университет создавался трудно, потому что область взяла на себя огромную обязанность. Подключили архитекторов. Воспользовались научным проектом и начали готовить учебные корпуса. В первую очередь главный корпус. Ну, строили мы, наверное, года два или три. Да. Поэтому сам практически университет еще не действовал.

Ректором этого университета мы определили сразу, сразу, чтобы он этим занимался, это профессор *Медведев*⁹. Медведев - самарский. До этого он работал в Молдавии, тоже в учебном заведении, по-моему, проректором. Вот.

⁸ А.Н. Косыгин подписал Постановление Совета министров СССР об открытии университета в Куйбышеве только в 1966 году. В беседе зимой 2008 г. Н.С. подчеркнул, что создание КГУ в принципе не было приурочено в 60-летию Октябрьской революции в 1967 г. Это было скорее проявлением возросшего в 60-е гг. статуса Куйбышева как областной столицы (ожидание появления миллионного жителя, пуск крупнейшей ГЭС и др.), как значимого города т.н. союзного подчинения, где имелись соответствующие крупные предприятия.

⁹ *Алексей Иванович Медведев* (1917–1991), во время войны был демобилизован по инвалидности после второго ранения, полученного в 1944 году. Кандидат исторических наук, доцент, назначен 12.07.1968 года ректором будущего Куйбышевского государственного университета. Пробыл в должности ректора с 1969 по 1973 гг. См.: http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=395&Itemid=71 В нашей беседе в апреле 2006 года Н.С. отмечал, что «...Медведева сняли рановато».

Потом по каким-то причинам он приехал на родину. Да. И учитывая, что мы с ним были знакомы еще по бывшей партийной школе. Учились вместе с 45-го по 46-й. Он ко мне сразу приехал, подошел и сказал: «Вот я готов» - не в университет, он не знал еще! – «на педагогическую работу». Он профессор, историк, доктор исторических наук. Я говорю: «Пожалуйста. Мы тебе можем предоставить пока работу в пединституте, по специальности, читай лекции. Но главное, если ты согласен» - я знал его, он рукастый, хотя без руки, потерял руку на фронте, участник Великой отечественной войны, заслуженный человек... Он, я прямо скажу, хваткий мужик был. Ему тогда было? Ну, сколько? 60? Наверное, он был со мной ровесник - 18-го, 19-го года. Может быть даже 17-го. Учитывая, что он учиться в ВПШ пришел уже инвалидом отечественной войны, уже с фронта. Вот. Он взялся за это, то есть согласился и сказал: «Да». И представил план создания практически не только материальной базы, но и научной базы.

С.И.Д. А какие-то установки получил он вот именно по Куйбышевскому университету? Что-то особенное надо было ему воплотить, потому что это было новое направление?

Н.С.Ч. Мы его отправляли в министерство высшего образования. И перенять опыт и определить профиль, какие факультеты там. В общем. Предварительно мы оговорили у себя, а потом вот послали. Он там в отделе науки побывал, и практически приехал уже с согласованным документом о профиле университета. Какие факультеты в первую очередь с учетом опять таки кадров. Какие кадры у нас могли бы быть.

С.И.Д. А какую-то модель он брал? Например, Саратовский или Кишиневский университеты? Или здесь такого не было?

Н.С.Ч. Нет, нет. Никакие модели он не брал, потому что все они работали уже. Да. Поэтому нам много факультетов было создавать нельзя. Поэтому он как опытный уже, работающий в университете Кишиневском, он использовал свой опыт. Да. И учитывая возможности, какие и как это развернуть потом.

Вот и, пожалуй, приступил он к работе. Создали мы решением бюро специальную комиссию, определили строителя и подрядчика. Заказчиком выступал, выступил облисполком. Там курировал это строительство очень опытный и очень сильный руководитель, заместитель председателя облисполкома *Ковалев Олег Ильич*¹⁰. Хорошая память ему. Очень сильный работник. Вот мы с ним, - я уже немножко с другой стороны курировал, потому что я хозяйством занимался...

С.И.Д. У Вас какая должность была в это время? И в какой мере Вы тогда курировали научную и университетскую работу?

¹⁰ *Ковалев Олег Ильич* (1915-1993), в 1956-1959 гг. первый заместитель, а в 1959-1963 гг. председатель исполкома Куйбышевского городского совета народных депутатов. В 1963-1985 гг. заместитель по строительству председателя исполкома Куйбышевского областного совета народных депутатов.

Н.С.Ч. Секретарь Куйбышевского обкома по социальным вопросам. В том числе идеология. А я все вузы курировал, школы курировал, медицину курировал. И курировал еще органы, милицию и КГБ. Так по распределению обязанностей. Поэтому социальные вопросы все были у нас под контролем идеологической части..., партийной организации. Кроме того, были, конечно, и другие вопросы. Бытовые вопросы мы не курировали. Это уже в облисполкоме. Там уже была специальная служба.

С.И.Д. *Такой вот вопрос. Университет наш начинает создаваться. 1966-й, 67-й, 68-й и в 69-м году он начинает работать. Все-таки довольно долго и трудно создавалась его материальная база, здания строились, шло планирование. Какие основные трудности были, что послужило причиной, что не так быстро, как хотелось, КГУ вошел в строй?*

Н.С.Ч. Да. Трудности были, конечно, финансовые. Так, подключили очень солидную строительную организацию. Сейчас я уже не помню, но в общем – «Куйбышевстрой». Трест нам даже..., сейчас забыл его номер, который строил в Куйбышеве. Строитель был..., главный строитель *Волгин*¹¹ был у нас. Начальник треста. Вот они строили и, конечно, учитывая все-таки возможности (*пауза*) не очень сильные... Нужно было, как говорят, учитывать возможности. Поэтому мы не то, что долго строили, мы даже, если бы так судить, не так уж и долго по сравнению с другими стройками. Но строительство университета – был приоритет. Потому что мы слово дали и министерству, и Совмину, и отделу ЦК, что мы его построим.

Трудности произошли еще и потому, что на каком-то этапе Медведев не смог руководить всем этим делом по состоянию здоровья. Да. По состоянию здоровья. У него не только рука, но еще и сердце было очень больное. Вот. И мы должны были еще, как говорят, на переправе менять коней.

С.И.Д. *То есть кто-то помогал ему во время болезни?*

Н.С.Ч. Да, болезнь его... Нет. Не помогал. Он сказал: «Николай Степанович. Пожалуй, я, наверное, не смогу вынести вот всю эту тяжесть. Только могу остаться профессором, но возглавить сейчас вот такую вот работу, я не могу. Ищите другого».

Я даже не знаю, каким образом, на горизонте появился *Мешков*¹². Этот Мешков ... (*пауза*). Ну, нам позвонили из министерства, что вот может быть такой-то. Мешков ... (*пауза*) был брат первого секретаря Орловского обкома партии¹³. Родной брат. Наш первый секретарь позвонил. Ему предложили...,

¹¹ *Волгин* ??? В беседе весной 2006 года Н.С. отметил, что работу по планировке КГУ курировали также от исполкома его председатель Алексей Андреевич Россковский и главный архитектор города (с 1965 по 1987 гг.) Алексей Григорьевич Моргун (1925-2009).

¹² *Мешков Станислав Иванович* (род. в 1935 г. в Воронеже), доктор физико-математических наук, профессор, специалист по механике твердого тела. Работая в Московском институте электронной техники, осенью 1973 г. был назначен ректором Куйбышевского госуниверситета. Пробыл в должности 4 года. См. подробнее: http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=399&Itemid=71

¹³ Вероятно, что имеется в виду *Мешков Фёдор Степанович* (1915-1987). Родился в Воронежской области, в 1970-1985 гг. первый секретарь Орловского обкома КПСС. Депутат Верховного Совета СССР. Мешков С.И. – его племянник (?).

порекомендовали нам. Да. Позвонил ему. Вот и, естественно, брат брата охарактеризовал очень хорошо. И мы приняли его любезное согласие на..., возглавить университет. Да. После Медведева.

С.И.Д. *Но в это время из Куйбышева Вы уже уезжаете? В каком году? В каком месяце?*

Н.С.Ч. Я в 68-м году уезжаю из Куйбышева. Это в мае месяце. Из Куйбышева я уехал в мае 68-го года, но университет практически уже начал функционировать потихоньку. И я уже из ЦК... Все, что можно было делать, я помогал в становлении.

С.И.Д. *Какую должность Вы заняли по приезду в Москву в 1968-м году?*

Н.С.Ч. Я – заведующий сектором отдела пропаганды.

Вот, и еще при мне, по-моему, не помню, даже... Все-таки мы Мешкова этого сменили. И пришел Рябов, Виктор Васильевич Рябов. Виктора Васильевича я очень хорошо знал, потому что он работал в отделе науки учебных заведений обкома партии. Он защитил докторскую диссертацию. Я его порекомендовал. Ну, он согласился и очень хорошо включился, и он практически создавал уже весь коллектив. Профессионально, зная по прежнему месту работы в отделе науки обкома, зная кадры. Пединститут и в других институтах. Потом в отделе науки он... (*пауза*). Бывал он также и в других университетах. Тогда был объявлен конкурс. Вот тот конкурс как раз возглавлял Рябов Виктор Васильевич. И он, конечно, ему надо отдать должное, что он и создал практически уже тот облик университета, который имеет место. И потом уже он уже начал развиваться. Вот его пребывание там, по-моему, года 4 он или 5 был. Но отдел науки его все-таки вытащил к себе. Да.

И после этого я потерял нить, кто был во главе университета. Я уже ... Уже, наверное, где-нибудь в 69-м. Уже, наверное, 72-й или 73-й год¹⁴. Кстати! Кстати, меня спрашивали о Рябове, когда его просили..., хотели в отдел брать ЦК. Меня спрашивали тоже, потому что я его хорошо знал. Я его рекомендовал. Он пришел заместителем заведующего отделом науки, и у него тоже была возможность, власть помогать Самарскому университету. Отсюда уже помогать. Я уже отошел от этого дела практически, но интересовался жизнью университета.

С.И.Д. *Кто-то приезжал к Вам в эти годы в конце 60-х в начале 70-х из университета? Кто Вам запомнился из первых ректоров, работников университета?*

Н.С.Ч. Мешков? Я практически вот только, когда его встречал, когда его утверждали его только. И все. Он не особенно мне запомнился, но... (*пауза*) профессор, так сказать. Но, по-моему, он был не очень сильный профессор. Даже и ректор. Я помню, откровенно говоря, когда я уходил... И я был не

---

¹⁴ Рябов Виктор Васильевич (род. в 1937 г.), с 1967 по 1973 гг. занимал должность заместителя заведующего отделом науки и учебных заведений Куйбышевского обкома КПСС. В 1973-1977 гг. - ректор Куйбышевского педагогического института. С 1977 г. – ректор КГУ.

очень доволен и, по-моему, даже... (*пауза*). Да. По-моему я уже сейчас спутал. Рябова-то при мне уже назначали. Когда...

С.И.Д. Рябов стал ректором в середине 70-х, в 1977-м году.

Н.С.Ч. Да. Без меня уже. Но я участвовал в его определении ректором. Определили его ректором. Толковый был мужик-то. Он сейчас возглавляет, кстати говоря, очень солидный вуз и у вас филиал имеется¹⁵. Да. Да. Толковый, толковый работник.

С.И.Д. А кого-то рекомендовали Вы еще из крупных кадров среди работников первых лет университета?

Н.С.Ч. Я думаю, что вот список, который мы составляли, когда ставили вопрос о создании университета, в него вошли ... Все профессора Куйбышевского пединститута. Получив их согласие быть в университете или на постоянной работе, или по совместительству. К сожалению, я сейчас всех их не помню. Да, не помню их фамилии. Знаю, что математик отличнейший математик был¹⁶. Кстати, очень настойчиво этот вопрос ставил, потому что он хотел работать, и он действительно он пошел работать. Да.

Вот. Ну, *Симанков*¹⁷ там был у нас ректором пединститута. Он ... (*улыбается*) не очень, не очень дружелюбно относился к тому, что кадры университет забирает. Да. Мы его поставили на место и он, таким образом, больше уже не сопротивлялся, в общем, в этом плане.

Встречал я, конечно, встречал многих товарищей, которые работали, особенно тех, которые меня знали. Без меня тоже уже пришли многие профессора. Пришли без меня. Вот, так что университет этот создавался с трудом, но вместе с тем при энтузиазме.

С.И.Д. Такой вопрос. Кто вот сейчас в Москве живет из тех куйбышевцев, которые работали тогда в 60-е годы. Помогают ли он друг другу в землячестве? Или еще какие-то связи имеются в сторону Самары среди ученых?

Н.С.Ч. Это тебе хорошо рассказал бы, конечно, рассказал, потому что у нас он руководителем землячества является, Рябов¹⁸. Он возглавляет. И *Фролов Николай Николаевич*¹⁹. Он там..., (*пауза*) когда университет не работал. Он был раньше. Вскоре он в ЦК пришел работать. Потом его направили в эту, в Амурскую область, секретарем. Инструктором у нас поработал. Вот он может

¹⁵ Московский городской педагогический университет (МГПУ). См.: <http://www.mgpu.ru/index.php>

¹⁶ Вероятнее всего имеется в виду доктор физико-математических наук, профессор Пулькин Степан Павлович (1907-1980), который начал работать в КГПИ с 1931 г., также в авиационном институте, создал научную школу, с 1969 г. в КГУ, первый декан механико-математического факультета КГУ. См. подробнее: http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=412&Itemid=71

¹⁷ Симанков Б.М.???

¹⁸ Имеется в виду региональная общественная организация «Самарское землячество» (Москва, президент – Рябов В.В.).

¹⁹ Фролов Николай Николаевич, в начале 1960-х гг. второй секретарь горкома комсомола, затем в конце 1960-х гг. - первый секретарь обкома комсомола. Впоследствии был переведен в Москву на партийную работу.

хорошо рассказать, потому что они сейчас всех объединили в землячестве. И там много у нас там очень таких толковых самарцев, которые работали и в университете, и в других учебных заведениях, и работали на других должностях там. Хозяйственных должностях. Активно работают. Да.

С.И.Д. Ну и последний вопрос. Что бы Вы хотели пожелать современному Самарскому университету, создававшемуся в 60-е годы?

Н.С.Ч. Я думаю, что готовить специалистов, нужных для нашего дела, нужных России и, прежде всего, конечно, Самарской области, патриотов, любящих дело свое. Вот я бы пожелал, чтобы люди вышедшие из Самарского университета горделиво заявляли: «Да, я самарец! И я имею такие, такие, такие-то качества служения людям, народу, а, следовательно, и обществу». Ни в коем случае не служить власти (*пауза*). Власть уходит и приходит, а университет остается. А университет остается. А главное, что остаются люди, которые (*пауза*) должны все-таки нести знания университетские в народ.

С.И.Д. По-вашему, что такое университет? Это передача знаний или хранение их? Как Вы для себя его определили бы?

Н.С.Ч. Я считаю, что это действительно универсальный... (*пауза*), универсальная форма образования людей, ... специалистов. И вместе с тем - специализированная, но на уровне уже университетских требований.

Я, например, к университету отношусь всегда с уважением, потому что я сам волею судеб поступал в Московский государственный университет, но в силу обстоятельств, не зависящих от меня, я вынужден был покинуть его и переехать в Куйбышев²⁰. Поэтому я на университет смотрю (*пауза*) с благоговением. Университет для меня - это высшая форма получения хорошего, добротного образования.

С.И.Д. Спасибо.

---

²⁰ Не получив МГУ места в общежитии, где он поступил без экзаменов в 1938 г. на физмат, Н.С. Черных переехал в Куйбышев и, пользуясь продленными сроками зачисления, поступил здесь на истфак в КГПИ. Здесь в мае 1941-м г. женился на Антонине Васильевне (1921 г.р.), студентке физмата КГПИ.

Э.Л. Дубман*, П.С. Кабытов**

О ЖИЗНИ И О СЕБЕ...

Эдуард Львович, 1-го апреля у вас юбилейная дата. Есть повод поговорить о вас. Кажется, у Юлии Друниной есть фраза «Все мы родом из детства». Расскажите немного о своем детстве, о ваших родителях, как они оказались в Самаре?

- Так случилось, что история нашей семьи началась с войны. Мои родители — беженцы из Белоруссии, из Витебской области. В советское время была широко известна документальная повесть белорусских писателей «Я из огненной деревни». Одно из 600 селений, упоминаемых в ней, Слобода, где уничтожили всех близких моих родителей.

- Они погибли в результате военных действий?

- Нет! Там было всё гораздо трагичнее. Когда немцы оккупировали эту территорию, началось партизанское движение. Оккупанты боролись и с партизанами, и с местным населением, и с евреями. Использовалась тактика выжженной земли. Многие селения нацисты уничтожали полностью. Лишь немногим удалось уцелеть и моей матери повезло, она оказалась среди них.

- Она смогла оттуда выбраться?

- Перед самой войной мама переехала в Витебск, работала на фабрике и вместе с ней была эвакуирована. Оказалась в Казани, потом в Ярославле. А ее родители оставшиеся в Белоруссии погибли. Братья ушли кто в ополчение, кто в армию, кто в партизанский отряд и тоже не вернулись с войны.

- Маму как звали?

- Роза Семеновна Гершанская.

- А чем занималась?

Вначале работала в колхозе, потом на швейной фабрике. В эвакуации она какое-то время была мастером на торфоразработках.

- Ваша мама была в эвакуации в Ярославле. Потом осела в Куйбышеве. Я вспоминаю свою собственную семейную историю. Когда моя мать оказалась в эвакуации в Воронежской области сложности были колоссальные, приходилось просто выживать. Позднее, в советское время об этом не принято было писать. Она вспоминала о том периоде своей жизни?

- Вы знаете, мать очень сдержанно рассказывала об этом и никогда каких-то негативных ноток у нее не звучало. Она работала в годы войны уполномоченной по найму рабочей силы на предприятии, потом была техником и одновременно переводчиком на торфяных разработках. Это был лагерь для военнопленных немцев в Ярославской области. И, кстати, много рассказывала о содержании там немцев.

* д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

** д.и.н., профессор, первый проректор, зав. кафедрой российской истории СамГУ.

- Оно было достаточно приличным по сравнению с положением наших военнопленных?

- По крайней мере, к ним относились по-человечески. В лагере существовало своего рода самоуправление. Немецкие офицеры не работали, сохранялась своеобразная субординация. Содержание пленных соответствовало нормам Международного «Красного креста». Единственное, мама рассказывала, что они были всегда голодны, кормили их плохо. Но ведь вся страна в это время недоедала. Военнопленные могли свободно выходить в деревню, что-то обменивать на продукты то, что сами делали или смогли сохранить. Отношение конвоиров к пленным было достаточно лояльным. До тех пока не произошел побег. Мама рассказывала об этом случае. Молодой солдат немец, который проникся к ней доверием, показывал ей медальон с фотографией своей невесты. Он очень ее любил и решил рискнуть, бежать на родину. Однако далеко не смог уйти. Где-то в полях, в стогу его нашли местные крестьяне. Беглеца привезли назад в лагерь. Начались строгости, усилили охрану, пленным запретили свободно выходить за ограду. Но, самое главное, что военнопленные сами уничтожили беглеца, поставив его под ледяной душ.... То есть его убили не наши солдаты, не наш конвой. Плен — это плохо, но это был не концлагерь.

- Хорошо. А из Ярославля она как попала в Самару? Ничего не говорила?

- Говорила, но очень скупно. Так вышло, что знакомые, которым удалось спастись, осели в Куйбышеве. После войны, она вышла замуж за одного из своих бывших односельчан. Вот отсюда и пошла фамилия Дубман. Отец с мамой поселились в Зубчаниновке, там, где уже жили с семьями два его брата. В этом небольшом рабочем поселке я и родился.

- Вы родились в пятидесятом. Время было исключительно тяжелое. Это и нехватка продовольствия, и талонная система, и экономическая нестабильность. Рождение ребенка в этих условиях — это своего рода подвиг.

- Да, тем более, что они были уже немолодыми людьми.

- А чем занимался ваш отец?

- Он был жестянщиком. На окраине Зубчаниновки была мастерская по изготовлению ширпотреба: кастрюль, баков, корыт. В послевоенное время всего этого страшно не хватало. Он умер в 1954 году. Через много лет я встречал людей, которые помнили о нем и очень хорошо отзывались. Видимо он был действительно хорошим человеком.

- Мастер!

- Да, мастер. До сих пор дома стоят баки из нержавеющей стали, которые он сделал.

- Вы жили в таком «романтическом поселке» — Зубчаниновка. Он действительно романтический. Почему? Потому что он находится на окраине города. Город, конечно, в начале пятидесятых годов, был совершенно другим. В Зубчаниновке мы видим с одной стороны городскую жизнь и сельскую. Там жило очень много людей, которые только что порвали с селом, которые не вписались, или плохо вписывались, в городскую жизнь. То есть это жизнь городского предместья. Как она выглядела?

- Большинство жителей Зубчаниновки работали на заводах. Через поселок проходила железная дорога, была железнодорожная станция, ходил ав-

тобус, и все это соединяло жителей, прежде всего, с номерными заводами, восемнадцатым, первым и другими так называемой Безымянки, еще одного предместья тогдашнего Куйбышева. Повседневная жизнь Зубчаниновки была далеко не той, которая предвиделась в начале XX века знаменитому инженеру Зубчанинову, пытавшемуся создать здесь что-то вроде коммуны, образцового поселения. И не той, которую в конце прошлого столетия называли цыганским предместьем, цыганским поселком. Это был рабочий поселок с огромным количеством садов. Мы жили очень скромно, но у меня было много друзей, приятелей. Это была наша молодость и нам было там хорошо.

- Среди них отец Георгий?

- Да, Евгений Шестун. Один из нас. Наш поселок не считался слишком благополучным; в те годы он был чем-то вроде Запанского. Если смотреть на ту жизнь с точки зрения сегодняшнего дня, может, где-то было и голодно, и существовали материальные проблемы, но нам было комфортно.

- Голодно, в каком плане? Я, допустим, вспоминая о своём детстве в сороковые, пятидесятые годы, помню постоянное ощущение голода, сосущего такого. Хотелось съесть всё, что попадает в поле зрения, особенно летом. Вишни, ягоды... А если попадалась пачка фруктового чая, то это было счастье. У вас такое было?

- Нет. Я родился почти на 10 лет позже. Вам пришлось пережить в детстве страшные военные годы и самое голодное и трудное послевоенное время. Тогда было намного тяжелее. В этом отношении 50-е годы были значительно легче. Конечно, и тогда было несладко. Я рос без отца, он умер, когда мне было 4 года. Но какого-то особого недоедания или голода я не чувствовал.

- В какой школе вы учились?

- В основном в 98-й.

- Школа до сих пор существует. О ней ходят легенды. Она считается школой, где очень сложный контингент учащихся.

- Сейчас это так. В мое время это была самая обычная школа. А до пятого класса у нас была маленькая деревянная начальная школа. Она находилась за два квартала от дома, на перекрестке улиц Дзержинского (сейчас Чекистов) и Первомайской, на которой я жил (сейчас она Краснопресненская). Всего несколько классных комнат, учительская, кабинет директора и большая веранда. А потом, начиная с пятого класса - я учился уже в 98-ой школе. Тогда в поселке не было цыганского населения, не было проблемы наркотиков. Кстати, из этой школы вышли многие известные люди. Там учили вполне нормально и преподаватели мне нравились. После 8-го класса я сначала поступил в техникум, потом совершенно свободно прошел по конкурсу в университет.

- Кстати, о техникуме. Наблюдая за вами долгие годы, я считаю, что вы человек склонный к гуманитарным наукам. Почему вы решили поступить на техническую специальность... по-моему литье металлов?

- Обработка цветных металлов и сплавов давлением. Я учился по всем предметам довольно ровно...

- А техникум какой?

- Авиационный, потом его переименовали в металлургический.

- Сейчас бы вы работали в сфере космической промышленности. А может быть руководителем крупного авиационного холдинга.

- Не уверен. Я уже говорил, что учился вполне нормально. У меня был только один страшный предмет, который я не понимал – химия. Это был для меня бич. А так математика хорошо шла, физика тоже. После восьмого класса нужно было как-то определяться. И мы с приятелем пошли поступать в авиационный техникум.

- Приятеля как зовут?

- Володя Барский. Я решил поступать на радиолокацию. Тогда это было престижно и интересно. Но не добрал один балл. В приемной комиссии мне предложили идти с набранными баллами на другую специальность.

- Давайте поговорим о технике. Вы там учились два года.

- Четыре. Учеба у меня шла легко. Закончил техникум с отличием. У нас были прекрасные преподаватели. Я учился с ребятами, с некоторыми из них до сих пор поддерживаю хорошие отношения. Проходил практику на заводе Металлург, где меня уговаривали остаться.

- Сейчас бы стали начальником цеха или главным технологом?

- Один из моих тогдашних приятелей дорос до замдиректора завода. Но у меня, как я сейчас понимаю, уже в техникуме начал складываться интерес к истории....

- Вы ведь могли вполне спокойно поступить в авиационный институт.

- Да. У меня было направление туда.

- У вас был диплом с отличием. Это означает что в авиационном институте, получая инженерную специальность, вы могли спокойно сдать и сопромат и всякие «начерталки» и так далее. Всё-таки резкий поворот к гуманитарной сфере и тем более к истории. Ведь работа историка не является престижной.

- Вы знаете, здесь сложно сказать. Во-первых, я всегда любил много читать. Библиотека в родном поселке была мною полностью прочитана.

- То есть вы её проглотили?

- Да, я её «проглотил». Я пытался покупать книги, хотя денег в семье конечно не было. Меня ругали за то, что я их покупаю. А во – вторых, у меня всё-таки была любовь к истории. Не к филологии или литературе, а именно к истории. Я плохо до сих пор пишу, не чувствую язык.

- Ну, что касается «плохо пишу», я всё это помню. Вы достаточно пластичный человек и сумели за эти годы как-то научиться писать. Это исключительно архитязжкий труд. Как научиться писать?

- Почти невозможно.

- Это невозможно? Почему? Потому что нужно обладать какими-то способностями. В этой ситуации не могу не сказать о том, что когда я слышу от многих людей, что они поступают на журналистику с тем, чтобы стать корреспондентом в какой-то газете или на телевидении, я всегда улыбаюсь. Почему? Потому что если Бог не дал, то никакой вуз не научит писать.

- Да. Вы правы.

- Или это достигается методом тренировок?

- Мне кажется, что тот уровень, грамотности и сложности, которого я достиг – это конечно тренировки. Ни в коем случае не считаю себя челове-

ком, который владеет хорошим литературным языком, может писать книги, я имею в виду художественные, как пытаются многие мои знакомые. Это не моя стезя. Я этого не умею. У меня другой склад мышления. Но писать свои исторические книги и статьи, даже популярные, у меня получается. Единственно, что кто-то должен посмотреть, проверить стилистику. У меня жена, например, смотрит, то, что я написал.

- Вы могли поступать, допустим, в Саратовский или в Казанский университеты, в Московский.... Ведь открытие нового вуза (Куйбышевского государственного университета) весьма сложный процесс. Он открывается и ясно, что там нет преподавателей, нет технологий, нет пока тех специалистов, которые могут дать действительно университетское образование. У вас возникали эти вопросы?

- Практически нет. Всё-таки я жил в обычном рабочем поселке. Мой кругозор был невелик, а выбор весьма ограничен. Мне кажется, что для многих поступавших в наш университет, это было новое, неизведанное будущее. Мы его все-таки отличали от пединститута. Казалось, что это та обитель, куда приедут специалисты из Москвы, Ленинграда, Казани, Саратова и которая будет центром науки. Частично, на мой взгляд, это реализовалось.

- Если говорить о 50-ти студентах, которые поступили в 1969 году на специальность история. Судьба их сложилась достаточно хорошо?

- Не у всех. У нас много людей, которые просто не дожили до сегодняшнего дня.

- Но, тем не менее, среди выпускников есть доктора и кандидаты наук, и директора школ. Кто выделялся среди студентов первого выпуска?

- У нас на курсе был довольно специфический состав студентов. Много ребят пришло из армии. И конечно на первом – втором курсах им было трудно. Мы были в роли догоняющих. Получилась такая игра в догонялки.

- Но у тех, кто постарше был жизненный опыт.

- И он здорово помог впоследствии. Получилось так, что после института дела у отслуживших в армии пошли более успешно.

- Средняя школа отличается от вуза тем, что в институте нет такого жесткого контроля за успеваемостью. Здесь более либеральная ситуация. Вы пришли из техникума, как быстро вы вписались в вузовскую систему? Были ли какие-нибудь сложности? Как у вас всё это шло?

- Мне это далось легко. Видимо был эмоциональный подъем. Хотя появились чисто бытовые трудности. Что бы, например, добраться до университета надо было встать в шесть часов утра, а то и в половине шестого, идти минут 20 до железнодорожной станции, потом на электричке добираться 40-45 минут до главного вокзала, а затем потратить еще полчаса на поездку в трамвае. Дорога занимала часа два туда и два обратно. А после занятий мы каждый день сидели в областной библиотеке.

- Автобус еще не ходил?

- Нет. Никаких автобусов. Поэтому я уезжал рано утром и, как правило, приезжал домой часов в десять вечера. И конечно только поешь, что-то почитаешь к семинарам и спать. Никакой личной жизни.

- То есть жизнь была насыщенная? Это первые два курса. Или потом всё это как-то стабилизировалось?

- Эти сложности как-то не особо ощущались. Казалось, все должно быть именно так, как есть. Всё шло на эмоциональном подъеме. Мне нравилось учиться, мне нравились преподаватели, большая часть тех предметов, которые читались. Учился я в целом неплохо. За все пять лет у меня, кажется, была только одна четверка, на третьем курсе по иностранному языку.

- Как складывались отношения со студентами младших курсов?

- Совершенно нормально. Мы вместе работали в стройотрядах, где очень быстро налаживались доброжелательные отношения

- Когда в университете появились стройотряды?

- Первый стройотряд — сразу после первого курса. Союзтелефонстрой, так, кажется, называлась та организация, в которой мы работали. Мы вели кабель по Полевой. Долбили траншею, укладывали трубы, строили колодцы. Жили мы в общежитие нашего университета на четвертом этаже, в комнатах на 12-13 человек. Там были все. И историки, и математики, и физики, и филологи. Была такая хорошая компания, что я до сих пор вспоминаю об этом с удовольствием. Второй год — это первый выезд в Сибирь, поселок Стржежовой на севере Томской области. Потом я ездил со стройотрядом в Туву, в Кызыл. Все мои летние каникулы проходили в таких поездках. Нужно было зарабатывать на жизнь. А кроме того это было общее настроение того времени, по крайней мере у того круга людей, которые мне были симпатичны. Мы не только работали, но и видели новые места, ходили на охоту в тайгу, ловили рыбу в сибирских реках. У нас на курсе сложился группа студентов, которые постоянно работали в стройотрядах.

- Кто туда входил?

- Могу назвать Виктора Клевлина, Владимира Гаврилина, Юру Горшенина, Валеру Ивахника, Колю Богомолова и многих других. Была хорошая компания, где все умели и хотели работать. Руководили стройотрядами наши же товарищи Юра Квасов, Саша Рунт.

- Поговорим о выборе темы. Он был изначально связан с тем, что вас влекла не современная история, а скорее XVI-XVII век. Что предопределило этот выбор? Вы сами нащупали или доверились научному руководителю? У вас научный руководитель был Ефрем Игнатьевич Медведев?

- Нет. Ленар Васильевич Храмков. У меня с молодости была определенная, не то что боязнь, а нелюбовь к политизированности. Поэтому идти на кафедру КПСС и заниматься той историей, которая постоянно «передельвается», мне не хотелось. Это было на уровне инстинкта, видимо. Я хотел заниматься региональной историей, хотелось поработать в архивах с документами, найти что-то неизвестное другим. Тема была новая, никем ранее всерьез не изучавшаяся. И это было здорово.

- Ваша тема связана с рядом сложных моментов. Местные архивы содержат какие-то крохи. Литература по истории колонизации также была мало доступна в силу того, что концентрировалась в библиотеках Москвы и Питера. Поэтому заниматься этой проблемой оказалось весьма сложно. Вас это не пугало?

- Знаете, нет. Ну, во-первых, я еще тогда не осознавал всех сложностей, не думал об аспирантуре, о каких-то более углубленных занятиях историей. Ну а во-вторых, — поездки, например, в Москву или в Казань в то время были совсем другие, чем сейчас. Можно было на студенческую стипендию, тем более повышенную, доехать до Москвы и обратно, да еще прожить там неделю — две. Оставались еще деньги на музеи и театры. Основная проблема состояла в гостинице, где никогда не было мест. Останавливались, как правило, у знакомых, родственников.

- Для того, чтобы заняться темой по средневековой России, нужно было овладеть инструментарием, освоить довольно-таки большое количество методов, уметь читать источники XVI-XVII века. Без глубокого освоения палеографии — это невозможно. Как вы пытались освоить этот исследовательский инструментарий?

- Здесь и были главные трудности. Я до сих пор ощущаю пробелы в этой области, потому что среди преподавателей университета специалистов по русскому феодализму тогда не было. Нам читал историю средневековой России Ленар Васильевич Храмов. Он, несомненно, яркий, талантливый преподаватель, настоящий энциклопедист; но профессионально занимался совершенно другим периодом — XX веком. И все же мне немного повезло. Древнерусский язык нам преподавал А.А. Гребнев из пединститута. Он читал настолько классно и доходчиво, что именно на его лекциях мы почувствовали, что это такое — Древняя Русь. А так практически получалось, что все нужно было осваивать самому. Сначала я даже не представлял во что влез, всей сложности темы, а когда осознал, то оказалось, что значительную часть этих трудностей уже преодолел. Отступать было некуда.

- Хорошо. Итак, вы окончили университет и снова встал вопрос выбора пути. Как складывалась жизнь после окончания университета?

- Тоже не все так просто. Закончил университет, по нашей специальности был вторым в списке по успеваемости, однако в аспирантуру не попал. Меня отправили по распределению в Красный Яр. Три года я отработал в местной школе. Когда вернулся в Куйбышев, в родном университете нашлось свободное место в научно-исследовательской группе у археологов.

- Это был семьдесят восьмой год?

- Конец 1977-го года. Меня позвали работать к Галине Ивановне Матвеевой.

- Кто так настойчиво звал?

- Мой очень хороший приятель Риза Багаутдинов.

- Он закончил тогда аспирантуру?

- Нет. В аспирантуру он поступил позднее, по моему, в 1980 году. Получилось так, что я попал в дружную компанию археологов. Это была, так называемая, НИГ-7, научно-исследовательская группа, из которой вышло большинство самарских археологов. И там я сделал «совершенно замечательную карьеру».

- Стал заместителем начальника?

- Стал начальником экспедиции, начальником группы, проводил разведки, писал отчеты, получал открытые листы...

- *Договора заключал?*

- Да, и договора заключал. Всё было....

- *А как потом складывалось?*

- Работая с археологами, я продолжал заниматься средневековьем. Галина Ивановна предлагала мне тему на стыке археологии и истории, специализироваться у Владимира Антоновича Оборина, был такой специалист в Перми. Но в археологии мне нравились экспедиционная жизнь, постоянные разъезды, новые впечатления, люди. Но вот держать в руках черепки и заниматься этим — это было не моё. А потом получилось так, что заведующий нашей кафедрой Ефрем Игнатьевич Медведев пригласил меня к себе в аспирантуру. Это был, кажется, восьмидесятый год. Я продолжил заниматься темой освоения средневекового Среднего Поволжья, над чем работал еще в годы учебы, но уже более целенаправленно. Научная работа меня захватила, все свободное время я проводил в московских и питерских архивах, библиотеках. Через несколько лет у меня в основном всё было написано. Потом Ефрем Игнатьевич умирает. Я остался без руководителя. И тут нашелся один человек, который подошел ко мне, посмотрел пристально и изучающее и сказал: - «Ты когда что-нибудь напишешь?». Я говорю: - «Да я пишу!», а он мне: - «Нет. Одно дело — пишешь, а нужен какой-то серьезный результат». Отчетливо помню конец нашего разговора и его слова: - «Если ты дашь мне слово, что через год у тебя будет готова диссертация, я тебя возьму к себе в аспирантуру». Этот человек сейчас сидит напротив меня - Петр Серафимович Кабытов.

- *Возвратимся к студенческой повседневности. Были ли какие-то вечера, где можно было встретиться, пообщаться, выпить пива, просто прогуляться по улицам. Бродвей может какой-то был студенческий.*

- Та студенческая наша жизнь немного отличалась от современной. Многие из студентов были взрослые люди и поступили в университет, когда им было уже за двадцать лет. И поэтому мы летом, как правило, работали.

- *Ну, а в обычное время?*

- А когда учились — конечно. Всё было так, как это принято в студенческой среде, и собирались вместе, и бывало, выпивали.

- *Ну как всё это все же происходило? А конкретнее можно?*

- Ну как это всё было... Вот маленький пример. Последние два года учебы в университете я жил на съемной квартире. Для того, чтобы написать диплом мы с Юрой Горшениным, моим очень близким товарищем, снимали квартиру. Я до сих пор вспоминаю, что у нас бывали времена, когда нам было совершенно нечего есть. Ни денег, совершенно пусто в холодильнике. И вот зима, вечер, сидим голодные. еды никакой. А у нас рядышком бабушка жила, которой мы иногда помогали. Мы у нее выпросили бутылку самогонки, обзвонили своих знакомых ребят, девушек и пригласили на вечеринку, с условием, что каждый должен принести какие-нибудь продукты, а выпивка у нас есть. Девушки притащили торт, ребята — еду и всё прочее. Погуляли совершенно замечательно Да, еще на следующий день осталось что-то из продуктов. Была беззаботная студенческая жизнь, но более сдержанная конечно, чем сейчас.

- *А вы, глядя из сегодняшних времен, остались довольны качеством преподавания, как вас учили?*

- В целом да. Преподавательский состав нового университета складывался, на мой взгляд довольно удачно. Можно было создать новый университет на базе пединститута, так делалось в ряде городов. Но, это был бы не самый удачный вариант. А так к нам пришли наиболее интересные преподаватели из пединститута, несколько молодых специалистов приехали из Казанского и Саратовского университетов. На истфаке появились преподаватели, окончившие Московский и Ленинградский университеты. Они представляли разные школы, ведущие вузы страны; что явилось особенно важным для становления исторического факультета. Конечно, по отдельным предметам были лакуны. Порой получалось, что преподаватели вынуждены были читать лекции по тем предметам, где они не являлись специалистами. Например Галине Ивановне Матвеевой, которую я очень люблю и уважаю, приходилось кроме родной археологии читать историю древнего мира и этнографию. Но главное состояло в том, что нам привили вкус к исследовательской работе, какому-то трепетному отношению к источнику. Я не помню, что бы к нам приезжали светила из других городов - из Москвы или из Питера. Но у преподавателей, которые с нами работали в новом вузе, был творческий и эмоциональный подъем, передававшийся и нам.

- Давайте всё-таки обратимся к ситуации второй половины 1980-ых годов. Это время, когда подул свежий ветер, что-то изменилось с течением времени, потоком истории. Как это повлияло на вашу жизнь, профессиональную деятельность?

- Вы знаете, начало правления Горбачева можем назвать счастливым временем. Как стало свободнее дышать, новые горизонты открылись. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. в бытовом плане, конечно, были очень тяжелыми. К этому времени я защитился, стал работать на кафедре российской истории. Там сложился очень сильный творческий коллектив.

- В эпоху 1990 годов наблюдалось парадоксальное явление. С одной стороны, казалось бы, история как специальность и как наука, оказалась на обочине. Зато мы видим, что интерес студентов к истории, особенно к дореволюционной, резко возрос. Каковы ваши ощущения в связи с этим?

- Довольно сложные. С одной стороны, конечно, всё ломалось, и многое очень тяжело ударило по нам, простым людям. А с другой стороны всё равно был подъем, появились новые перспективы. Очень хорошо работала наша кафедра. Возникали новые проекты, рождались оригинальные идеи, выходили книги, которые были многим интересны. И потом это было время, когда на истфак шли хорошие студенты. Это были великолепные годы с точки зрения «обучаемых» студентов. В последнее же годы многое изменилось. Стремление все реформировать и бюрократизировать приводит, как мне кажется, к негативным результатам. В какой-то степени, стал утрачиваться смысл работы. А это совсем плохо. Потому что, с точки зрения мироощущения, понимания своей нужности, полезности для общества, творческая работа ведь очень многое значит и компенсирует.

- Спасибо. Успехов вам и новых книг.

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытов П.С.

Профессор Эдуард Лейбович Дубман (к 60-летию доктора исторических наук, профессора кафедры Российской истории СамГУ) 3

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

Леонов М.И.

География эсеровских организаций на рубеже XIX-XX вв. (Урал, Сибирь, Кавказ, Туркестан, эмиграция. Summa summagum) 7

Кобозева З.М.

Мещанская мода конца XIX – начала XX века 15

Дорошенко А.А.

Объединенное дворянство и правые депутаты Государственной Думы (до 3 июня 1907 года) 21

Буланкина Е.В.

Происхождение, воспитание и формирование взглядов Питирима Александровича Сорокина 24

Вишнякова А.М.

«Реабилитация» столыпинских реформ в историографии 90-х – начала XXI века. 31

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М.

Уроженцы Самарской и Симбирской губерний – выпускники и студенты Московского университета (1877–1917 гг.) 35

Петрянина Л.Ю.

Заблеваемость на селе в период новой экономической политики как отражение социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья 47

Панкратова Е.В.

Деятельность властей по формированию социального состава учебных заведений в 1930-е гг. (на материалах Среднего Поволжья) 52

Широков Г.А.

Научные изыскания ученых Саратовского университета в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 56

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Дубман Э.Л.

Воеводы и воеводская система управления в Самаре конца XVI – начала XVIII вв. 61

Смирнов Ю.Н.

Новый источник о пребывании Александра I в Самаре 69

Артамонова Л.М.

Уездный интеллигент первой половины XIX века - ставропольский и самарский учитель Петр Кириллович Сычугов 71

Изюмова Ю.А.

Самарское общество «Друг детей» и борьба с беспризорностью в 1920-е гг. 78

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Дубинин С.И.

У истоков нашего университета: интервью с Н.С. Черных 84

Дубман Э.Л., Кабытов П.С.

О жизни и о себе... 93